

Л.М. Кулагина

Экспансия английского империализма в Иране

в конце XIX –
начале XX в.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Л. М. КУЛАГИНА

ЭКСПАНСИЯ
АНГЛИЙСКОГО
ИМПЕРИАЛИЗМА
В ИРАНЕ
В КОНЦЕ
XIX—НАЧАЛЕ XX В.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1981

Ответственный редактор
Н. А. КУЗНЕЦОВА

В монографии исследуются цели и задачи политики английского империализма в Иране в конце XIX — начале XX в., а также социально-экономическое положение страны в этот период.

К 10605-133
013(02)-81 76-81. 0506000000

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1981.

ВВЕДЕНИЕ

Иранская революция 1978—1979 гг. — знаменательное событие нашего времени. Длительная и упорная борьба иранского народа против реакционного шахского режима завершилась победой. Как писал В. И. Ленин, «за периодом пробуждения Востока в современной революции наступает период участия всех народов Востока в решении судеб всего мира, чтобы не быть только объектом обогащения»¹.

В свете широкой антимпериалистической борьбы иранского народа большой практический и теоретический интерес представляет изучение истории политики империалистических государств в Иране.

Англия, крупнейшая из колониальных держав, одной из первых начала экономическое и политическое проникновение в Иран. Английский империализм в течение десятилетий вырабатывал приемы и методы колониального закабаления Ирана, многие из которых в несколько видоизмененных формах используются неоколониалистами и в современную эпоху. В этой связи особую значимость приобретают слова Л. И. Брежнева о том, «что многие из освободившихся государств и поныне подвергаются экономической эксплуатации и политическому давлению со стороны империализма, который не примирился со своими поражениями. Он пытается во что бы то ни стало сохранить возможность эксплуатации народов, действуя новыми, более коварными методами»².

Колониальная политика английского империализма оказала отрицательное воздействие на политическое и экономическое развитие Ирана. Наибольшая активизация политики Англии в Иране приходится на период перерастания капитализма в его высшую стадию — империализм. Используя весь арсенал империалистических колониальных методов, британская буржуазия захватила важнейшие концессии и монополии в Иране, получив в свои руки управление многими отраслями хозяйства страны. Некоторые из тех концессий, которые были получены Англией в Иране в конце XIX — начале XX в., продолжали оказывать разрушающее воздействие на иранскую экономику и в новейший период. Так, например, было с известной кабальной нефтяной концессией д'Арси, полученной в 1901 г., от которой удалось освободиться только в 1951 г. в результате широкого народного движения.

В первоначальный период империалистического закабаления

Ирана стали складываться особые национально-исторические формы антиимпериалистической борьбы иранского народа, принявшие религиозную окраску шиитского ислама. Не зная истории этой борьбы, ее особенностей, трудно понять и современное движение трудящихся Ирана против американского империализма.

Вот почему, на наш взгляд, представляет особый интерес изучение экономической и политической экспансии английского империализма в Иране в конце XIX — начале XX в.

Данная работа является первой в советской историографии попыткой специального монографического исследования истории английской политики в Иране в указанное время.

Ленинская теория империализма стала главным ключом к изучению международных отношений и колониальной политики Англии в начальный период империализма. Работы В. И. Ленина вскрывают основные двигатели колониальной политики Англии, разоблачают тактические методы английской буржуазии.

Ценный материал для изучения политики английского империализма в Иране дают архивные источники, и прежде всего опубликованные и неопубликованные материалы фондов Архива Внешней политики России (АВПР), а также Центрального Государственного исторического архива в Ленинграде (ЦГИАЛ), которые особенно богаты экономической и торговой информацией.

Важным источником по исследуемой проблеме явились официальные публикации английского правительства («Синие книги»), издания внешнеполитических документов МИДа Англии, отчеты о парламентских дебатах, доклады английских консулов и другие документы.

Освещение английской политики в Иране, и в частности вопросов англо-русских отношений, были сделаны в работах русских дореволюционных авторов: М. И. Венюкова, М. В. Грулева, П. А. Риттиха, А. Е. Снесарева, С. Н. Южакова и др.

Советская историческая наука имеет серьезные достижения в изучении английской империалистической политики в Иране. Первые марксистские исследования на эту тему появились уже в 20—30-х годах, в книгах и статьях таких авторов, как Н. Н. Бобынин, В. А. Гурко-Кряжин, М. П. Павлович, А. Л. Попов, А. А. Тимофеев, Г. В. Шитов и др.

Более глубокой и всесторонней научной разработке подверглась эта проблема после второй мировой войны. Советские исследователи — Ю. Н. Абдуллаев, Б. В. Ананьич, И. В. Бестужев, Г. Л. Бондаревский, П. П. Бушев, Р. М. Емченко, А. И. Звавич, А. В. Игнатъев, Б. Маннанов, А. М. Матвеев, Л. И. Мирошников, И. Низамутдинов, А. Ф. Остальцева, П. Н. Остриков, Н. А. Халфин, Г. А. Хидоятов, Е. Л. Штейнберг и другие — внесли важный вклад в изучение характера и особенностей политики английского империализма в Иране во

второй половине XIX — начале XX в. Разносторонний анализ внутривосточных процессов в Иране и политики империалистических держав в этой стране в рассматриваемые годы дан в работах З. З. Абдуллаева, Ш. М. Бади, Н. К. Беловой, В. С. Глуходеда, А. И. Демина, М. С. Иванова, М. Н. Ивановой, Л. Г. Истягина, Н. А. Кузнецовой, Р. А. Сеидова, Ш. Э. Тагиевой и др.

Ценный фактический материал по истории английской политики в Иране содержится в книгах иранских авторов: А. Данашпура, М. Джамаль-заде, Н. Кермани, Махмуд Махмуда, Р. Сефевии, И. Теймури и др.

Немало исторических работ английских и американских авторов посвящено оправданию политики английского империализма на Среднем Востоке, и в частности в Иране. Это работы известного английского ираниста Э. Броуна, книги П. Сайкса, Д. Фрезера и др. Наибольшее число такого рода работ появилось в последние десятилетия. Среди них выделяются сравнительной полнотой используемых источников книги таких авторов, как И. Ахмад, Р. Гривс, Ф. Казем-заде и др.

Трактовка буржуазными авторами тех или иных событий, как правило, далеко не соответствует действительности и не вскрывает подлинных целей и методов правящих кругов Великобритании. В работах современных английских и американских историков предпринимаются попытки обелить колониальную политику Англии на Востоке, представить ее только как вынужденное противодействие политике царской России.

В последнее время в Англии переиздаются сочинения адептов английской колониальной политики на Востоке XIX в. И это не случайно. В связи с обострением идеологической борьбы между социализмом и империализмом современные буржуазные историки, ссылаясь на авторитеты прошлого, стремятся опорочить внешнеполитическую, подлинно интернациональную линию Советского государства на Востоке, отождествить ее с колониалистской политикой царского правительства.

Учитывая политическое и научное значение темы, в работе делается попытка выявить подлинные цели политики английского империализма в Иране, показать масштабы его проникновения в эту страну, а также формы и методы его колониальной стратегии.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ АНГЛИЙСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА В ИРАНЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

«Последняя треть XIX века была переходом к новой империалистской эпохе»¹, — отмечал В. И. Ленин. Переход к империализму сопровождался важными изменениями как во внутренней, так и во внешней политике крупнейших капиталистических государств.

Англия значительно опередила все страны по уровню экономического развития и колониальным владениям, приобретение которых началось еще в XVI—XVII вв., что стало одним из главных моментов первоначального накопления капитала у английской буржуазии. Англия, захватив колонии во всех частях света, выкачивала оттуда «добавочный капитал» для усиления своей промышленности и превратилась в конце концов в «фабрику мира». Ее уголь, металл, машины, суда, ткани, станки были вне конкуренции. Это способствовало тому, что в Англии империализм стал развиваться ранее, чем в других странах. В. И. Ленин писал что «две крупные отличительные черты империализма имели место в Англии с половины XIX века: громадные колониальные владения и монопольное положение на всемирном рынке»². В стране, обладавшей огромными колониальными владениями, империализм носил колониальный характер³. Нигде эксплуатация колоний не играла такой роли в капиталистической экономике, как в Англии.

Государственно-монополистический капитализм как новое явление в развитии империалистического капитализма появился в Англии к 70-м годам XIX в.⁴ в виде прямого подчинения ряда предприятий или целых отраслей буржуазному государству; в создании смешанных акционерных обществ с участием частного и государственного капитала; в государственных заказах монополиям; в государственных субсидиях и налоговых льготах для них; в «посредничестве» государственных органов в отношениях между предпринимателями и рабочими; в проведении социальных реформ; в «регулировании» рынка труда; в политике протекционизма.

Развитие монополистического капитализма в Англии опиралось также на ее огромные колониальные владения, которые

служили источником сырья и рынком сбыта английских промышленных товаров и местом приложения капитала. Появляются монополии в химической, хлопчатобумажной, металлургической, судостроительной и других отраслях промышленности. Процесс концентрации в банковском деле протекал особенно быстро. Лондон стал центром финансовой эксплуатации всего мира.

Вступление Англии в империалистическую стадию развития, однако, происходило в условиях, когда ее промышленная монополия была уже подорвана. В. И. Ленин писал: «Промышленная монополия Англии разрушена еще в конце XIX века. Это бесспорно»⁵.

Такие страны, как США, Германия, Япония, по темпам экономического развития значительно превзошли Англию. Темп промышленного развития Англии замедлился, начался экономический спад.

На экономическое развитие Англии последней трети XIX в. большое влияние оказал длительный кризис, который с небольшими перерывами продолжался почти два десятилетия — с начала 70-х до 90-х годов. Сильный удар английской промышленности нанес мировой кризис 1873 г. Как отмечал Ф. Энгельс, «с 1876 г. все главные отрасли промышленности (Англии.— Л. К.) находятся в состоянии хронического застоя»⁶. Доля Великобритании в мировом промышленном производстве сократилась за 30 лет, с 1870 по 1900 г., почти вдвое⁷. Особенно пострадала тяжелая промышленность. Так, если в 1872 г. производство чугуна составило 6742 тыс. т, то уже все последующие годы оно систематически падало⁸. В состоянии хронического застоя находились и другие отрасли промышленности. Непрерывно росло число банкротств. Закрывались сотни заводов и фабрик. Потеряв промышленную гегемонию, английский империализм старался компенсировать убытки еще большей эксплуатацией колониальных и полуколониальных стран. В этот период еще сохранилось первенство Великобритании во внешней торговле, но и здесь уже чувствовалась конкуренция развивающихся капиталистических стран. Не желая уступить первенство, английская буржуазия видела единственный выход из создавшегося положения в приобретении новых рынков. Поэтому призыв «Рынки! Новые рынки!» не сходил с уст английских ораторов и на деловых заседаниях, и на званых обедах⁹. Английский капитализм пытался поддержать свою экономику, а также и социальный мир в стране не только путем эксплуатации уже имевшихся колоний и зависимых от него стран, но и путем приобретения новых колоний и новых рынков сбыта.

Английская буржуазия опять оказалась в выгодном положении, когда вывоз товаров стал все больше заменяться характерным для империализма вывозом капитала. За долгие годы колониального господства она смогла накопить громадные сос-

тояния. Вплоть до первой мировой войны Англия занимала первое место по вывозу капитала. Заграничные инвестиции Великобритании выросли с 144 млн. ф. ст. в 1842 г. до 2025 млн. ф. ст. в 1905 г. Английские банкиры получали огромные доходы, которые оценивались в 100 млн. ф. ст. ежегодно¹⁰. Английские банки, словно щупальцами, охватывали своими отделениями весь мир. Британский флот продолжал обслуживать купцов многих стран, и Лондон оставался мировой товарной биржей. В 90-х годах 55% внешнеторговых перевозок США и 45% — Франции осуществлялись на британских кораблях¹¹.

Колонии и зависимые страны обеспечивали Англии самый надежный рынок сбыта для ее товаров и являлись поставщиками сырья и продовольствия, в которых она очень нуждалась. В них же размещалось до половины британских капиталовложений. Именно здесь находили применение своим силам и удовлетворяли страсть к наживе многие тысячи английских чиновников и офицеров, которые на родине не смогли найти себе применения.

В политическом отношении переход к империализму означал усиление милитаризма, поворот от демократии к политической реакции, рост национального гнета. Обострялась классовая борьба, увеличивалось число забастовок, стачек. Все это приводило к усилению реакции во внутривнутриполитической жизни страны. На парламентских выборах 1874 г. крупную победу одержала консервативная партия — к власти пришло правительство, которое возглавлял Дизраэли — «такой склонный, вообще говоря, к империализму государственный деятель»¹².

Одной из причин победы консерваторов на выборах была их внешнеполитическая программа, требовавшая усиления колониальных захватов, что целиком соответствовало интересам крупной буржуазии. Ф. Энгельс, давая характеристику социальной базы парламента 1874 г., писал, что новый парламент «является исключительно представителем крупного землевладения и денежного мешка»¹³.

Характерным явлением для Англии того времени была двухпартийная система, которая в XIX в. приобрела особенно разработанный вид¹⁴. К власти попеременно приходят то либеральная, то консервативная партии.

Особенностью двухпартийной системы явилось то, что и консерваторы и либералы были выходцами из привилегированных, эксплуататорских классов. «Политика на британских островах — очень привилегированная профессия, доступная в силу традиций и связанных с ней больших расходов только маленькой кучке лордов, графов, сэров и прочих баловней богатства и судьбы»¹⁵. Но из этого не следует, что официальное деление буржуазии на партии утратило всякое значение. Консерваторами были крупные землевладельцы, представители тяжелой промышленности, а также англо-индийские политические круги и

правительственная бюрократия. Либералы же находили себе приверженцев среди мелкой и средней буржуазии, связавшей свою судьбу с предприятиями мелкой легкой промышленности, с внешней торговлей, торговым судоходством. Независимо от того, на какие слои буржуазии опирались правящие партии Англии, они прежде всего стояли на страже интересов господствующих классов. «Наши альтернативные кабинеты, хотя и принадлежат к разным партиям, но никогда не различались по основным вопросам общественного устройства и политики»¹⁶, — неоднократно подчеркивали сами англичане. Особое единство действий партий наблюдалось в области внешней политики, где их объединяла общность интересов при эксплуатации Индии и других стран Востока. Империалистическая внешняя политика правительства встречала неизменное одобрение всех слоев английской буржуазии. Политические деятели обеих партий, соревнуясь в красноречии, наперебой выступали в защиту активной колониальной политики Англии. В литературе и публицистике все чаще стали появляться сочинения, посвященные колониальной политике, оправданию и восхвалению ее. Церковь также выступала за активную внешнюю политику.

Пропагандой колониальной политики занимались также два общества — Королевское колониальное общество, созданное в 1869 г. и в 1870 г. переименованное в Имперский колониальный институт, и Лига имперской федерации, созданная в 1884 г. На заседаниях этих обществ обсуждались важнейшие проблемы Британской империи¹⁷.

В конце XIX в. на арене политической жизни Англии выступали такие политические деятели, как У. Гладстон, Б. Дизраэли, Р. Солсбери. Несмотря на их принадлежность к разным партиям, в проводившейся ими внешней политике было очень много общего — они были активными сторонниками колониальной политики Англии.

В начале XX в. к руководству Великобританией приходят другие люди — Дж. Чемберлен, Г. Асквит, А. Бальфур, Э. Грей. Все они являлись откровенными империалистами, тесно связанными с финансовым капиталом. Это деятели новой фазы развития буржуазного общества — господства финансового капитала с его монопольными образованиями, диктатурой финансовых и кредитных институтов, усиленным протекционизмом, погоней за рынками сырья, усилившейся борьбой за сферы влияния и колонии, увеличением вооружений, активизацией дипломатии и другими явлениями¹⁸.

Победив на выборах в 1874 г., консерваторы сформировали кабинет, в который наряду с Б. Дизраэли вошли Э. Дерби — министр иностранных дел, Р. Солсбери — директор индийского департамента, впоследствии министр иностранных дел и премьер-министр. Главным творцом азиатской внешней политики был лорд Солсбери. Он выражал интересы английской империали-

стической буржуазии, был очень гибок в своих воззрениях: то выступал сторонником активной наступательной политики Англии, то придерживался сдержанной тактики. Именно лорд Солсбери определял средневосточную английскую политику в конце XIX в.

Господствующий класс Великобритании не был однородным, а распадался на несколько социальных групп, связанных с определенными экономическими и финансовыми кругами. Находясь у власти, эти группы наряду с защитой интересов всего господствующего класса страны на первое место все же ставили свои групповые интересы. Шла ожесточенная борьба внутри самих правящих классов Англии. Особенно острая борьба велась по вопросам внешней политики. В английском правительстве существовало несколько группировок: «китайская», «южноафриканская», «средневосточная» и др. «Средневосточная» группировка определяла политику Англии в странах Ближнего и Среднего Востока. Большое влияние на политику этой группировки оказывали англо-индийские политические круги, интересы которых были тесно связаны с Индией. Они представляли наиболее агрессивное, реакционное крыло господствующих классов Англии. Интересы этой политической группировки оказали огромное влияние на внешнюю политику Великобритании в последней четверти XIX в.¹⁹ Оно было особенно сильным потому, что в период, когда главными противниками Великобритании были Франция и Россия, цели «средневосточной» группировки в значительной степени совпадали с интересами всего английского правящего класса.

С конца XIX в. лидером «средневосточной» группировки становится Дж. Н. Керзон, видный политический деятель.

Керзон принадлежал к числу открытых сторонников британской экспансионистской политики на Среднем Востоке, ревностно защищавших интересы английского империализма в Индии, Афганистане и Иране. Начав свою политическую карьеру в 1885 г. в качестве помощника личного секретаря Солсбери, Керзон вскоре был избран в парламент, а затем, незадолго до падения кабинета Солсбери, занял в нем пост товарища министра по делам Индии. В 1895 г. он — товарищ министра иностранных дел. Керзон много ездил по Индии, Ирану, Афганистану и странам Ближнего Востока. Результатом этих поездок явились две книги, «Персия и персидский вопрос» и «Россия в Центральной Азии в 1889 году и англо-русский вопрос»²⁰, в которых четко излагается программа действий Англии в Иране и других странах Среднего Востока. Став вице-королем Индии (1899—1905), Керзон получил в свое распоряжение вооруженные силы и финансы этой страны, что значительно укрепило позиции возглавляемой им «средневосточной» группировки.

Средний Восток рассматривался правящими кругами Великобритании не столько как выгодный район для вывоза и при-

ложения английского капитала, сколько как важный стратегический плацдарм для борьбы за новые территории и колонии.

В целях маскировки своей агрессивной политики на Ближнем и Среднем Востоке английская дипломатия, а за ней публицистика и историография широко использовали один из вымыслов — о мнимой «русской угрозе Индии». Зародился этот вымысел еще в конце XVIII — начале XIX в., и не случайно его возникновение совпало с активизацией английской внешней политики, с появлением первых проектов создания обширной колониальной империи на Востоке путем подчинения Англии стран, лежащих на пути от восточной части Средиземного моря к Индии. На протяжении длительного периода он служил как бы оправданием агрессивной политики английской буржуазии. Используя его, Англия пыталась придать всей своей внешней политике «оборонительный» характер. Такая политика получила активную поддержку английской дипломатии и военных кругов, ее приветствовали колониальные власти в Индии и она была детально разработана в сочинениях апологетов английской колониальной политики — Дж. Макнила, А. Бернса, Г. Роулинсона, Ч. Мак-Грегора, Ф. Тренча, Дж. Керзона и других и прочно утвердилась в английской историографии. Вот как ее сформулировал генерал-квартирмейстер Индии Ч. Мак-Грегор: «Простой способ (обезопасить Индию. — Л. К.) заключается в присоединении Афганистана и в образовании из Герата английской пограничной провинции»²¹. И далее: «Я торжественно свидетельствую свое убеждение в том, что никогда не может произойти настоящего решения русско-индийского вопроса, доколе Россия не будет вынута из Кавказа и Туркестана»²². Такое же откровенное признание агрессивных целей английского империализма имеется и у Керзона. Он советует для защиты англо-индийских интересов превратить в британские владения Систан, Белуджистан и Персидский залив²³. И уж совсем откровенно звучит высказывание индийского главнокомандующего Ч. Пакье: «Если бы я был королем Индии, я заставил бы дрожать Москву и Пекин... Пятиречье и Пенджаб, Индостан и Синд, Красное море и Малагу — какая цепь воды и суши, чтобы связать Англию с Индией»²⁴.

О том, что идея «обороны Индии» была только политической уловкой, свидетельствует много фактов. Даже крупные политические деятели Англии, определявшие ее внешнюю политику, не верили в реальную возможность осуществления столь невероятного для царской России плана — нападения на Индию. Например, Г. Роулинсон, один из создателей этой легенды, в своем докладе в 1873 г. был вынужден признать, что «Россия пока еще далека от планов вторжения в Индию»²⁵. Подобное же мнение высказал и Р. Солсбери. В письме к вице-королю Индии Норсбруку в феврале 1875 г. он сообщал: «Я вполне разделяю Ваше мнение, что русское наступление на Индию яв-

ляется химерой»²⁶. Уже позднее ту же мысль высказал и английский министр иностранных дел Э. Грей. В начале мая 1911 г., выступая в Комитете имперской обороны, он заявил: «Я не думаю всерьез, чтобы Россия когда-нибудь готовилась на индийских границах к вторжению в Индию»²⁷.

«Английская версия о „русской угрозе Индии“ ложна, искусственна и тенденциозна и имеет определенное назначение: оправдать агрессивную политику Великобритании на Востоке в глазах международной общественности и самого английского народа», — писал советский исследователь Е. Л. Штейнберг²⁸. Эта внешнеполитическая концепция английских правящих кругов подверглась серьезной критике и разоблачению во многих трудах советских ученых: Г. Л. Бондаревского, П. П. Бушева, А. Л. Нарочницкого, М. В. Попова, М. К. Рожковой, Н. А. Халфина, Г. А. Хидятова, Е. Л. Штейнберга и др.

И, вероятно, можно было бы и не возвращаться к этой легенде, если бы до сих пор она не была на вооружении английской и американской историографии и не оказала влияние на современную историографию развивающихся стран. Некритическое отношение к реакционным концепциям западной историографии содержится в работах ряда индийских²⁹ и иранских³⁰ ученых.

Поэтому продолжает оставаться актуальным вопрос о разоблачении целей и задач английской политики в странах Ближнего и Среднего Востока.

Наступление эпохи империализма привело к коренным изменениям в международных отношениях в Европе. Стремление молодых империалистических государств, в особенности Германии, к переделу мира и захвату уже поделенных земель прежде всего затрагивали интересы Британской империи, владевшей огромными колониальными территориями в Азии и Африке. Германия угрожала не только колониальной монополии Англии, но и ее промышленному и морскому могуществу. Обострение в конце XIX в. противоречий с Германией, Россией и другими империалистическими странами в борьбе за влияние в странах Востока, угроза колониальному владычеству Англии и ее морскому могуществу и, наконец, потеря промышленной монополии — все это вынуждало английскую дипломатию отказаться от прежних принципов внешней политики. После 1871 г. Англия уже усматривала для себя опасность в поползновениях Германии добиться гегемонии на континенте, хотя до конца столетия главными соперниками на колониальной арене оставались Россия и Франция.

До начала XX в. Англия не примыкала ни к одной из группировок противоборствующих держав и следовала политике «блестящей изоляции». Она стремилась сохранить свободу действий в условиях назревших международных конфликтов и рассчитывала на то, что взаимная борьба европейских держав по-

может ей сохранить и даже увеличить британскую колониальную империю. Поэтому английская дипломатия предпочитала не связывать себя длительными союзами с европейскими странами и ограничивалась временными соглашениями. Однако в связи с изменением соотношения сил в Европе в эпоху империализма такая политика становилась опасной. Поэтому английская дипломатия решительно откасалась от политики «блестящей изоляции» и встала на путь более тесного сближения с капиталистическими державами.

Международная обстановка последней четверти XIX в. отличалась большой сложностью. В 70—80-х годах началась империалистическая борьба за африканские колонии, в которой Англия приняла самое активное участие, затем — за экономическое и политическое господство в Китае. Английский империализм боролся за укрепление своего влияния в Турции, на Аравийском полуострове, побережье Персидского залива.

С середины 70-х годов вновь обостряется «восточный вопрос». Англия заняла открыто враждебную позицию в отношении России, активно поддерживала Турцию. Английская дипломатия рассматривала восточный вопрос в неразрывной связи с вопросом об Иране и Афганистане.

Хотя Англия в район своего непосредственного влияния включала кроме Ирана еще Тибет и Афганистан, но именно Ирану ввиду его географического положения, стратегического и экономического значения английский империализм придавал особо важное политическое значение. Иран мог служить удобным плацдармом для осуществления английской экспансии на Ближнем и Среднем Востоке. Территория Ирана, особенно ее южная часть, была тем недостающим звеном, которое соединило все находившиеся под английским влиянием территории.

Как пишет в своей работе К. Ачесон, «британские интересы в Персии уходят в XVI столетие. Вначале эти интересы были исключительно торговые»³¹. Но с расширением колониальных владений Англии на первое место в Иране выходят уже стратегические и политические интересы³². В начале XIX столетия Англии удалось проникнуть в Иран, заключив ряд важных политических и торговых договоров, и путем военного нажима овладеть довольно прочными позициями в этой стране.

О большом значении Ирана для укрепления позиций Англии на Среднем Востоке говорят планы и программы английско-го проникновения в эту страну, разработанные политическими и общественными деятелями Великобритании в середине XIX в. Об этих планах открыто никогда не говорилось, они хранились в тайне, но о том, что они существовали, свидетельствуют многие факты. Как отмечается в «Истории дипломатии», империализм в своей внешней политике всегда использовал тайную дипломатию. Все серьезные международные вопросы решались путем секретных переговоров³³.

Известный военный и политический деятель Англии, специалист по Среднему Востоку Г. Роулинсон в своей книге «Англия и Россия на Востоке» признается, что существовала определенная программа, направленная на достижение максимума английского влияния в Иране и установление контроля над действиями тегеранского двора, вплоть до руководства его политикой³⁴. «Таймс» писала, что правительство полно решимости проводить в жизнь таинственную программу, пункты которой известны, но суть которой сводилась к утверждению Англии в Тегеране³⁵. Завесу над этой программой приподнял тот же Роулинсон. В 1868 г. он составил для членов парламента меморандум «О противодействии проникновению России в Среднюю Азию», в котором много места уделено планам Англии в Иране. Роулинсон призывал к активизации английской политики в Иране³⁶. Он советовал английским офицерам занимать всевозможные посты в иранских войсках, передать шаху в качестве подарка современные оружие и артиллерию. «Вложение английских капиталов в банки, железные дороги, шахты и другие коммерческие предприятия Ирана совершенно доступно», — писал Г. Роулинсон³⁷. Учитывая необыкновенную любовь персидских вельмож к подаркам и подношениям, Г. Роулинсон предлагал английским представителям широко практиковать взятки в обмен на получение различных привилегий и уступок для Англии. Наконец, он считал очень важным принять участие в создании и содержании морского флота в Персидском заливе. Меморандум Роулинсона был программой, выдвинутой наиболее агрессивной частью британских правящих кругов, и отражал вполне определенные взгляды все большего числа политических деятелей Великобритании. Необходимо подчеркнуть, что именно с этого времени, т. е. с конца 60-х — начала 70-х годов XIX в., политика Англии в Иране получила новое направление. Если в доомонополистическую эпоху колониальные приобретения капиталистических государств происходили главным образом путем непосредственных военных захватов отдельных стран и территорий, то в этот период на первый план выходят методы экономической и политической агрессии в отношении зависимых и отсталых стран.

«Все акции правительства Дизраэли, а затем и Солсбери удивительно совпадали с программной линией, намеченной Роулинсоном. Солсбери, например, так же как и Роулинсон, придавал большое значение господству Англии в Персидском заливе. Он считал, что Англия должна захватить одну-две базы в Персидском заливе, и они в руках англичан должны стать неприступными крепостями, за которые нужно будет держаться так же упорно, как за Гибралтар»³⁸. Р. Л. Гривс в своей книге подчеркивает, что Солсбери придавал иранскому вопросу особое значение³⁹.

Практически программа действий английского империализ-

ма в Иране, за исключением небольших деталей, не менялась в течение всей последней трети XIX — начала XX в. И что это так, подтверждает другой меморандум, «О британской политике в Иране», составленный уже в 1889 г. Керзоном. Этот документ заслуживает серьезного внимания прежде всего потому, что в нем содержится подробный анализ политических целей и интересов метрополии и Британской Индии в Иране. Керзон писал, что прежде всего «это интересы коммерческие, политические, стратегические»⁴⁰.

«Для защиты и поддержки британских интересов в Персии, — отмечал Керзон, — в течение текущего столетия были потрачены и продолжают ежегодно тратиться большие суммы денег как правительством Ее Величества, так и правительством Индии»⁴¹. Давая подробный анализ этих интересов, Керзон оптимистически оценивает развитие экономических отношений с Ираном. Он отмечает, что торговля Великобритании с этой страной с каждым годом будет расти, а определенная часть английских капиталов будет вкладываться в промышленные предприятия в разных районах страны; таким путем будет осуществляться политическое влияние в этой стране⁴².

Политические интересы Великобритании в Иране, по мнению Керзона, в основном были индийские. Но здесь же, противореча самому себе, он писал, что, «однако, было бы несправедливо и в настоящее время относить эти интересы исключительно к индийским» и, даже «если бы Британская Индия и не существовала или она попала бы в другие руки, британское правительство тем не менее вынуждено было бы проявлять активный политический интерес к судьбе Персии», поскольку, объяснял Керзон, «Персия принадлежит к числу тех стран, которые, попали они или нет в орбиту западных держав, более могущественных, чем они сами, должны неизбежно притягивать внимание Европы, частью из-за их все возрастающей слабости, но гораздо более из-за предполагаемых возможностей и находящихся в скрытом состоянии источников богатств»⁴³.

В другой части меморандума Керзон подчеркивал, что судьба Ирана имела жизненно важное значение для британского владычества в Индии⁴⁴.

Стратегическое значение Ирана, по мнению Керзона, состояло в том, что оно может содействовать обеспечению монопольного господства Великобритании в Центральной Азии и Персидском заливе — на главных морских и сухопутных путях, соединяющих Дальний Восток с Европой.

«Великобритания готова, — писал Керзон, — собрать все свои силы для защиты с помощью оружия этих интересов, если они будут подвергаться опасности или оспариваться»⁴⁵. Меморандум Керзона свидетельствовал об активизации английской политики в Иране в конце XIX — начале XX в. В нем особо подчеркивалось важное стратегическое и политическое значение этой страны и

давалась развернутая программа постепенного политического и экономического закабаления Ирана.

Керзон отражал интересы тех слоев господствующих классов Великобритании, которые были заинтересованы в эксплуатации Среднего Востока, и в частности Ирана. Это акционеры Имперского банка Ирана во главе с влиятельным колониальным деятелем Гриффином, основатель английских нефтяных предприятий в Иране д'Арси, крупный банкир и личный друг короля Эдуарда VII Кассель — учредитель и организатор многих английских финансовых и транспортных предприятий на Среднем Востоке, Г. Линч — глава английской транспортной компании, имевший монополию на паромное сообщение по Тигру и Евфрату, банкиры и предприниматели Сассуны и др.⁴⁶

Их политические и экономические интересы, сосредоточенные в основном в странах Среднего Востока, были тесно связаны с Индией. Поэтому нет ничего удивительного, что политика Великобритании в отношении Ирана находилась под сильным влиянием англо-индийских властей, и это, несомненно, накладывало особый отпечаток на всю английскую политику в Иране⁴⁷. В течение XIX в. значительная часть расходов английской миссии в Иране покрывалась за счет индийского бюджета. Англо-индийские власти назначали своих чиновников на посты английских консулов в Мешхеде, Бушире, Систане, Кермане, Керманшахе, вице-консулов в Бендер-Аббасе, Ахвазе.

Торговля в южном Иране велась в основном индийской буржуазией. Следовательно, британские колонизаторы осуществляли свою политическую и экономическую экспансию в Иран за счет материальных и людских ресурсов Индии, обременяя страну огромными поборами и расходами⁴⁸.

В своем меморандуме Керзон планировал расширить английскую экспансию в Иран, привлекая не только вооруженные силы и средства Индии, но и самой метрополии. Об осуществлении меморандума Керзона на практике свидетельствуют факты. В инструкции министра иностранных дел Англии, данной посланнику в Тегеране в 1902 г., находим сообщение, что в 1900 г. министр иностранных дел Великобритании получил согласие министра иностранных дел Ирана «не предпринимать каких-либо важных шагов без консультации с британским правительством в портах Мохаммере, Бушире, Бендер-Аббасе и др., а также в районах Персии, где есть особые британские интересы»⁴⁹. Если учесть, что зона влияния Англии, как ее определил Керзон в своем меморандуме, простиралась от Ханекина через Керманшах, Хамадан, Исфахан, Йезд, Керман до Систана, то она фактически занимала 1/3 страны⁵⁰. И в этой зоне иранское правительство уже не пользовалось полным суверенитетом.

Вероятно, в результате осуществления этих далеко идущих планов английских империалистов в Иране страна постепенно превратилась бы в колонию Англии, подобно Египту, Кувейту,

Ираку, Кипру, Бирме и многим другим странам. Но этому мешала Россия. Иран, расположенный вдоль южной границы России, имел для нее важное экономическое и политическое значение. С конца XIX — начала XX в., когда туда стали активно проникать капиталистические государства, правящие круги России опасались, что он может стать удобным плацдармом для нападения на нее. Поэтому активизация политики Англии в Иране встретила резкое противодействие России. Иран превратился в объект ожесточенной экономической и политической борьбы Англии и царской России. Именно соперничество этих двух держав, как это ни парадоксально, явилось одной из причин, спасших Иран от формального превращения в колонию. Оба государства, имея политические и экономические интересы в Иране, ревностно следили за деятельностью друг друга, препятствуя росту преобладающего влияния одной из сторон. Иранский шах и его окружение играли на противоречиях держав, умело пользовались их соперничеством, вызвали конфликты между дипломатическими представителями Англии и царской России.

Англо-русское соперничество в Иране занимает одно из центральных мест в общей проблеме англо-русских отношений рассматриваемого периода, и без его учета нельзя понять многие вопросы международной политики и события в жизни Ирана конца XIX — начала XX в.

Россия позже других европейских держав вступила на путь капиталистического развития. «И после 61-го года, — писал В. И. Ленин, — развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века»⁵¹. Но экономика России находилась в зависимости от многих развитых капиталистических стран, и эта зависимость в значительной степени определяла ее внешнюю политику.

В конце XIX в. кроме политических интересов в Иране Россию начинают привлекать интересы экономические. Освоение иранского рынка рассматривалось царизмом как дело будущего. В конце 90-х годов и в начале XX в. такие политические деятели, как А. Н. Куропаткин (военный министр) и С. Ю. Витте (министр финансов), указывали на заинтересованность России в иранском рынке⁵².

Столкнувшись в Иране с более развитой империалистической державой, царизм был вынужден прибегать к новым методам: добиваться концессий, открывать банки, строить промышленные предприятия, вести борьбу за вывоз капитала и освоение иранского рынка. Проводить такую политику при экономической и промышленной отсталости России было очень сложно. Практически экономическое проникновение в Иран проводилось царизмом в основном только за счет казны⁵³.

В борьбе за экономическое преобладание в Иране лидирова-

ла Англия. Именно английский империализм ввел новые методы проникновения в Иран, добивался разнообразных концессий, монополий, выдвигал проекты строительства железных и шоссейных дорог и т. д.

Активизация английской политики в Иране заставляла русскую дипломатию прибегать к более интенсивным действиям. На любую инициативу Англии Россия отвечала контрударом и добивалась тех же льгот и уступок. В 1872 г. английский подданный Ю. Рейтер получил у иранского шаха концессию на строительство железной дороги. Вскоре русские дипломаты добиваются дорожной концессии на севере Ирана. В 1889 г. англичане получают концессию на создание банка в Иране; в 1890 г. подобная концессия была предоставлена России и т. д.

Англо-русское соперничество в Иране в последней трети XIX — начале XX в. можно разделить на два периода. Первый — 70-е годы XIX в. до 1905 г. — характеризуется максимальным обострением борьбы двух государств, каждое из которых стремилось занять более выгодные позиции в Иране. В этот период были получены основные концессии, достигнуты значительные успехи в развитии внешней торговли. Главная цель русского царизма в Иране в рассматриваемое время состояла в том, чтобы «сохранить целостность и неприкосновенность владений шаха, не ища для себя территориальных приращений, не допуская преобладания третьей державы, постепенно подчинить Персию своему господствующему влиянию, без нарушения, однако, как внешних принципов ее самостоятельности, так и внутреннего строя»⁵⁴. Поэтому все предложения Англии провести разграничения сфер влияния обеих держав в Иране, России — в северной, а Англии — в южной, отклонялись русским правительством.

В эти годы Англии, несмотря на сильное противодействие России, удалось добиться больших успехов в своей политике в Иране. Практически уже к концу XIX в. Россия была вынуждена считаться с единоличным господством Англии в южных провинциях, ограничив зону своего влияния северными районами. В этом соперничестве победила более сильная, экономически и политически развитая держава.

Поражение России в русско-японской войне, утрата бывшего влияния на Балканах значительно подорвали ее авторитет на международной арене. Революция 1905 г. еще более ослабила царское правительство. К этому времени усиливаются англо-германские и русско-германские противоречия. Наступает новый период в англо-русских отношениях; раздел Ирана на сферы влияния. Основной причиной того, почему Россия пошла на соглашение с Англией, была практическая невозможность проводить активную политику на азиатских границах и продолжать борьбу против Англии теми же методами, какими она велась ранее⁵⁵.

Английское правительство хорошо понимало трудности внут-

ренней и внешней политики России и поспешило ими воспользоваться. «Со времени войны с Японией, — писал посланник Англии в Иране А. Никольсон, — русская азиатская политика по необходимости претерпела глубокие изменения»⁵⁶. Это заявление английского посланника перекликается с заявлением министра иностранных дел России А. П. Извольского. «Позиция России в Восточной Азии после несчастной войны и возобновления англо-японского соглашения так ослабела и сделалась настолько угрожающей, что не остается ничего другого, как только договориться непосредственно с Англией»⁵⁷. С этого времени намечается перелом в русской внешней политике. Россия была вынуждена пойти на соглашение с Англией.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ
АНГЛИИ В ИРАНЕ.
ОСНОВНЫЕ КОНЦЕССИИ АНГЛИЙСКОГО
ИМПЕРИАЛИЗМА

В колониальной политике капиталистических держав важную роль играли не только колонии, но и экономически слабо развитые страны, которые становились объектом закабаления со стороны империалистических государств. Методы этого закабаления были весьма различны: вооруженный захват, военная оккупация, кабальные займы, назначение советников, финансовый контроль, вымогательство концессий. Не меньшее значение имела неэквивалентная торговля, раздел на сферы влияния, неравноправные договоры, режим капитуляций и т. п. Наряду с «мирным» проникновением велась и подрывная работа в форме подготовки мятежей, дворцовых переворотов, создания марионеточных правительств¹. Вот далеко не полный перечень средств, применявшихся империалистическими государствами для закабаления и подчинения слаборазвитых стран.

Многие из этих способов и методов закабаления применялись английскими колонизаторами в Иране в конце XIX — начале XX в.

Первоначальной экономической основой колониального закабаления Ирана в конце XVIII — первой половине XIX в. явилось активное втягивание его в международный капиталистический рынок через систему внешней торговли².

Начиная с 60-х годов XIX в. наряду с вывозом товаров все большее значение приобретает вывоз капитала, который направлялся прежде всего в те отрасли хозяйства, которые способствовали развитию и расширению внешней торговли. Перед первой мировой войной вывоз иностранного капитала в Иран из Англии и России составил свыше 26 млн. ф. ст.³

Как отмечают многие советские исследователи, приток иностранного капитала в Иран не привел ни к развитию промышленности страны, ни к подъему сельского хозяйства⁴.

Деятельность многочисленных иностранных компаний и фирм в Иране, которые распоряжались инвестируемым капиталом, проходила вне сферы производства. Высокий процент в импортируемом капитале занимал ссудный капитал, который

обычно расходовался непроизводительно — на разнообразные удовольствия, путешествия шаха за границу и т. д. Другая часть иностранного капитала направлялась на развитие тех отраслей, которые были связаны преимущественно со сферой обращения. В конце XIX — начале XX в. ввоз иностранного капитала в Иран преследовал в основном цель создания более благоприятных условий для развития внешнеторговых операций европейской буржуазии в Иране⁵.

В то же время нельзя не учитывать, что развитие политических, торговых связей Ирана с европейскими государствами, ввоз в страну иностранного капитала дали определенный толчок к развитию Ирана по капиталистическому пути. Иностраный капитал стимулировал развитие элементов капитализма в иранской экономике, торговле, земледелии, промышленности, банковском деле и др. Но, будучи экономически более развитыми, капиталистические государства в конкурентной борьбе подавляли эти первые ростки капитализма в Иране, мешали развитию национальной промышленности и формированию буржуазии. Такая двойственная роль иностранного капитала в слаборазвитых странах присуща начальному периоду вывоза капитала⁶.

Политическая заинтересованность Англии в Иране объясняла то явление, что экономическое закабаление страны английскими империалистами шло при активной поддержке английского правительства. Все концессии и монополии в Иране были получены с благословения и при поддержке правящих кругов Англии. Более того, планы ряда концессий, например дорожных, телеграфных, были разработаны в министерстве иностранных дел Англии и предложены английским финансистам и промышленникам для осуществления их в Иране; в некоторых случаях правительство Англии даже гарантировало концессионерам возмещение убытков. Одними из первых английских концессий в Иране были телеграфные. О том, какое важное значение придавала Англия получению этих концессий, говорится в том же меморандуме Керзона, где наряду со стратегическими, политическими и торговыми интересами Англии в Иране упоминается и о телеграфных⁷. Телеграфные линии, проведенные через территорию Ирана, обеспечивали не только связь метрополии с Индией, но при помощи подводных кабелей в Персидском заливе, присоединенных к индийским кабелям, связь Великобритании с более отдаленными колониями, в частности с Австралией. Представители различных английских фирм неоднократно пытались добиться разрешения шаха на строительство телеграфа, но постоянно встречали отказ. Учитывая важность концессии, в борьбе за ее приобретение принимали активное участие правительства Англии и Британской Индии. Через своих дипломатических представителей в Иране они оказали политический нажим на иранское правительство и использовали свой старый и испытанный способ — подкуп влиятельных лиц. Им удалось подкупить мини-

стра общественных работ Ирана Мохбер од-Доуле, который помог британскому правительству во время подписания соглашения о телеграфе⁸. Иранский историк Р. Сефеви пишет, что телеграфная концессия была «буквально вырвана у персидского правительства англичанами в результате длительного нажима и интриг»⁹.

Первая концессия на строительство телеграфа в Иране была подписана в 1862 г., хотя переговоры о ней начались значительно раньше. Английский департамент индо-европейского телеграфа получил концессию на строительство и эксплуатацию телеграфной линии от Ханекина до Тегерана и от Тегерана до порта Бушир. По телеграфной концессии 1865 г. на линии Ханекин — Бушир протянули второй провод, который «использовался исключительно для международных депеш, передаваемых на европейских языках»¹⁰. В 1868 г. фирма братьев Сименс арендовала у Великобритании и Германии телеграфные линии между Лондоном и Россией до Александровска. Отсюда по соглашению с иранским правительством фирма протянула двойной кабель через Одессу, Тифлис, Тегриз к Тегерану, где он соединился с уже существовавшими телеграфными линиями. В Бушире линия была присоединена к английскому подводному кабелю Джаск — Маскат — Карачи. В 1872 г. по новой телеграфной конвенции из трех линий кабеля, проложенных в Иране, две использовались для международной связи и одна — для внутренней. В 1898 г. в связи с укреплением позиций англичан на юге Ирана было решено проложить новую линию — через юго-восточную часть Ирана до Карачи¹¹.

По телеграфной конвенции 1901 г. иранское правительство обязалось в счет английской ссуды продолжить линию Тегеран — Бушир через Йезд и Керман в Белуджистан.

Согласно подписанным между Ираном и Великобританией телеграфным концессиям иранское правительство связало себя тяжелыми обязательствами. Оно обязалось ассигновать средства для постройки телеграфа, закупать необходимые материалы только в Англии и передать управление телеграфом английским представителям¹². В ст. 2 конвенции 1865 г. говорилось, что «персидское правительство соглашается на то, что телеграф будет построен под руководством и наблюдением служащих английской технической службы»¹³. В ст. 4 оговаривалось, что «руководство телеграфом будет осуществляться английскими должностными лицами с обслуживающим персоналом, не превышающим 50 человек, не считая членов их семей»¹⁴. Устанавливался довольно высокий тариф за передачу телеграмм от Ханекина до Бушира — 14 шилл. за 20 слов¹⁵. По правилам английского телеграфа внутренние иранские телеграммы не принимались; исключение делалось только для европейских миссий, фирм и иранского правительства. Строительство телеграфа осуществляли компании Великобритании и Британской Индии.

Первые сооружали линии от северо-западной границы Ирана до Тегерана, вторые — от Тегерана к Персидскому заливу¹⁶. Общая протяженность телеграфных линий к 1920 г. достигла 5676 км¹⁷.

Проведение телеграфа явилось определенным приобщением феодального Ирана к европейской цивилизации. Телеграф облегчил связь центрального правительства с провинциями, способствовал развитию торговли, давал небольшую денежную выручку. Иранскому правительству предоставлялась треть доходов от эксплуатации линий, проходивших по иранской территории, и льготный тариф для подачи телеграмм¹⁸. Причем оговаривалось, что доходы иранского правительства не должны были превышать 30 тыс. туманов в год; все свыше этой суммы шло в пользу английских телеграфных чиновников¹⁹. Строительство телеграфа имело и много отрицательных сторон: телеграф явился первым крупным иностранным предприятием на территории Ирана, пользовавшимся правом экстерриториальности, и действовал прежде всего в интересах европейских держав. В отсталом феодальном Иране, при почти полной неграмотности и бедности населения телеграфом мог пользоваться только узкий круг лиц, в частности шах и его окружение.

Телеграф явился политически важным предприятием Англии в Иране, способствовавшим закабалению страны. Телеграф, как отмечал Керзон, был проведен не со специальной целью соединить Иран с прочим миром, а просто потому, что он лежал на дороге между Англией и Индией; он способствовал налаживанию контактов английских агентов с местными жителями и тем облегчал их работу²⁰.

Газета «Новое время» сообщала, что иранский «телеграф, обслуживаемый английскими чиновниками и охраняемый персидской стражей, состоящей на жалованье у английского правительства, представляет из себя могущественное средство для упрочения британского влияния в Персии»²¹. Телеграф в первую очередь обеспечивал связь Англии с Индией и другими колониями; нужды Ирана зачастую совершенно не принимались во внимание²².

Строились же телеграфные линии, как уже отмечалось, за счет Ирана, и уже к 1869 г. он задолжал Англии около 47 тыс. ф. ст., которые выплачивал в течение 20 лет. Вдоль всего телеграфа англичане построили станции, называвшиеся телеграфными бюро.

Телеграфистами, механиками работали обычно офицеры индийской армии. Они следили за политической и торговой жизнью страны, ставили в известность английские торговые фирмы о спросе на различные товары, о рыночных ценах и т. д. Иранское правительство не могло предпринять ни одного шага, который не был бы известен английским агентам. Очень часто о том или ином событии или волнении в каком-либо районе Ирана английское правительство узнавало даже раньше иранского.

«Телеграфные агенты,— писал Л. Вильморен,— имея очень мало телеграмм для передачи, жили бы в полном ничегонеделании, если бы не имели инструкций самым точным образом следить за всем, что происходит в их округе»²³.

Керзон дает такую оценку деятельности телеграфистов: «Телеграфные агенты примиряют туземцев, лечат больных и приобретают таким образом многочисленные симпатии. Следовало бы еще более воспользоваться этими агентами, исполняющими весьма часто должность советников принцев и губернаторов, а поэтому подчинить их великобританскому посланнику в Тегеране»²⁴.

Директор английского телеграфа в Иране М. Смит предлагал для усиления английского влияния в стране увеличить количество служащих телеграфа²⁵.

В некоторых случаях английские телеграфные агенты активно вмешивались во внутренние дела Ирана. Так, например, Махмуд описывает, как в Иранском Белуджистане английские телеграфные агенты снабжали оружием племена и провоцировали их на выступления против иранского правительства, чтобы облегчить вмешательство Англии в пограничные конфликты между Ираном и Келатом, вассальным владением Британской Индии²⁶.

В англо-американской литературе авторы обычно преувеличивают значение телеграфа для экономического развития Ирана, ничего не говоря о его роли в деле закабаления страны. Такой односторонний подход характерен и для ряда современных английских и американских авторов²⁷.

Телеграфные концессии открыли новый период в истории закабаления Ирана. С этого времени начинается жестокая борьба за получение наиболее выгодных концессий в стране, развернувшаяся в основном между русскими и английскими капиталистами. Причем обе стороны стремились при минимальных вложениях получить как можно больше разнообразных привилегий. Это тяжело отражалось на экономическом положении Ирана и содействовало его политическому закабалению.

С начала 70-х годов обостряется борьба между Россией и Англией за концессию на строительство шоссе и железных дорог в Иране. Это строительство имело экономическое и стратегическое значение. Проникновение капиталистических держав в Иран не могло осуществляться быстрыми темпами без строительства дорог.

В Иране почти совсем отсутствовали хорошие дороги. Многие районы были отделены друг от друга и от центра пустынями, горами, затруднявшими нормальное сообщение по стране. Бездорожье было серьезным тормозом развития экономики Ирана, способствовало сохранению феодальной разобщенности, мешало централизации страны. Отсутствие путей сообщения затрудняло переброски иранских товаров из одного района в дру-

гой. Например, вывозя из северных районов рис, Иран на юге ввозил его из Индии.

В условиях дальнейшего развития товарно-денежных отношений в стране, происшедшего под влиянием иностранного капитала, Иран стал еще больше нуждаться в дорожном строительстве и в улучшении существующих дорог. Это понимали и представители нарождавшегося класса буржуазии, и иранское правительство.

Из-за отсутствия собственной промышленности и специалистов Иран и в области дорожного строительства полностью зависел от развитых капиталистических стран²⁸. Дипломатические представители Ирана в Париже и Лондоне вступили в переговоры с руководителями некоторых промышленных фирм относительно постройки железных дорог в Иране. Переговоры вел Мохсен-хан Моин оль-Мольк, возглавлявший посольство Ирана в Лондоне.

Начиная с 1864 г. иранскому правительству было предложено несколько проектов на постройку железных дорог в Иране²⁹. Но в основном это были неосуществимые предприятия, инициаторы которых приступали к делу, не имея достаточных финансовых средств.

Вопрос о строительстве железных дорог в Иране впервые приобрел серьезный характер, когда им заинтересовался известный финансист Юлиус Рейтер, основатель английского телеграфного агентства. Рейтер вступил в предварительные переговоры с иранским представителем Мохсен-ханом Моин оль-Мольком относительно железнодорожной концессии, обещав ему и его брату свое покровительство, и «дал взятку в 20 тыс. фунтов стерлингов»³⁰. Шах Ирана Наср эд-Дин во время своего путешествия в Англию принял Рейтера и обещал всячески содействовать осуществлению его проекта³¹.

С проектом условий концессии в Тегеран был послан служащий фирмы Рейтера Э. Котт, которому было поручено начать переговоры о концессии с иранским правительством. Переговоры продолжались около месяца, Наср эд-Дин-шах разослал проект концессии крупнейшим чиновникам государства, чтобы они высказали свое мнение. Но и без изучения проекта их мнение было predetermined теми подношениями, которые им сделал Э. Котт. Наср эд-Дин-шаху преподнесли 1 млн. фр., его трем министрам — по 500 тыс. фр., трем важным сановникам — по 100 тыс. фр. не считая более мелких подношений³².

25 июля 1872 г. концессия была подписана. Условия концессии превзошли даже самые смелые ожидания самого Ю. Рейтера. Срок концессии определялся в 70 лет. Кроме постройки трансиранской железной дороги от Каспийского моря до Персидского залива Рейтеру было дано разрешение на постройку боковых линий для соединения различных городов и провинций страны или же для того, чтобы сомкнуть иранские линии с ино-

странными железными дорогами в каких угодно пограничных пунктах с Россией и Индией. Кроме того, Рейтеру разрешалось строить шоссейные дороги по всему Ирану. Ему предоставлялось на 70 лет право на разработку месторождений угля, железа, меди, свинца, нефти и других природных богатств страны, на использование государственных лесов, на строительство новых оросительных сооружений и продажу воды потребителям. Рейтер мог производить работы по регулированию течения рек, строительству плотин, бурению артезианских колодцев. Концессионеру разрешались создание банка и различных предприятий, мощные улицы, благоустройство Тегерана, строительство заводов, мануфактур, мельниц. Рейтер получал в полное распоряжение местные дороги, шоссе, почту, телеграф. Ему передавалось управление таможнями на 20 лет за 20 тыс. ф. ст. Персидское правительство обязалось гарантировать ежегодно 5% дохода на сделанные им займы и 2% на их погашение. Все эти права и привилегии предоставлялись Рейтеру при условии отчисления в пользу иранского правительства только 15% прибыли в течение первых пяти лет. В дальнейшем иранское правительство должно было получать 20% доходов от железных дорог, 15% — от других предприятий и 60% — с таможен. Оно обязалось всемерно помогать Рейтеру в осуществлении полученной концессии³³.

Даже по признанию лорда Керзона концессия Рейтера представляла собой «небывалый и самый экстраординарный» факт полной продажи всех богатств государства иностранцам³⁴.

Для реализации концессии Рейтер организовал «Общество предварительных изысканий» с капиталом в 150 млн. фр. Стоимость всей колеи трансиранской железной дороги определялась Рейтером в 400 млн. фр.³⁵

Цели, которые преследовал Рейтер при получении данной концессии, раскрываются в его письме премьер-министру Великобритании У. Гладстону: «Предоставленная мне концессия является величайшим богатством для Великобритании, так как открывает большие естественные ресурсы Ирана для выгод английских капиталистов... Целью концессии служит приобретение страны с помощью моих предприятий под одно английское правительство»³⁶.

Рейтеровская концессия «подобно бомбе разорвалась в мире, и все государства обратили внимание на ее важность»³⁷, сообщает Данешпур в своей работе.

Концессия вызвала взрыв недовольства в Иране³⁸. Против нее выступили «не только реакционеры, боровшиеся против всего нового, но и те, кто выступал за прогресс и был заинтересован в развитии в Иране железнодорожного и промышленного строительства. Все они были напуганы размахом концессии и выступали за ее ликвидацию»³⁹.

Концессия вызвала резкий протест царского правительства.

Шаху были отправлены послания царя Александра II, министерства иностранных дел России и посланника в Тегеране с ультимативными требованиями отмены концессии. Во время пребывания Наср эд-Дин-шаха в Петербурге осенью 1873 г. фактически был решен вопрос об отмене концессии Рейтера⁴⁰.

Осуществление концессии требовало больших капиталов, которые Рейтер не мог предоставить лично. Акции же, выпущенные им в Англии, не имели успеха. В результате Рейтер не смог начать работы в Иране до истечения 15-месячного срока, как было указано в концессии. Это и явилось формальным поводом отмены концессии 5 декабря 1873 г.⁴¹

Рейтер не согласился с решением иранского правительства о ликвидации концессии, и его агенты в Тегеране продолжали настаивать на осуществлении концессии. Он обратился за помощью к Германии и пытался заинтересовать концессией немецких капиталистов. Во время своей встречи с Бисмарком в 1873 г. Рейтер предложил ему совместно «эксплуатировать Персию в экономическом смысле». Но ответ Бисмарка был отрицательным; он не желал портить отношения с Россией, занявшей непримиримую позицию в отношении рейтеровской концессии⁴².

Концессия Рейтера с самого начала была обречена на провал. В рассматриваемое время она не могла быть осуществлена в Иране, поскольку это потребовало бы значительных капиталов от английских бизнесменов, которые не стремились их предоставить, хорошо не зная возможностей Ирана. Да и экономические позиции Англии в Иране были еще недостаточно прочными, а постоянная конкурентная борьба с Россией заставляла английскую дипломатию с осторожностью относиться к концессии.

Предоставляя такие широкие привилегии Англии, концессия неизбежно должна была вызвать протесты России, не желавшей уступать свои позиции в Иране.

Масштабы концессии и сравнительная быстрота ее подписания свидетельствовали о том, что шахское правительство не представляло последствий осуществления этой концессии, в результате которой весь Иран попал бы в кабалу к английскому империализму. В дальнейшем иранское правительство осознало, к чему приводит деятельность иностранных концессий, и не всегда так легко шло на их предоставление.

История показала, что не прошло и 15 лет, как Великобритания оценила значение концессии Рейтера, и английская дипломатия сосредоточила свои усилия на ее возобновлении, хотя бы в какой-то части.

Большую роль для упрочения позиций Англии в Иране сыграла концессия на судоходство по р. Карун. По этой реке можно проникнуть в юго-западные районы Ирана, что было особенно важно для Англии.

Для наиболее успешного осуществления закабаления Ирана

прежде всего требовался правильный выбор географически-стратегического направления английской экспансии. Это прекрасно понимали наиболее дальновидные идеологи и практики английского империализма. Северные районы Ирана для англичан были практически закрыты. Здесь им пришлось бы иметь дело с царской Россией, позиции которой во второй половине XIX в. на севере и северо-востоке Ирана значительно упрочились.

Осуществлять широкое и планомерное проникновение в Иран с востока, через Афганистан, практически было так же нереально. Англия, начав так называемое военно-пограничное умиротворение Афганистана, на долгие годы и безнадежно увязла в этой авантюре. Имея в тылу восставший Афганистан, нечего было и думать с этой стороны вести наступление на Иран. Наиболее удобным и перспективным путем английского проникновения в Иран становилось побережье Персидского залива и в особенности юго-западные районы Ирана, прилегающие к долине Евфрата, где военно-колониальные позиции Великобритании в тот период были наиболее прочными. Юго-западные районы Ирана населяли свободолюбивые племена, находившиеся зачастую только в формальном подчинении центрального правительства. Это обстоятельство облегчало действия англичан, которые с помощью подарков и взяток добивались концессий и всяческих привилегий у вождей племен, минуя иранское правительство. Огромное значение для успеха в осуществлении колониальных замыслов английского империализма в этом районе Ирана имело и то обстоятельство, что Красное море было, по существу, «внутренним» морем английских вооруженных сил. Здесь безраздельно господствовал английский военный флот, которому в то время ни одна из капиталистических держав не могла противостоять.

Долгие годы английские чиновники и путешественники изучали пути, по которым английскому капиталу можно было бы беспрепятственно проникать в Иран. По их единодушному мнению, таким путем со стороны Персидского залива могла стать только р. Карун и ее притоки. Следует сказать, что их расчеты были правильными и они не преувеличивали значение Каруна. Карун — единственная судоходная река Ирана. Она берет свое начало на возвышенности Чехармехаль к юго-западу от Исфахана. Возле г. Шуштера она течет по равнине, а затем делится на два рукава: правый — собственно Карун и левый — искусственного происхождения, которые в дальнейшем соединяются около г. Бендер-Кира. Здесь в Карун вливается его правый приток — р. Диз. Около г. Ахваза на реке много порогов, а в дальнейшем она спокойно течет через долину к г. Мохаммере (Хорремшехр), где впадает в Шатт-эль-Араб. Карун судоходен на всем протяжении до г. Шуштера, за исключением участка возле г. Ахваза. По нему можно проникнуть в глубь страны на 170 миль.

Особое внимание англичане уделяли находящемуся в устье Каруна г. Мохаммере, который рассматривался ими как ворота Персидского залива⁴³. Находясь в месте слияния двух рек, Каруна и Евфрата, Мохаммера являлась торговым центром и постоянно привлекала к себе внимание соседних государств и вызывала у них желание овладеть городом. Мохаммера и прилегающие к ней зоны в основном населены арабскими племенами. Правители Мохаммеры умело играли на противоречии между Ираном и Турцией и фактически сохраняли независимость. В 1843 г., по Эрзерумскому турецко-иранскому договору, Мохаммера отошла к Ирану⁴⁴. Однако иранское правительство оказалось не в состоянии изменить что-либо в отношении этой отдаленной провинции. Признав шейха Мохаммеры — Джабара главой арабских племен, иранское правительство воздержалось от вмешательства в его отношения с местным населением и возложило на него лишь обязательство вносить в казну определенную сумму. Зависимость шейха от генерал-губернатора Хузестана была лишь номинальной. Такое независимое положение Мохаммеры и ее важное торговое значение постоянно привлекали внимание Англии. В 1857 г. она пыталась овладеть Мохаммерой, снарядила экспедицию и подвергла город бомбардировке⁴⁵.

В 1875 г. группа английских капиталистов под благовидным предлогом развития англо-иранской торговли и необходимости иметь торговую базу на побережье Персидского залива вступает с шахом в переговоры о приобретении в аренду г. Мохаммеры. Однако переговоры не увенчались успехом. Шах не без влияния царского правительства отказал англичанам. При этом шахское правительство заявило, что продажа каких-либо иранских городов иностранным державам в дальнейшем не может быть предметом обсуждения⁴⁶. Но мысль завладеть Мохаммерой не покидала английских капиталистов. Они предпринимают ряд обходных маневров. Вскоре они пытаются убедить шаха назначить губернатором провинции Хузестан с центром в г. Мохаммера шейха Мизаля, который давно уже был подкуплен англичанами и готов был удовлетворить их колониальные притязания. Путем подкупа влиятельных членов шахского правительства англичане добились своего и шейх Мизаль в 1881 г. был назначен правителем Мохаммеры⁴⁷. Таким образом ключ к р. Каруну — г. Мохаммера — оказался в руках преданного англичанам шейха Мизаля⁴⁸.

В начале 1871 г. английские предприниматели создали в Бушире торговую компанию, рассчитывая на организацию паромного сообщения по р. Карун между Мохаммерой и Шуштером. Представители компании установили, что по Каруну товары достигали Исфахана за десять дней, в то время как сухопутным путем для этого требовалось 30—35 дней. По настоянию компании английский представитель в Тегеране обратился

к иранскому правительству с предложением об открытии судоходства по р. Карун для иностранцев, но получил отказ.

Судоходством по Каруну заинтересовалось и англо-индийское правительство. Вице-король Индии Е. Литтон в 1876 г. писал Солсбери, «что открытие Каруна важно для интересов Индии и наше правительство должно достичь понимания с персидским правительством в этом вопросе»⁴⁹.

В 1878—1880 гг. в период, когда Солсбери был министром иностранных дел, в связи с ухудшением отношений между Англией и Афганистаном и англо-афганской войной он стремился проводить новую политику в отношении Ирана. По его планам, Иран должен был занять место Афганистана в английской политике, т. е. стать буферным государством на границах с Индией. В качестве основы для переговоров с шахом английское правительство предложило проект, по которому Ирану передавался Герат и весь Систан, присоединения которого так жаждал Наср эд-Дин-шах. Кроме того, устанавливалась определенная денежная субсидия иранскому правительству, за что Иран должен был взять на себя определенные обязательства: оказывать сопротивление продвижению России в Средней Азии, допускать английских офицеров в Герат, не препятствовать постройке железной дороги из Кандагара в Герат (что помогло бы решить исход англо-афганской войны), провести под наблюдением Англии внутренние реформы и улучшить транспортные пути от Персидского залива в глубь страны⁵⁰.

Обосновывая свою восточную политику в письме к королеве, Солсбери сообщал: «Если мы отдадим Герат Персии и она докажет свою преданность, то мы освободимся от опасности с этой стороны на долгое время. Если же она нарушит свои обязательства, мы можем организовать наше продвижение в эти районы в течение нескольких лет. Но за это время наши железные дороги будут, возможно, уже проведены до Кандагара и снабжение войск, действующих в Герате, будет значительно облегчено»⁵¹.

Совершенно очевидно, что по этим планам Иран должен был превратиться в вассала Англии. Эти условия были крайне невыгодны для Ирана, отмечает М. В. Попов, «преследовали далеко идущие цели установления английского господства в стране и создания подступов к среднеазиатскому плацдарму»⁵².

Но эти предложения не были приняты Ираном. Р. Л. Гривс пишет, что «хотя шах с видимым удовольствием познакомился с английскими предложениями, но затягивал дискуссию по ним и временно их отложил»⁵³. В 1880 г. к власти в Англии пришли либералы и проект Солсбери был похоронен в правительственных анналах Великобритании. Но даже если бы Солсбери и остался в это время у власти, ему вряд ли удалось бы осуществить свой проект: царская Россия никогда не позволила бы превратить Иран в вассальное английское государство.

Когда в 1885 г. Солсбери снова пришел к власти, его планы в отношении Ирана были значительно скромнее. Он интересовался в основном двумя проблемами. Первая — сохранение Англией влияния в юго-восточных провинциях Ирана. В связи с этим он вел постоянную игру с шахом, обещая передать ему во владение весь Систан. Причем, используя это обещание, можно было оказывать давление на иранское правительство⁵⁴. Вторая — укрепление своих позиций в юго-западном районе Ирана, чрезвычайно важное с точки зрения политического, стратегического и экономического положения Англии на Ближнем и Среднем Востоке. И отсюда главная цель, которую ставил Солсбери перед английскими дипломатами в Иране, заключалась в стремлении добиться концессии на проведение дороги от Мохаммеры до Тегерана и открытия судоходства по Каруну. Солсбери подчеркивал, что в случае успеха этого предприятия Англия создаст себе в районе Персидского залива прочное положение, которое ей будет полезно для воздействия как на Россию, так и на Турцию⁵⁵.

Английский посланник в Тегеране Р. Томсон, руководствуясь этими указаниями, стал требовать от иранского правительства открытия судоходства по Каруну для иностранных судов. Это вынудило Наср эд-Дин-шаха обратиться с письмом к английскому посланнику: «50 лет Вы торгуете с Персией, и никогда не было сказано слова против. Что же случилось теперь? Что Вы хотите на Каруне? Эта река — дверь в наш дом, и почему надо ее открывать силой без нашего согласия?»⁵⁶. Колебания шаха в отношении открытия судоходства по Каруну иностранцам объяснялись в основном двумя причинами. Во-первых, шах боялся отрицательной реакции России на эту концессию. Во-вторых, он опасался, что концессия будет способствовать укреплению позиций англичан в южном Иране и еще более подорвет и без того слабую власть иранского правительства в этом районе.

Добиваясь в Иране разносторонних концессий, английский империализм стремился помешать проникновению в страну других капиталистических стран. Все концессии, которые шахское правительство пыталось выдать представителям какой-либо третьей державы, вызывали резкий протест со стороны или России, если задевали ее интересы в северных провинциях Ирана, или Англии, когда дело касалось южных районов страны.

Иранское правительство, связанное неравноправными договорами и соглашениями с Англией и Россией, фактически не могло проводить независимую внешнюю политику. Внешняя политика Ирана в основном строилась на лавировании между этими главными соперничавшими силами. Но иранское правительство стремилось найти выход из создавшегося положения и сделать возможным проведение самостоятельной внешней политики. Так, иранское правительство прибегало к политике двойной

игры, когда, с одной стороны, оно уверяло англичан в опасностях, грозящих Ирану со стороны России, и просила оказать помощь, обещая следовать курсу, который предложила бы Англия, а с другой — убеждало русское правительство в своей преданности и обращалось к нему за помощью против действий Англии. Г. А. Хидоятов пишет, что для внешней политики иранского правительства были характерны постоянные колебания, изменчивость, игра на англо-русских противоречиях⁵⁷.

Другой способ, к которому прибегало иранское правительство в своей внешней политике, состоял в попытках использовать в качестве противовеса двум соперничавшим странам третью империалистическую державу. В этих целях шах во время своей поездки в Европу в 1878 г. выдает концессию Толозону и Аллеону. Доктор Толозон был французом, врачом шаха. Используя свое положение при дворе, он добился концессии на разработку полезных ископаемых, ирригационные работы, строительство железных дорог. Его активно поддерживали многие иранские сановники, семьям которых он оказывал врачебную помощь. Эта концессия предоставляла Толозону те права, которых так долго и безуспешно добивалась Англия. По ст. 8 концессионеру предоставлялось право на строительство железной дороги вдоль р. Карун до Тегерана и предполагалось открытие судоходства по реке. Ст. 10 гарантировала право освоения земель в районе Ахваза⁵⁸.

Английский посланник в Иране Р. Томсон, оценивая концессию, писал в депеше министру иностранных дел Дерби: «Имея в виду возможность организации Францией или другой державой своих предприятий в провинции Хузестан и городе Мохаммере, которые могут угрожать британским интересам, необходимо воспрепятствовать предложениям Толозона»⁵⁹. В результате сильного нажима английской миссии концессия Толозона была отменена.

Другую концессию шах предоставил представителю парижской фирмы Аллеону на строительство железной дороги от Энзели до Тегерана. Условия концессии были стандартными. Она была дана на 90 лет. Шахское правительство предоставляло Аллеону необходимые для постройки дороги земли и гарантировало 6,5% прибыли на вложенный капитал⁶⁰. Против этой концессии выступила Россия, так как она задевала ее интересы в северном Иране. Протест России был поддержан Томсоном, поскольку англичане увидели в этой концессии опасность для своей торговли в Иране. На этот раз Россия и Великобритания объединили свои усилия, чтобы воспрепятствовать появлению нового конкурента в Иране.

Шах предпринимал неоднократные попытки привлечь Германию в Иран. Л. Г. Истягин пишет, что еще в июне 1874 г. шахское правительство обратилось к Германии с предложением организовать в Иране постоянную дипломатическую миссию.

Шах выражал надежду, что Германия как «незаинтересованная» держава выступит арбитром в его отношениях с Англией и Россией»⁶¹. Но Германия не хотела портить отношений ни с Россией ни с Англией. В 1885 г. в связи с ухудшением англо-русских отношений была сделана новая попытка привлечь Германию в Иран. На этот раз инициатива исходила от Англии. Английский посланник в Тегеране Р. Томсон предложил использовать Германию для противодействия России⁶². Англия через своего посла в Берлине предложила Бисмарку принять участие в создании международной компании иранских железных дорог под руководством Рейтера. По этому плану европейские державы (Англия, Германия и Австро-Венгрия) должны были взять на себя осуществление рейтеровского проекта, получив за это возможность использовать иранские ресурсы и гарантировать стабильность иранского режима⁶³. Но идея быть использованной Англией в качестве антирусской силы не устраивала Германию, которая претендовала на проведение самостоятельной политики в Иране. Поэтому все попытки шаха привлечь Германию в качестве третьей державы в Иране в конце XIX — начале XX в. кончились неудачей. Активно выступать против России Бисмарк не желал, видя в ней возможного союзника, а действовать в интересах Англии Германия не хотела.

В конце XIX в. наблюдается активизация деятельности американских представителей в Иране. В 1883 г. в Иран был назначен дипломатический представитель США С. Бенджамин, который развернул кипучую деятельность в Тегеране, подготавливая почву для проникновения в страну американских капиталов⁶⁴. Американскому представителю был оказан благожелательный прием. В 1886 г. новый представитель США в Иране М. Уинстон вступил в переговоры с Яхья-ханом Мошир од-Доуле о трансиранской железнодорожной концессии. Но против проникновения американского капитала в Иран активно выступили русский (А. А. Мельников) и английский (А. Никольсон) посланники в Тегеране. «Проект Уинстона был похоронен А. Никольсоном, который сообщил шаху, что предоставление концессии американцам вызывает большое недовольство в Лондоне»⁶⁵. Тогда Уинстон решил войти в соглашение с царским правительством для совместной эксплуатации дороги. Он поехал в Петербург, где министр иностранных дел Н. К. Гирс заявил ему не только о невозможности такого соглашения, но и об отрицательном отношении России к тому, чтобы персидские дороги находились в руках иностранцев⁶⁶.

В 1888 г. на пост дипломатического представителя США в Иране был назначен Э. С. Пратт. Он начал свою деятельность с официального запроса премьер-министру о возможности помещения американских капиталов в стране. В нем он интересовался, могут ли американцы рассчитывать на беспрепятственное осуществление различных мероприятий в Иране⁶⁷. Стремясь уп-

рочить американо-иранские отношения, Пратт обратился к шахскому правительству с предложением о назначении иранского представителя в Вашингтон. Опасаясь, что посылка представителя в Америку потребует значительных расходов, шах отклонил это предложение. Но Пратт продолжал настаивать, мотивируя тем, что ни один из американских капиталистов не решится поместить свои капиталы в стране, не имеющей представителя в США⁶⁸. Шах соглашался на это предложение только в том случае, если все расходы по содержанию иранской миссии США возьмут полностью на себя. В 1888 г. в Вашингтон была направлена первая иранская миссия во главе с хаджи Хосейн Кули-ханом, бывшим иранским генеральным консулом в Бомбее⁶⁹. Документ, который был дан иранскому посланнику для передачи правительству США, как нельзя лучше свидетельствует о зависимом положении Ирана. В нем говорилось: «Персия никогда не откажется от связей с теми странами, которые являются выгодными для ее страны и народа. Но мы имеем соседями две великие державы, которые вместо помощи в этом святом деле только мешают нам и отдаляют от прогресса. Во всех действиях в нашей стране они исходят только из своих интересов. И как наши соседи, они имеют с нами соглашения, которые неприемлемы для нас и выгодны только для их стран. И если компания какой-либо другой страны захочет заключить с нами соглашения, выгодные для нас, они помешают ему»⁷⁰.

Желая найти в лице США союзника, шах в феврале 1888 г. выдал концессию сроком на 25 лет на рытье артезианских колодцев и разработку рудников члену американской духовной миссии доктору Торренсу⁷¹. Согласно договору концессионеру предоставлялось право на бурение колодцев, на эксплуатацию открытых при бурении минеральных богатств, устройство при помощи водяных двигателей механических мастерских для очистки хлопка.

В случае претворения в жизнь концессии она предоставила бы американским капиталистам большие права и облегчила бы их проникновение в Иран. Англия и Россия резко выступили против американцев. И хотя официально концессия не была отменена, но осуществить ее вопреки желанию этих двух государств было невозможно.

Таким образом, попытки иранского правительства завязать более прочные отношения с Германией и США и использовать их против Англии и России потерпели неудачу.

В 1883 г. Россия закрыла кавказский транзит, что значительно затруднило ввоз английских товаров в Иран и привело к заметному сокращению английской торговли. Это заставило английское правительство активизировать свою деятельность для получения концессии на судоходство по Каруну. Политическая обстановка благоприятствовала Великобритании. Русское продвижение в Средней Азии во второй половине XIX в. приве-

ло к обострению русско-иранских отношений. Возникли недоразумения по пограничным вопросам. Для урегулирования своих отношений с Россией шахское правительство обратилось за содействием к Англии. Английское правительство не замедлило этим воспользоваться.

Большой интерес для раскрытия целей английской политики в Иране в это напряженное время представляет письмо премьер-министра Великобритании Р. Солсбери посланнику Англии в Иране Р. Томсону от 6 августа 1885 г.⁷². В нем говорилось о визите посла Ирана в Лондоне Мальком-хана⁷³, который обратился от имени иранского правительства за помощью к Англии в связи с продвижением русских войск в Средней Азии. Солсбери отказался предоставить Ирану какую-либо финансовую и военную помощь, но предложил принять ряд стратегических мер, чтобы создать трудности для русской политики в Иране и обеспечить выгодные позиции для Англии. Он предлагал перенести столицу Ирана из Тегерана в Исфahan, что дало бы возможность сосредоточить в руках англичан почти все пути сообщения, ведущие к новой столице, и полностью контролировать их. Другое предложение премьер-министра было не ново: оно сводилось к проведению в Иране реформ правящего аппарата и судебной системы при помощи Англии⁷⁴.

Предложения премьер-министра явились несомненным вмешательством Англии во внутренние дела Ирана.

Стремясь использовать удобно сложившуюся политическую обстановку, английские дипломаты начали активизировать свои действия в Иране. Концессия на открытие судоходства по р. Карун оставалась главной целью английской дипломатии.

С миссией к шаху был направлен С. М. Смит, который в течение 20 лет работал директором английского телеграфа в Иране и имел личные связи со многими представителями иранского двора. Он вел переговоры с шахом Ирана о железнодорожной концессии на строительство дороги Тегеран—Ахваз и открытию судоходства по р. Карун. Но они оказались безрезультатными.

В 1885 г. английским посланником в Иран назначается Артур Никольсон. Он ищет новые пути для получения концессии. В 1886 и 1887 г. А. Никольсон от имени английского правительства вступил в переговоры с иранским правительством о концессии на строительство железной дороги от Ахваза до Тегерана якобы в компенсацию за ликвидированную концессию Ю. Рейтера. Дорогу планировали начать с того пункта на р. Карун, где она перестает быть судоходной. При этом предполагалось, что английское правительство уже получило право на судоходство по Каруну. Финансовым обеспечением постройки дороги должны были служить доходы от таможен Бендер-Бушира, Мохаммеры и Шуштера (они составляли ежегодно около 100 тыс. туманов). Кроме того, английскому правительству пре-

доставлялось право разрабатывать полезные ископаемые, обнаруженные на определенном расстоянии от дороги⁷⁵.

Направление дороги было выбрано не случайно. Главным условием концессии являлось открытие судоходства по р. Карун, без чего концессия не могла осуществиться. Давая оценку проектируемой дороге, английский посланник Никольсон подчеркивал, что «посредством этой дороги Персия сблизится с Англией и делается доступной для английских капиталистов и предпринимателей»⁷⁶. Новой дорогой заинтересовалось и правительство Индии. Вице-король Индии Дафферин отмечал, что эта дорога имеет стратегическое значение для Великобритании. Он предлагал сконцентрировать усилия англичан в южных и западных провинциях Ирана, которые были малодоступны для России⁷⁷.

Переговоры относительно концессии велись между А. Никольсоном и министром иностранных дел Ирана мирзой Хосейн-ханом Мошир од-Доуле. Когда переговоры зашли в тупик, А. Никольсон, действуя в соответствии с полученными им от английского правительства инструкциями, официально заявил иранскому правительству, что «в случае, если эта концессия не будет выдана, то английская миссия покинет Иран и Великобритания разорвет дипломатические отношения между двумя странами»⁷⁸.

Активное участие в переговорах относительно строительства железной дороги принял иранский посланник в Англии Мальком-хан. По словам русского посла в Лондоне Бутенева, Мальком-хан всеми мерами содействовал получению англичанами концессии на строительство дороги от Тегерана по направлению к Персидскому заливу. Мальком-хан добивался этой концессии на свое имя, так как «англичане в этом случае предложили ему содействие своих капиталов и строителей»⁷⁹. С этой целью осенью 1886 г. он прибыл в Иран и имел несколько бесед с шахом.

Условия концессии подробно изучались иранским правительством и по приказанию шаха были переданы для «тщательного рассмотрения» министрам Ирана Кавам од-Доуле и Мохбер од-Доуле⁸⁰.

Однако англичанам не удалось получить железнодорожную концессию. Вскоре содержание англо-иранских переговоров стало известно царскому правительству. Последнее не замедлило предпринять решительные шаги и предъявило шаху ультимативное требование не выдавать концессии⁸¹. Этот отказ объяснялся еще и тем, что в середине 1887 г. шах дал русскому посланнику в Иране письменное обязательство не разрешать строительства железных дорог на территории страны без предварительной консультации с царским правительством⁸².

В создавшейся ситуации английские дипломаты еще более активизировали свою деятельность с целью добиться концессии на судоходство по Каруну. Делаются попытки привлечь на свою

сторону принца Зелли-Солтана⁸³, верного друга и сторонника Англии. Генеральный английский консул в провинции Фарс Е. С. Росс вступает в переговоры с Зелли-Солтаном и добивается от него обещания оказать содействие в получении концессии. Правительство Британской Индии поспешило наградить Зелли-Солтана, большого любителя различных орденов и медалей, орденом Большая Звезда Индии. Но это было сделано преждевременно. Внимание англичан к принцу не осталось незамеченным для России, и ее дипломатические представители сделали все, чтобы восстановить шаха против своего старшего сына. В 1887 г. шах лишил Зелли-Солтана всех его постов, кроме поста губернатора Исфাহана.

Отставка Зелли-Солтана не была случайной. Англичане отводили принцу в своих планах большое место. Солсбери неоднократно высказывал желание видеть Зелли-Солтана на иранском престоле в случае смерти шаха. Его проанглийская ориентация была общеизвестна. Зелли-Солтан являлся полным хозяином на юге Ирана. Его владения были своеобразным государством в государстве. Все это не могло не вызвать беспокойства шаха и в особенности его первого министра Амин ос-Солтане. Умный, образованный, честолюбивый, чрезвычайно властный, неразборчивый в средствах и корыстолюбивый, Амин ос-Солтане был несомненно яркой фигурой того времени. Несмотря на то что он был внуком грузинского пленника, захваченного персами во время кампании 1795 г., ему дали прекрасное образование: он окончил персидскую и арабскую школы. После смерти отца, важного придворного чиновника, Амин ос-Солтане наследовал его титул и был приближен ко двору. Он сделал блестящую карьеру, влияние его на Наср эд-Дин-шаха было очень велико, и последний доверял ему больше, чем своим сыновьям и родственникам. Амин ос-Солтане оставался шахским фаворитом до убийства шаха в 1896 г. Его влияние на политику Ирана конца XIX — начала XX в. трудно переоценить. Практически ни одно событие как внутренней, так и внешней жизни страны не проходило мимо него. И то, что он являлся сторонником Англии, во многом предопределило успехи английской политики в Иране в конце XIX в.

Длительная борьба, которая велась между Амин ос-Солтане и Зелли-Солтаном за единоличную власть, закончилась поражением последнего. Это позволило Солсбери сказать, что шло сведение счетов за все те выпады, которые Зелли-Солтан позволил себе против Амин ос-Солтане⁸⁴.

Такой исход борьбы, конечно, не устраивал Англию, но она была вынуждена смириться, несмотря на то что опала Зелли-Солтана была определенным ударом по ее престижу. Протесты английских представителей по поводу отставки Зелли-Солтана были не очень решительными; Англия не хотела портить отношений с первым министром шаха.

Эти неудачи в английской политике способствовали отставке А. Никольсона, который, по мнению его сына и биографа, был не той фигурой, которая была нужна в Иране. Он оказался неопытен, недостаточно активен и не сумел поддержать престиж Британии в Иране⁸⁵.

В начале 1888 г. в Тегеран был назначен новый посланник — Генри Друммонд Вольф⁸⁶.

Появление Вольфа в Тегеране означало переход к более жесткому курсу в Иране. Солсбери характеризовал Вольфа как величайшего мастера восточной дипломатии⁸⁷. Новый посланник оправдал возлагавшиеся на него надежды. С его деятельностью связаны успехи английской дипломатии в Иране в конце XIX в.: получение концессий на судоходство по р. Карун, на основании английского Шахиншахского банка, табачной монополии, дорожных концессий и др. Время деятельности Вольфа в Иране было самым плодотворным по сравнению с другими английскими миссиями, с точки зрения защиты английских интересов в этой стране.

Сложившаяся в Тегеране обстановка во многом благоприятствовала проведению активной английской политики. Успехи России в Средней Азии значительно осложнили русско-иранские отношения. Симпатии Наср эд-Дин-шаха в это время были несомненно на стороне Англии. Шахское правительство искало поддержки Великобритании. За английскую помощь Наср эд-Дин-шах был готов не только открыть судоходство по р. Карун, но и предоставить англичанам другие концессии.

Английское правительство поручило Д. Вольфу заявить шахскому правительству о том, что «Англия не в состоянии оказать Персии свое стратегическое содействие против России, пока не будут построены пути сообщения между Персидским заливом и центром Персии, и только после исполнения этих предложений правительство Великобритании будет готово принять под свою защиту персидское правительство»⁸⁸.

Такое условие было, по существу, скрытой формой ультиматума, использованием удобной политической ситуации в своих корыстных целях. Шах, заинтересованный в поддержке английского правительства, приказал государственному совету и высшим чиновникам государства изучить проблему р. Карун и сообщить свои соображения. После месячных дебатов совет высказался в пользу открытия свободной навигации по р. Карун.

Кроме политического нажима английские дипломаты прибегали и к другим маневрам. Так, одновременно с официальными переговорами относительно получения концессии Д. Вольф вел тайные беседы с садр азамом (первым министром) и другими крупными сановниками шахского правительства. Ему удалось подкупить и склонить на свою сторону министра иностранных дел Ирана Хосейн-хана Мошир од-Доуле⁸⁹. Но самую большую помощь англичанам в получении концессии оказал первый ми-

нистр мирза Али Асгар-хан Амин ос-Солтане. В то время когда Вольф прибыл в Тегеран, мирза Али Асгар-хан был вторым после шаха человеком в Иране. Его поддержка обеспечила успех концессии на судоходство по р. Карун. Но, будучи ловким и хитрым политиком, садр азам потребовал от Англии письменное обязательство, гарантировавшее в случае необходимости защиту Ирана от России.

За содействие в получении концессии англичане преподнесли Али Асгар-хану 10 тыс. ф. ст. и орден⁹⁰. Крупные денежные подарки получили и другие шахские министры: принц Камран-мирза Наиб ос-Солтане, хаджи мирза Али-хан Амин од-Доуле.

24 октября 1888 г. Д. Вольф передал первому министру шаху Али Асгар-хану Амин ос-Солтане письменное обязательство английского правительства, в котором говорилось, что «в случае нападения на Персию без каких-либо причин или отторжения персидской территории без согласия персидского правительства Правительство Ее Величества согласно оказать серьезное противодействие этим намерениям и предпринять такие шаги, которые помогут предотвратить нарушения целостности Персии»⁹¹. В ответ на это обязательство иранское правительство 30 октября 1888 г. официально сообщило о разрешении плавать по р. Карун всем иностранным пароходам.

В фирмане, разрешающем судоходство иностранным судам по Каруну, говорилось: «Имея в виду расширение торговли, заселения своего края, равно как и развитие хлебопашества в Хузистане и Ахвазе, Персидское правительство постановило следующее: все иностранные торговые пароходы без различия нации, равно как и плававшие до сего времени по реке Карун парусные суда, могут заниматься перевозкой по этой реке товаров на протяжении от Мохаммеры до плотины Ахваз при следующих, однако, условиях: 1. Пароходы и суда не должны подниматься выше названной плотины, так как право на плавание выше плотины принадлежит исключительно пароходам и парусным судам, принадлежащим персидскому правительству и его подданным. 2. Они, т. е. иностранные пароходы и парусные суда, должны будут уплачивать в Мохаммере установленные персидским правительством пошлины и не перевозить запрещенные этим правительством предметы. 3. Они не должны стоять более, чем понадобится для погрузки и выгрузки товаров»⁹².

Судоходство по Каруну формально было открыто для всех иностранных судов, но воспользоваться этим могла только Англия благодаря своему монопольному положению в Персидском заливе. И. Сафай пишет: «Так как Англия имела основную торговлю с югом, то и была заинтересована в этой концессии. Россия же, которая этим разрешением, особенно выгодным для Англии, не могла воспользоваться, подняла политический скандал и прибегла даже к военной угрозе, пока не добилась разрешения на плавание своих торговых судов в районе порта Энзели»⁹³.

Открытие Каруна было расценено английскими государственными деятелями как большая победа Великобритании. Для маскировки подлинной сущности концессии на судоходство по р. Карун по совету английских дипломатов иранское правительство выступило с рядом отвлекающих и формальных заявлений. Например, чтобы оправдать этот шаг в глазах общественного мнения страны, газеты «Ахтар» и «Иран» опубликовали статьи, где под прикрытием фраз об интересах страны всячески превозносились решение иранского правительства об открытии судоходства по Каруну: «Нет ни малейшего сомнения, что ввиду принятых мер эксплуатация природных богатств страны и развития торговых путей сообщения при оказываемом шахом поощрении будут развиваться»⁹⁴.

Однако иранское правительство было вынуждено считаться с общественным мнением страны. Передовые люди Ирана — представители нарождавшегося класса буржуазии, либеральных помещиков, прогрессивного духовенства, интеллигенции все более осознавали гибельность для страны раздачи иностранцам важных в политическом и экономическом отношении концессий и монополий. В стране росло недовольство проимпериалистической политикой правящих кругов Ирана. Предоставляя под нажимом иностранного империализма концессию, шахское правительство стремилось ограничить ее определенными условиями, сузить поле ее деятельности. Так, разрешив судоходство по Каруну иностранным судам, иранское правительство выработало довольно ограниченные правила этого плавания, которые далеко не полностью устраивали англичан. Согласно правилам суда не должны были оставаться у пристаней более, чем это вызывалось необходимостью; судовладельцам не разрешалось оказывать покровительство персидским подданным; доставка оружия запрещалась; судовладельцам не разрешалась постройка пристаней и амбаров на берегах Каруна — это право получали только персидские подданные; никакая держава не могла заниматься углублением русла реки; судам не разрешалось плавать выше Ахваза; судовладельцам запрещалось покупать недвижимое имущество у персидских подданных; всякое судно, нарушившее эти правила, уплачивало штраф и лишалось права плавания по Каруну в течение двух лет⁹⁵.

Английский посланник предпринял не одну попытку изменить некоторые пункты этих правил, особенно настойчиво добиваясь изъятия пунктов, запрещавших плавание по верхнему Каруну и строительство пристаней и амбаров⁹⁶. Через министра иностранных дел Ирана он обратился с просьбой об изменении этих правил, но шах отказал Англии. Шах заявил, что «если какая-либо держава будет протестовать против... правил, изданных для плавания по Каруну, то ей объявят, что она вольна не пользоваться плаванием по Каруну, так как разрешение на это плавание есть добровольный акт»⁹⁷.

Как только было получено разрешение на судоходство по р. Карун, английское правительство приступило к ее освоению. С целью более широкого привлечения английских капиталов 13 февраля 1889 г. было созвано общее совещание лондонской торговой палаты. Генерал М. Смит, бывший директор английской телеграфной компании в Иране, сделал доклад «О перспективах развития британской торговли в Персии вследствие открытия судоходства по реке Карун». М. Смит заявил, что Карун, «если правильно организовать по нему движение, будет способствовать развитию иностранной (английской.— Л. К.) торговли в Персии и может дать дешевый и выгодный экспорт для Индии, в котором она очень нуждается»⁹⁸. Далее М. Смит подробно остановился на экономическом значении районов, по которым протекает Карун, и их роли в развитии англо-иранских торговых и политических связей. Например, он сообщил, что в этих районах хорошо произрастает пшеница, которая могла бы экспортироваться в Индию, где всегда ощущалась ее нехватка. Кочевые племена бахтиар и луров, населяющие эти районы, производят шерсть, масло и другие продукты животноводства. В лесной зоне произрастают ценнейшие породы деревьев. В Султанабаде «очень выгодно может быть развита торговля коврами, и при хорошей системе организации торговли можно давать указания иранским ткачам о размере, цвете и образцах, требуемых покупателями в Европе»⁹⁹. Генерал М. Смит подчеркивал, «что открытие Каруна, сокращающее транспортировку товаров, даст возможность британской мануфактуре продвинуться дальше на север и шире распространиться по стране, чем в настоящее время»¹⁰⁰. Замечательно, что уже в это время английский генерал обратил внимание на то, что «нефть также была открыта в этих районах и, возможно, в больших количествах»¹⁰¹.

В заключение М. Смит предложил программу-минимум, которую следовало осуществить в самый короткий срок: добиться открытия судоходства по всему Каруну, построить телеграфную линию вдоль реки с ответвлениями к главным торговым центрам Ирана и учредить в последних британские торговые представительства, с тем чтобы в дальнейшем приступить к более активному и систематическому освоению этого района английскими капиталистами¹⁰².

Доклад М. Смита был встречен с большим интересом и вниманием. На совещании было решено открыть подписку среди лондонских деловых кругов на покрытие необходимых расходов по освоению р. Карун¹⁰³. Пока же правительство, учитывая стратегическую важность концессии, взяло первоначальные расходы на себя.

Английская компания «Братья Линч» получила от правительства крупную субсидию на организацию регулярного судоходства по Каруну¹⁰⁴.

С самого начала было ясно, что получение доступа в район

нижнего течения Каруна — от Мохаммеры до Ахваза — не было конечной целью ни для английских купцов, ни для английского правительства. И, действительно, все последующие события ясно показали, что планы англичан шли гораздо дальше и не ограничивались получением права судоходства по нижнему течению Каруна.

Пытаясь утвердиться в верхней части Каруна вопреки ограничивающим правилам, установленным иранским правительством, компания «Братья Линч» в течение года упорно добивалась и наконец достигла того, что шах принял в дар английский пароход для плавания по верхнему Каруну. При этом она со щедростью, необычной для частной компании, взяла на себя выплату жалованья капитану, механику и части команды этого парохода ¹⁰⁵.

В 1889—1890 гг. вдоль Каруна была создана английская телеграфная служба с башнями для защиты от нападений ¹⁰⁶. Все телеграфное оборудование было доставлено водным путем из Лондона в Мохаммеру и далее по р. Карун.

Английские предприниматели неоднократно в обход соглашения пытались купить земли в Мохаммере и Ахвазе для постройки амбаров и складов для товаров. Когда же это не удалось, то они арендовали у местных жителей за сравнительно высокую плату старые здания, которые затем перестраивались по их плану. Компания «Братья Линч» для развития торговли и судоходства по Каруну арендовала самую крупную пристань в Мохаммере. Более того, стремясь упрочить свое привилегированное положение на Каруне, компания предложила шахскому правительству организовать перевозку почты на своих пароходах ¹⁰⁷.

Действия англичан отличались исключительной активностью, они шли на любые расходы, на дипломатические интриги, тратили огромные деньги на подарки и подкуп. Работая в убыток, компания купила два новых парохода, раздавала щедрые подарки, которыми старалась снискать себе расположение местных властей.

Под предлогом расширения торговли английское правительство добивалось открытия вице-консульства в Мохаммере, со держало своего агента в Шуштере, предприняло попытку углубить старое русло Каруна, чтобы иметь выход в Персидский залив. Для исследования реки вопреки всем международным правилам зимой 1888/89 г. посылается одно военное судно, а зимой 1890/91 г. — целая флотилия ¹⁰⁸. Одновременно англичане приступили к производству работ по углублению старого русла р. Карун ¹⁰⁹.

Во все возрастающем масштабе районы р. Карун начали посещать не только английские топографы, инженеры и офицеры Индийского генерального штаба, но и государственные деятели, такие, как Керзон, которые по возвращении в Лондон пу-

ликовали книги, журнальные статьи, читали лекции, стараясь привлечь внимание английских капиталистов к проблемам освоения Каруна.

Постепенно англичане завладели всеми возможными привилегиями, которые предоставляла концессия на судоходство по Каруну. Были устранены все возможные конкуренты, и навигация по Каруну фактически перешла исключительно в руки компании «Братья Линч». Регулярное пароходное сообщение по Каруну осуществлялось лишь английской компанией. Персидские пароходы всецело зависели от количества перевозимых грузов. Так, два небольших парохода, принадлежавших шейху Мохаммеры Мизалю, постепенно были вынуждены прекратить свои рейсы по Каруну. После его убийства в 1897 г. новый правитель Мохаммеры шейх Хазаль отказался от судоходства за ежегодное английское вознаграждение в 4 тыс. фр. ¹¹⁰.

Иранская судоходная компания «Назири» также не смогла выдержать конкуренции с англичанами, и ее основатель Моин от-Тоджар был вынужден пойти на соглашение с компанией «Братья Линч» ¹¹¹.

С этого времени только английский флаг развевался на водах Каруна, только англичане могли диктовать и определять режим судоходства. Этим закончился период захвата Каруна, установления безраздельного английского господства на реке.

Докладывая в Лондон об успешном завершении операции по освоению р. Карун, английский генеральный консул в Бушире полковник Росс подчеркивал, что дальнейшая цель английской экспансии на юге Ирана «будет заключаться в том, чтобы развить кратчайший путь для транзита с моря в центральную и северную Персию» ¹¹².

Так была получена одна из важнейших концессий английского империализма в Иране. Закрепившись на Каруне, Англия получила возможность распространять свое влияние не только на юго-западные районы, но и на весь центральный Иран.

Политическое значение концессии на судоходство по р. Карун выявилось особенно ясно в последующие годы, когда Англия стала более активно проникать в южные и центральные районы Ирана и со временем заняла в них господствующее положение.

В иранской литературе есть склонность недооценивать значение этой концессии ¹¹³. В английской же литературе, как только концессия была получена, она была встречена восторженно и рассматривалась как большая победа английской дипломатии. В дальнейшем наметилась тенденция приуменьшения ее значения. В настоящее время, когда можно достаточно всесторонне оценить то или иное событие в исторической ретроспективе, концессия на судоходство по р. Карун рассматривается в английской литературе как одна из важнейших английских концессий в Иране. Так, например, Р. Гривс в своей работе утвержда-

ет, что развитие судоходства по р. Карун и создание различных английских предприятий явилось «краеугольным камнем для господства Британии на юге Ирана»¹¹⁴.

Действительно, значение этой концессии для укрепления экономических и политических позиций Англии в Иране трудно переоценить.

Открытие судоходства по Каруну дало Англии формальное право добиваться новых концессий для расширения торговли и экономической деятельности в этих районах. Судоходство по Каруну не являлось конечной целью английских империалистов. Главное, чего они добивались — это открытие удобного пути во внутренние районы Ирана. Различные английские представители совершали поездки с целью изучения строительства возможных дорог от Каруна в центр страны. Наибольший интерес представляли заключения инженер-полковника англо-индийской армии Белла¹¹⁵. Он обратил внимание на два пути: от Шуштера до Исфахана через земли, населенные бахтиарскими племенами. Этот путь считался непроходимым из-за постоянных нападений и грабежей местного населения. Возможная стоимость строительства караванной дороги определялась Беллом в 20 ф. ст. за одну милю. Другая дорога, значительно длиннее, шла от Шуштера к Боруджерду и затем к Тегерану с ответвлением на Исфахан. Стоимость ее строительства оценивалась в 14 ф. ст. за милю.

В 1898 г. англичане добились концессии на постройку колесной дороги Тегеран — Кум — Султанабад — Боруджерд — Шуштер. Эта концессия была выдана министру иностранных дел Ирана Мошир од-Доуле, который уступил ее Линчу за 15 тыс. ф. ст.¹¹⁶. Дорога была построена до Султанабада, дальше она проходила по местам, населенным воинственными племенами луров. Все попытки англичан договориться с вождями племен оказались безрезультатными.

Несомненно большее значение имела дорога на Исфахан через бахтиарские кочевья, которая была вдвое короче пути через Боруджерд и старой дороги Бушир — Исфахан. В 1897 г. компания «Братья Линч» добилась получения концессии на строительство колесной дороги от Ахваза до Исфахана. Для строительства дороги было набрано около 2500 рабочих, жалование им уплачивали агенты компании. Все материалы для строительства были доставлены пароходами компании. Вдоль дороги были построены станции для отдыха и смены лошадей. Весь путь по новой дороге занимал 11—15 дней.

Укрепление господства английских капиталистов на юге Ирана в значительной мере зависело от распространения влияния англичан на одно из самых крупных и сильных племен юга страны — бахтиар. Английская дипломатия широко пользовалась услугами полунезависимых племен в своей борьбе за сферы влияния в Иране. Англия нередко поддерживала сепаратист-

ские устремления вождей племен, оказывая таким образом давление на центральное правительство¹¹⁷.

Племена бахтиар занимали всю горную область между Луристаном и Ираком на севере и низменностями Хузестана на юге. Через земли бахтиар по планам Англии должны были пройти торговые пути в центральный Иран. Поэтому с конца XIX в. бахтиарские племена стали часто посещать английские торговые, политические, военные агенты, дипломаты. Английское консульство в Ахвазе имело в своем штате специального резидента для связи с влиятельными бахтиарскими ханами, которые получали от него субсидии и ценные подарки¹¹⁸.

Англичане делали все, чтобы завоевать расположение бахтиар и с их помощью подчинить своей власти юг страны. Действуя через своих официальных и неофициальных агентов, они подкупили вождей большинства племен бахтиар. Английские официальные представители в Иране регулярно отправляли во владения бахтиар караваны с подарками, состоявшие обычно из золотых часов, оружия и денег. Так, например, в 1898 г. 18 бьюков с подобными подарками были посланы с особым английским уполномоченным и розданы наиболее влиятельным вождям бахтиар¹¹⁹.

Стремление Англии установить безраздельное господство среди бахтиар объяснялось и тем, что эти племена представляли крупную военную силу, которая могла в любой момент выставить от 20 тыс. до 30 тыс. всадников. Вооружив племена, англичане рассчитывали их руками завоевать и подчинить своему безраздельному господству все побережье Персидского залива с прилегающими к нему районами.

Основными проводниками английской политики среди бахтиарских племен были их вожди — Сардар Асад Эсфандиар-хан и Сепакдар, состоявшие на постоянном жалованье у англичан¹²⁰. Эти бахтиарские начальники сделали очень много для укрепления английского влияния среди племен. С их помощью английские капиталисты приобрели важные военные и стратегические пункты на территории южного Ирана, которые могли служить опорными пунктами для дальнейшего продвижения английских вооруженных сил. На английские деньги Эсфандиар-ханом были куплены важные стратегические пункты на Каруне, которые затем были укреплены англичанами¹²¹. В 1900 г. Эсфандиар-хан и Сепакдар отправились в Кербелу, а затем в Багдад, где снова получили от англичан большую сумму денег и купили на них крупные участки земли в Хузестане, селение Зейтун и почти все деревни в окрестностях Шуштера, Дизфуля, Бехбехана и начали строить в них укрепления¹²². Влияние англичан среди бахтиар так возросло, что ханы признали их основными посредниками в отношениях с иранским правительством¹²³. «С англичанами мы находимся в постоянных сношениях, и к тому же британский посланник в Тегеране постоянно нам покровительствует

и защищает наши интересы перед шахским правительством», — отмечал в беседе с русским консулом Эсфандиар-хан¹²⁴. Но, купив наиболее зажиточную верхушку племен бахтиар, англичане не смогли завоевать авторитет среди основной массы кочевников. Бахтиарские племена не любили англичан, относились к ним с большим недоверием и враждебностью. Нередко вспыхивали открытые возмущения бахтиар проанглийской политикой своих вождей, продававших английским капиталистам интересы племен.

Дав бахтиарским ханам крупные взятки¹²⁵, англичане добились того, что за определенную плату бахтиары обязались охранять караваны компании на всем пути¹²⁶.

Эти меры дали возможность компании Линч принимать перевозку грузов по новой дороге с правом страховки. В рекламе, выпущенной компанией «Братья Линч», говорилось: «Компания братьев Линч в Ахвазе принимает доставку и перевозку грузов, прибывающих по вновь выстроенной бахтиарской дороге, пароходами отправляет их в Индию, Европу, Китай и Багдад и равным образом доставляет товары в Исфаган по той же дороге из Индии, Европы, Китая и Багдада. Торговцы могут застраховать товары от воров, огня, потопления и подмочки, а также и от других опасностей на суше и море от Исфагана до порта»¹²⁷.

Дорога через бахтиарские кочевья являлась наиболее удобным и коротким путем, соединяющим Персидский залив с Исфаханом. Новый путь приобрел огромное значение в политических и торговых отношениях, значительно изменив традиционные транзитные пути Басра — Багдад — Керманшах и Бушир — Исфахан. Города Басра и Багдад были вынуждены уступить часть своих доходов Мохаммере, которая служила дверью к внутренним провинциям Ирана и стала местом склада товаров, перевозившихся по новой дороге в Исфахан, а также посредницей между Европой и центральным Ираном. Если общий объем торговли Англии через Мохаммеру в 1891 г. составлял всего 16 тыс. ф. ст., то уже к 1902 г. он достиг 271 732 ф. ст., т. е. увеличился почти в 17 раз¹²⁸.

Исфахан не был конечным пунктом устремлений англичан. Они рассчитывали проникнуть дальше на север — к Тегерану, который должен был стать конечным пунктом их будущей железной дороги от Мохаммеры.

Открытие нового пути облегчило англичанам и политическое и экономическое закабаление южных районов Ирана.

Важную роль в закабалении Ирана английским империализмом сыграла концессия на организацию английского банка в Иране. Как известно, в эпоху империализма создание банков за границей приобретает особое значение: они становятся одним из средств империалистической экспансии. В. И. Ленин писал, что при этом «всегда кое-что перепадает в пользу кредитора: уступ-

ка в торговом договоре, угольная станция, постройка гавани, жирная концессия, заказ на пушки»¹²⁹.

Получение концессии на основание Шахиншахского банка помогло английскому капиталу установить почти полный контроль над финансами Ирана. Эта концессия была заключена всего через три месяца после открытия судоходства по р. Карун. Предоставив иранскому правительству письменное обязательство с гарантией защищать страну в случае опасности, английское правительство стремилось получить за него как можно больше уступок от Ирана. В результате этого обещания позиции англичан при иранском дворе значительно упрочились и их влияние стало решающим. Шах консультировался с английским посланником по всем важным политическим вопросам и держал его в курсе своих отношений с Россией¹³⁰. Английский посланник Д. Вольф, который никогда не отличался отсутствием активности в своей деятельности в Иране, умело воспользовался благоприятно сложившейся обстановкой, а также и своей дружбой с Амин ос-Солтане для получения новой концессии. Кроме того, в этом вопросе у английского посланника был и личный интерес. Он хотел помочь своему другу Рейтеру возобновить хотя бы часть концессии 1872 г.¹³¹ По взаимной договоренности они сочли, что наиболее подходящей статьей, компенсации которой они будут добиваться у иранского правительства, является ст. 20. По ней Рейтеру предоставлялось право на открытие банка в Иране. Первый министр Али Асгар-хан Амин ос-Солтане был готов предоставить концессию. Но другие члены иранского правительства не были согласны с ним. Ряд политических деятелей (Яхья-хан Мошир од-Доуле, Этемад ос-Солтане и др.) считали, что предоставление этой концессии даст большие привилегии англичанам и нарушит тот баланс, который они считали необходимым сохранять в позициях Англии и России в Иране. Но Вольфу с помощью взяток и при поддержке Амин ос-Солтане удалось склонить на свою сторону министра иностранных дел Ирана мирзу Аббас-хана Кавам од-Доуле¹³². Вольфу благоприятствовало и то обстоятельство, что русского посланника Н. С. Долгорукова в это время не было в Тегеране, а на протесты русского поверенного в делах Поджио иранское правительство не обращало внимания.

15 января 1889 г. Амин ос-Солтане сообщил Дж. Рабино, представителю Рейтера в Иране, что шах одобряет организацию банка и согласен на создание компании для эксплуатации недр страны. Рейтер разработал условия концессии. 30 января 1889 г. Рейтер, Али Асгар-хан Амин ос-Солтане и мирза Аббас-хан Кавам од-Доуле подписали соглашение на создание банка в Иране. Концессия 1872 г. была, наконец, объявлена недействительной, и совместные претензии ликвидировались (ст. 15). Ст. 1 новой концессии давала Рейтеру право на организацию государственного банка в Иране под названием Imperial Bank of

Persia (Шахиншахский банк) ¹³³. Концессия предоставлялась на 60 лет. Главная контора банка находилась в Тегеране, но его отделения могли быть открыты в других городах Ирана и за рубежом. Помимо ведения различных финансовых операций банку разрешалось также строительство дорог, промышленных и торговых предприятий.

Ст. 2 определяла капитал банка в 4 млн. ф. ст. На эту сумму было разрешено выпустить акции в Лондоне, Париже, Берлине, Тегеране, Вене, Петербурге. Банк мог начать свои операции уже при наличии 1 млн. ф. ст. Шахиншахский банк, как выполнявший функции государственного банка, согласно ст. 3 получил исключительное право на выпуск банковских билетов на сумму 800 тыс. ф. ст. с покрытием $\frac{1}{3}$ их металлической наличностью и на проведение банковских и коммерческих операций в самом широком масштабе ¹³⁴. Иранское правительство обязалось не выпускать какие-либо бумажные деньги в течение всего срока концессии и не предоставлять подобной привилегии другим банкам.

Ст. 6 концессии обязывала банк ссужать иранское правительство деньгами в форме различных ссуд и займов под обеспечение, причем допускалось, что выданные иранскому правительству суммы могли и не обеспечиваться; в этом случае долг по таким займам заменял собою фонд, обеспечивавший банковые билеты. Эта статья предоставляла иранскому правительству возможность получения займов и приводила к тому, что фонд, обеспечивавший выпущенные банком билеты, систематически уменьшался и мог окончательно истощиться, а банкноты, находившиеся в обращении, могли остаться совсем необеспеченными. Посредством многочисленных ссуд, денежных услуг, займов иранскому правительству английский банк стремился расширить поле своей деятельности в Иране, получать новые права и привилегии, что, без сомнения, должно было привести к упрочению английского господства в стране. Иранскому правительству банк должен был уплачивать 6% от своего годового дохода, но не менее 4 тыс. ф. ст. (ст. 7) ¹³⁵. Ст. 11 данной концессии совпадала со ст. 11 концессии Рейтера, что еще раз подчеркивает несомненную связь этих двух концессий. Рейтеровская концессия, которая не смогла осуществиться в 1872 г., была снова получена через 17 лет, но в несколько измененном виде. Она предоставляла широкое поле деятельности для английских капиталистов.

Ст. 11 концессии гласила, что банк был готов взять на себя все необходимые ассигнования на развитие ресурсов Ирана и эксплуатацию его естественных богатств ¹³⁶. Банку было предоставлено исключительное право на разработку по всей стране месторождений железа, меди, свинца, ртути, угля, нефти, марганца, буры и асбеста. Деятельность банка распространялась даже на северные провинции Ирана, находившиеся под влияни-

ем России. Но банк занялся прежде всего наиболее выгодными мероприятиями, такими, как выпуск банкнот, поставка серебра и другими операциями, а не разработкой естественных богатств Ирана, требовавшей больших капиталовложений.

В 1889 г. Шахиншахский банк за 150 тыс. ф. ст. передал концессионное право на разработку полезных ископаемых в Иране другой английской компании.

Договор о концессии носил кабальный для Ирана характер и был типичным неравноправным договором сильной капиталистической державы со слаборазвитой зависимой страной. Несмотря на то что в ряде статей декларировались права иранского правительства и указывалось, что целью создания банка является содействие экономическому развитию страны, фактически это было не так. Согласно ст. 1 договора о концессии банк был создан с целью «развития торговли и увеличения богатств страны» ¹³⁷. Однако в дальнейших статьях не содержалось никаких указаний на то, каким именно путем эта цель должна была осуществляться.

Банк начал свою деятельность с предоставления иранскому правительству ссуды в 40 тыс. ф. ст. сроком на 10 лет ¹³⁸.

В банке в основном принимали участие только английские капиталисты, участие же иранских подданных ограничивалось $\frac{1}{5}$ всего акционерного капитала. Банк представлял собой чисто английское учреждение. В иранской литературе подчеркивалось, что Шахиншахский банк был иностранным по своей природе, с частным иностранным капиталом, иностранными управляющими и был организован иностранной державой ¹³⁹. В договоре, правда, упоминалось о комиссаре иранского правительства, но роль его была крайне ограничена. Соглашением было установлено, что комиссар мог принимать участие в общих собраниях акционеров и в заседаниях Совета правления банка только тогда, когда будет приглашен в эти собрания и заседания ¹⁴⁰. Эта мера, в сущности, сводила на нет полномочия иранского правительства в данном вопросе.

Английским капиталистам удалось навязать такие условия концессии, которые создавали самую благоприятную почву для деятельности банка в Иране. Так, согласно ст. 5 концессии иранское правительство освобождало банк от уплаты всех налогов и таможенных сборов и обязывалось охранять его от убытков ¹⁴¹. По сути дела, это в любом случае гарантировало английским капиталистам прибыль за счет иранского налогоплательщика.

Предоставление английским капиталистам концессии на организацию банка в Иране, по которой в их руки передавались почти все главнейшие отрасли хозяйства страны, вызвало резкие протесты в финансовых и политических кругах как Европы, так и Америки. Против концессии выступили основные конкуренты Англии на Востоке — царская Россия, Германия и США, которые также были заинтересованы в укреплении своих пози-

ций в Иране. Так, посланник США в Иране официально опротестовал ряд статей концессии, и в особенности уступку банку полезных ископаемых, поскольку американские капиталисты сами рассчитывали получить концессию на их разработку. Переговоры с иранским правительством по этому вопросу вел в то время представитель США в Иране Торенс.

Английское правительство не только оказало поддержку Рейтеру при получении концессии, но и сделало все возможное, чтобы эта концессия была осуществлена и претворена в жизнь.

Учитывая неудачу концессии 1872 г., английское правительство пыталось привлечь к участию в банковской концессии наиболее крупных финансистов Англии. Во главе акционерного общества, созданного в Англии для осуществления концессии, встали один из наиболее крупных торговых домов страны — «Генри Шредер и К°», Д. Сассун, Глен Миллз, Керил и др. Эта новая компания за 200 тыс. ф. ст. выкупила у Рейтера полученную им концессию.

Успеху концессии немало способствовало инкорпорирование Шахиншахского банка королевской хартией от 2 декабря 1889 г. Этот шаг английского правительства имел огромное значение для всей дальнейшей деятельности банка. Предприятие, получившее хартию, рассматривалось уже как государственное, и правительство несло за него ответственность. Общее собрание акционеров не имело права самолично изменять статьи устава, включенные в королевскую хартию. Предоставляя королевскую хартию, английское правительство брало банк в Иране под свою не только фактическую, но и юридическую защиту.

Вследствие этого руководство банком стало осуществляться английским казначейством; директором банка был назначен опытный финансист, английский подданный Рабино¹⁴². Обычно хартией обеспечивались наиболее крупные и важные для английского государства предприятия. Отсюда видно, какое значение придавало английское правительство созданию и деятельности банка в Иране.

Королевская хартия предоставлялась только чисто английским предприятиям, без всякого участия иностранцев. Поэтому предварительно, перед тем как королевская хартия была дана Шахиншахскому банку, из концессии были исключены все статьи, по которым деятельность банка хотя бы формально контролировалась иранским правительством. Например, статья, где говорилось о том, что устав банка должен согласовываться с иранскими законами, или статья о требовании со стороны иранского правительства займа на всю сумму выпущенных банкнотов и др. исключались. Тем самым банк не только фактически, но и формально освобождался от удовлетворения различных претензий иранского правительства и от всякого контроля с его стороны¹⁴³.

Согласно § 16 хартии банк освобождался от всякой ответственности за ведение дел коммерческих и промышленных предприятий, которым он продавал часть своих привилегий. По § 8 хартии банку было предоставлено право препятствовать учреждению в Иране предприятий, «опасных» для английской промышленности¹⁴⁴. Этот пункт был особенно важен для английских капиталистов, так как он предоставлял им официальное право не допускать организации в Иране каких-либо иностранных предприятий, которые, по их мнению, могли быть опасными конкурентами для английского капитала в стране. Тем самым английские капиталисты получили возможность контролировать развитие иранской промышленности.

23 октября 1889 г. банк начал свои операции в Тегеране. По настоянию английского правительства отделения другого английского банка, ранее существовавшие в Иране, закрывались и передавались за 20 тыс. ф. ст. Шахиншахскому банку¹⁴⁵.

С первых шагов деятельности Шахиншахского банка стало ясно, что английские капиталисты не просчитались. Согласно отчету банка, только за первые шесть месяцев его работы чистая прибыль составила 67 тыс. ф. ст.; акционеры получили 8% годовых на внесенный капитал¹⁴⁶. Значительная сумма (свыше 1200 тыс. ф. ст.), на которую банк дисконтировал векселя и выдал ссуды, свидетельствовала о том, что деятельность его в короткое время приняла широкие размеры¹⁴⁷.

В первые годы своего существования банк открыл отделения в различных городах и районах Ирана: Тегеране, Тебризе, Реште, Хамадане, Керманшахе, Мешхеде, Султанбаде, Казвине, Исфохане, Йезде, Кермане, Боруджерде, Систане, Ширазе, Бушире, Ахвазе, Мохаммере.

Три отделения банка были открыты за границей — в Бомбее, Багдаде и Басре: это облегчало координацию деятельности банка в районах английского влияния. Первые мероприятия Шахиншахского банка были направлены против местных иранских ростовщиков, банкиров и торговцев: для достижения своих целей он не брезговал никакими средствами¹⁴⁸.

Отделения банка стремились захватить в свои руки все финансовые и торговые операции в разных районах Ирана. Для этого они скупали почти всю находившуюся в обращении металлическую монету и тем самым вынуждали местных торговцев вести расчеты только посредством выпущенных банком ассигнаций. Чтобы обезопасить себя от различных случайностей, таких, как одновременное предъявление к оплате большинства банкнотов, банк принял специальные меры. Так, все банкноты, кроме тегеранских, имели штемпель, указывавший на район их хождения, а с обратной стороны — название города, принимавшего к оплате данный банкнот. Другие же банкноты или вообще не принимались, или же принимались лишь с учетом почтовых расходов и уплатой $\frac{1}{8}$ % за комиссию¹⁴⁹. Это дало воз-

возможность английским капиталистам забрать в свои руки основные торговые операции Ирана.

Наиболее выгодными для банка мероприятиями были выпуск банкнотов и поставки серебра. Как писал иранский автор, предоставление английскому банку «монопольного права выпуска банкнотов в Иране породило ту злополучную политику, которая с каждым годом увеличивала нищету и бедность иранского народа»¹⁵⁰.

Шахиншахский банк имел право выпуска банкнотов достоинством в 2, 3, 4, 5, 10, 25, 50, 100, 250, 500 и 1000 туманов, при $\frac{1}{3}$ металлического обеспечения. Операция по выпуску банкнот давала банку 800 тыс. ф. ст. оборотных средств и приносила огромные доходы. Выпуск банкнотов увеличивался почти с каждым годом; об этом свидетельствуют даже официальные английские источники, в которых приводятся следующие данные (в тыс. туманов)¹⁵¹:

1890 г. — 29	1894 г. — 334	1898 г. — 365
1891 г. — 99	1895 г. — 250	1899 г. — 589
1892 г. — 194	1896 г. — 415	1900 г. — 1058
1893 г. — 207	1897 г. — 203	

70% суммы банкнотов, выпущенных банком, не были обеспечены металлическими деньгами, и все затраты английских капиталистов ограничивались лишь расходами на бумагу и печать»¹⁵².

Как писал А. Данешпур, «предоставление права выпуска банкнотов в Иране иностранному предприятию было величайшим преступлением, которое шах и его сановники могли совершить по отношению к иранскому народу»¹⁵³.

Большие прибыли приносили операции по учету правительственных платежей. Все денежные расчеты иранского правительства осуществлялись через Шахиншахский банк. Налоги с провинций, доходы от таможен и других предприятий поступали в кассы банка; расходы оплачивались им же. За учет всех правительственных векселей и платежей банк взимал 15%¹⁵⁴. Банк выигрывал еще и от того, что на периферии большая часть доходов поступала в кассы английского банка в серебре, а выплачивалась правительству в столице в банкнотах.

Обычно в кассах Шахиншахского банка сосредоточивалось большое количество серебра, которым он выгодно спекулировал. Много серебра банк вывозил за пределы Ирана; это отрицательно сказывалось на курсе крана — иранской денежной единицы. Курс крана систематически падал. В 1877 г. за 1 ф. ст. платили 23,75 крана, в 1899 г. — 49 кранов, т. е. за 22 года курс крана упал больше чем вдвое. Самая низкая цена крана была в начале 1898 г., когда 1 ф. ст. стоил в Тегеране 52 крана, а в Азербайджане даже 53 и 55 крана. Курс крана был очень неустойчивым: 31 марта 1893 г. в Исфахане за 1 ф. ст. платили

45 кранов, а в Басре — $37\frac{3}{4}$ крана; в мае 1894 г. в Тегеране 1 ф. ст. равнялся 49 кранам, а в Тебризе — 54 кранам¹⁵⁵.

Большое количество свободного серебра скапливалось в Шахиншахском банке еще и потому, что последний контролировал почти всю англо-иранскую торговлю, которая обычно велась с дефицитом для Ирана, достигавшим в отдельные годы 1—1,5 млн. ф. ст.¹⁵⁶.

Крупные партии серебра сосредоточивались на юге Ирана, где англо-иранская торговля была особенно развита.

Почти все свободное серебро Шахиншахский банк направлял контрабандой в Россию, главным образом в Ашхабад. На границе с Закаспийской областью банк имел своих агентов, при посредстве которых серебро переправлялось за границу. Из Мешхеда отделение Шахиншахского банка посылало серебро через Кучан и Гаудан в Ашхабад, где у него в конце XIX в. был свой агент, некто хаджи Мохаммад Ибрахим Иазди.

На иранские деньги английские капиталисты за бесценок скупали наиболее ценное сырье в Афганистане и Индии и направляли его в метрополию. Часть серебряных денег шла на кабульские и индийские монетные дворы для перечеканки в рупии¹⁵⁷. Установить точную цифру вывозимого серебра не представляется возможным ввиду отсутствия данных, но она выражалась в сотнях тысяч туманов¹⁵⁸.

Систематическая спекуляция иранской серебряной монетой приводила к тому, что запасы серебра в банке истощались и большинство банкнотов, находившихся в обращении, не были обеспечены серебром. На этой почве неоднократно вспыхивали выступления широких масс населения, направленные против Шахиншахского банка. Так, например, в 1897 г. в Тегеране начались волнения, вызванные тем, что банк не смог разменять все предъявленные ему для оплаты банкноты. Толпы жителей Тегерана в течение нескольких дней осаждали банк.

В этом движении активное участие приняли крупные ростовщики Ирана и некоторые местные банкирские дома. Сосредоточив в своих руках важнейшие и наиболее прибыльные операции по всей стране, Шахиншахский банк отстранил иранских банкиров от ведения многих финансовых дел. Поэтому последние пользовались любым случаем для борьбы с английским банком. И когда в Тегеране стало известно, что серебряный фонд Шахиншахского банка крайне истощен, то иранские финансисты образовали нечто вроде объединения, в состав которого вошли братья Туманьянц, хаджи Лотфали, хаджи Мохаммад Багир, хаджи Мохаммад Казем Малек от-Тоджар и др.¹⁵⁹. Объединение непосредственно от себя и через посредство многочисленных агентов предъявило Шахиншахскому банку большие партии банкнотов для обмена на серебряную монету. Этот акт значительно усилил выступления тегеранского населения против английского банка. В борьбе с Шахиншахским банком особую актив-

ность проявил один из членов объединения — Малек от-Тоджар, влиятельнейший купец города. Под давлением английских представителей иранское правительство было вынуждено отдать приказ об его аресте. Он избежал тюрьмы только благодаря тому, что успел скрыться. Банк был спасен шахским правительством, которое, боясь усиления и активизации народного движения, поспешило предоставить в распоряжение банка почти все имевшиеся деньги.

Полковник В. А. Косооговский, командующий шахской казачьей бригадой в Иране, писал в своем дневнике: «Неоспоримо, главным виновником этих событий является Шахиншахский банк, злоупотреблявший выпуском в народное обращение чрезвычайного количества банкнотов, явившихся на смену серебряным кранам, которые нужны были ему для экспорта в Закаспийский край и для снабжения необходимыми средствами своих филиалов в главнейших городах Персии. Но не в меньшей степени ответственно за эти события и персидское правительство»¹⁶⁰.

Во избежание подобных неприятностей банк стремился к тому, чтобы чеканка серебряной монеты производилась им единолично. Поэтому он постоянно сосредоточивал в своих руках поставку серебра для монетного двора.

Английский посланник в Иране А. Гардинг в 1897 г. составил проект реформы монетного двора, согласно которому предполагалось поставить все действия тегеранского монетного двора под непосредственный контроль директора английского банка¹⁶¹.

Председатель правления Шахиншахского банка в Лондоне в своем отчете перед акционерами о работе банка за 1890 г. заявил, что чеканка кранов составляет для Шахиншахского банка очень выгодное дело и приносит ему большие прибыли¹⁶².

Банку было предоставлено право беспошлинного ввоза серебра, в то время как в Иране существовала высокая пошлина на ввозимое серебро. При этом, закупая серебро по ценам международного рынка и представляя иранскому правительству счета в кранах по курсу дня, который всегда был выше международной цены серебра, банк выигрывал уже на самой поставке серебра.

Благодаря своим многочисленным отделениям и агентствам банк имел возможность изменять курс иранской валюты по всей стране, получая огромные прибыли при расчетах по займам, при продаже серебра иранскому правительству и других операциях.

Курс фунта стерлингов в Иране банк также устанавливал произвольно, исходя из собственных интересов, без учета состояния мирового валютного рынка и нормального курса стоимости серебра.

Поддерживая определенный курс фунта стерлингов, банк получал большие доходы при расчетах с иранским правитель-

ством. Задолженность последнего Англии по всем займам обычно фиксировалась в фунтах стерлингов. Зная заранее сроки платежей иранского правительства, банк стремился к этому времени повысить курс фунта стерлингов. Когда же Англия предоставляла Ирану займы или при платежах по концессионным договорам, банк принимал все меры к тому, чтобы курс фунта стерлингов падал. К иранскому новому году (21 марта), когда местное купечество расплачивалось по кредитам за иностранные товары, английский банк обычно повышал курс фунта стерлингов, а когда купечество делало массовые заказы товаров в Европе, банк резко снижал курс фунта стерлингов¹⁶³.

Политика английского банка была направлена на подрыв тех иранских купцов и фирм, которые вели торговые операции не с Англией, а с другими странами, в особенности с Россией. Так, мешхедское отделение английского банка неоднократно пыталось захватить в Хорасане всю торговлю чаем и индиго, находившуюся в руках русских купцов. Объем торговли этими товарами был довольно значителен: в 1890 г. стоимость всей торговли России с Хорасаном составляла 14 млн. кранов, или 3730 тыс. руб., из которых торговля чаем и индиго составляла 7613 тыс. кранов, или 2030 тыс. руб.¹⁶⁴. Зная, что торговля русскими товарами в большинстве случаев производится оптом и в кредит, банк скупал металлическую монету и повышал курс крана в сроки поступления уплаты за товары. При этом он, с одной стороны, лишал русских купцов возможности извлечь какую-либо выгоду из торговли, а с другой — вынуждал их обращаться в английский банк за обменом кранов на кредитные билеты или за переводом этих денег в Россию и уплачивать ему за это большие проценты¹⁶⁵. В результате деятельности английского банка ухудшилось положение не только русских торговцев, но и местного купечества.

Сознательная и планомерная скупка банком серебра в различных районах Ирана и выпуск банкнотов значительно ухудшили положение местных иранских купцов, сузили их деятельность. Не имея достаточного количества металлической монеты в обращении, купцы были вынуждены прибегать к банкнотам английского банка и тем самым становились в своих торговых операциях зависимыми от него.

В 1898 г. ширазские купцы писали садр азаму: «Прежде торговля иностранными товарами была в наших руках, но после учреждения в Иране банка (Шахиншахского.— Л. К.) эта торговля всецело перешла к иностранцам, и сколько именитых купцов из нашей среды за последние несколько лет совершенно разорились!»¹⁶⁶.

Желая единолично производить все денежные расчеты в стране, банк вел упорную и длительную борьбу с иранскими ростовщиками. Стремясь их разорить и убрать со своего пути, он постепенно скупал их денежные чеки. Когда же банк накопил

эти чеки на крупную сумму в 70 тыс. туманов, он одновременно предъявил все их к оплате в надежде, что ростовщики не смогут выплатить такую сумму¹⁶⁷. Коммерческая деятельность банка отличалась большой осторожностью и знанием местных условий. Он избегал необеспеченного кредита и предпочитал комиссионные операции по продаже товаров, прибывавших из-за границы.

Шахиншахский банк через посредство своих многочисленных отделений в Иране информировал английские фирмы о состоянии торговли и ценах на товары в любых районах страны и всемерно содействовал английским подданным, предоставляя им ссуды на самых льготных условиях. Опираясь на банк, английские колонизаторы постепенно заняли господствующее положение в иранской торговле. В отчете управляющего банком за 1904 г. было сказано, что Шахиншахский банк способствует развитию английской торговли и укреплению влияния Англии в Иране¹⁶⁸. Так как Шахиншахский банк был единственным государственным банком в Иране, местные торговцы и банкиры были вынуждены с ним сотрудничать. Это в свою очередь приводило к росту зависимости и подчинению торговых и финансовых кругов Ирана английскому банку¹⁶⁹.

Ревностно охраняя интересы английского капитализма в Иране, Шахиншахский банк делал все, чтобы воспрепятствовать развитию местной промышленности. Так, в конце XIX в. в Исфахане было создано одно из первых иранских промышленных обществ под названием «Шеркят-е исламийе». Общество занималось строительством и улучшением путей сообщения в исфаханской провинции и созданием текстильных фабрик. Председателем общества был избран крупный купец хаджи Мохаммад Хосейн Казеруни. Его членами были моджтехид Исфахана Ага Неджафи и его братья, вложившие в него крупные суммы денег. В 1889 г. капитал общества составлял 150 тыс. туманов. Кроме того, оно намеревалось выпустить на полмиллиона туманов акций достоинством по 10 туманов¹⁷⁰.

Общество обратилось к шахскому правительству за разрешением на строительство шоссе от Кума до Исфахана.

Против деятельности общества резко выступил Шахиншахский банк. Директор банка стал домогаться у иранского правительства концессии на строительство этого шоссе. Оказав политическое давление на иранское правительство и раздав щедрые подарки, английские официальные представители добились того, что концессия была предоставлена не иранскому обществу, а Шахиншахскому банку.

Право предоставлять иранскому правительству различные денежные ссуды и займы составляло одну из наиболее важных функций английского банка в Иране. Английские капиталисты понимали, что при помощи займов им легче добиться укрепления своего господства в Иране, и потому стремились любыми

способами навязать новые займы иранскому правительству. Англия всячески толкала шахское правительство на огромные траты, чтобы при первом же финансовом затруднении предложить ему соответствующий заем¹⁷¹. При этом важную роль играли не столько займы, сколько залоги, под которые они предоставлялись, ибо с их помощью англичане распространяли свое влияние на таможни, почту, отдельные отрасли иранского хозяйства. Один из английских авторов писал, что «позиция Англии в Персии будет значительно прочнее и последняя будет более связана с британским правительством, если займы будут предоставляться под обеспечение таможен портов Персидского залива»¹⁷².

Необходимо отметить, что таможенные пошлины приносили постоянный и более или менее верный доход, и поэтому Англия охотно шла на получение таможенных доходов в качестве гарантий за займы. Иран получал от таможен большой доход, который увеличивался с каждым годом. Так, например, в 1898/99 г. он составил 10 млн. кран, в 1899/1900 г.— 14 064 440, в 1900/01 г.— 17 000 300, в 1901/02 г.— 20 192 570, в 1902/03 г.— 20 280 321 и в 1903/04 г.— 29 698 899 кран¹⁷³.

Таким образом, за шесть лет таможенные сборы выросли почти в трираза. Доходы таможен, через которые в основном шла англо-иранская торговля, составили (в кранах)*:

Таможни городов	1912/13 г.	1913/14 г.
Керманшах	3 731 361	5 160 299
Бушир	4 336 915	3 864 900
Бендер-Аббас	1 316 361	1 906 574
Мохаммера	2 379 746	2 627 285
Тегеран	375 799	719 870

* Н. Н. Бобынин. Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля, 1901—1923. Тифлис, 1923, с. 58.

Следовательно, доходы с таможен городов, находившихся в сфере английского влияния, таких, как Бушир, Бендер-Аббас, Мохаммера, Керманшах, составляли 12—14 млн. кран или около 240—270 тыс. ф. ст. ежегодно. Это служило прочным обеспечением для английских займов, предоставленных Ирану.

Деятельность английского банка в Иране началась с предоставления займа шахскому правительству. В 1892 г. банк выдал правительству 500 тыс. ф. ст. для ликвидации претензий, возникших в результате отмены табачной монополии. В феврале 1898 г. английский банк, воспользовавшись тяжелым финансовым положением Ирана, за 50 тыс. ф. ст. добился у садр азама Амин од-Доуле выдачи разрешения на получение доходов от таможен Бушира и Керманшаха.

Получив в свое распоряжение южные таможни, английские капиталисты сделали полными хозяевами в Бушире. По их настоянию главный таможенный чиновник был заменен чиновни-

ком более низкого ранга, с ограниченной властью, и была значительно увеличена охрана английского генерального консульства в Бушире. Русский посланник К. М. Аргиропуло в донесении от 26 июля 1898 г. писал: «Буширская таможня находится всецело в руках англичан; власть шаха фактически не распространяется на Буширский порт»¹⁷⁴.

Такое же положение было и в других таможнях, над которыми был установлен контроль Англии. Английские чиновники следили за правильностью сбора таможенных пошлин и отчислений в счет погашения займов и уплаты процентов.

К 1898 г. долг Ирана английскому банку составлял почти 400 тыс. ф. ст., но он постоянно увеличивался за счет новых займов и к 1914 г. вырос до 1,6 млн. ф. ст.¹⁷⁵. Это давало банку возможность держать в своих руках иранское правительство и заставлять его выполнять все свои требования.

Руководство банка открыто вмешивалось во внутренние дела Ирана. Без согласования с банком иранское правительство не могло получить внешний заем. Так, в конце XIX в. в результате критического финансового положения иранское правительство стремилось получить новый заем. В 1897 г. начались переговоры о займе с французскими банкирами на приемлемых для Ирана условиях. Узнав об этом, Шахиншахский банк в 1899 г. предъявил иранскому правительству ультиматум: погасить весь долг банку в кратчайший срок или же заключить соглашение о займе в Англии на 40 млн. ф. ст.¹⁷⁶. Условия предоставления займа были чрезвычайно тяжелыми для Ирана. Его обеспечением должны были служить таможенные доходы всех южных портов Персидского залива, а также Керманшаха. Кроме того, английские капиталисты домогались и территориальных уступок на побережье Персидского залива¹⁷⁷.

Иранское правительство отклонило этот кабальный заем.

Государственный бюджет Ирана сводился с ежегодным дефицитом, доходившим в некоторые годы до 3 млн. руб. (свыше 300 тыс. ф. ст.)¹⁷⁸. Дефицит вызывался как огромными расходами шахского двора, так и крупными ежегодными взносами иностранным государствам по займам. На погашение задолженности Англии ежегодно уходило 12% бюджета и более.

Ввиду тяжелых условий, на которых предоставлялись иностранные займы, они являлись бременем для иранского государства и приводили к разорению широких народных масс¹⁷⁹. Кроме того, иранское правительство крайне непроизводительно расходовало получаемые по займам суммы. Это еще более ухудшало финансовое положение страны. К маю 1905 г. долг иранского правительства Шахиншахскому банку достиг 1300 тыс. туманов¹⁸⁰.

Связанное крупными долгами банку, иранское правительство не имело возможности оказывать противодействие английской политике и вынуждено было соглашаться с его требовани-

ями. Через посредство банка получались многие английские концессии. В ноябре 1889 г. Яхья-хан Мошир од-Доуле получил у шаха концессию на строительство дорог Тегеран — Ахваз и Боруджерд — Исфахан. В январе 1890 г. английский банк выкупил у Яхья-хана эту концессию. В 1898 г. Шахиншахский банк добился концессии на строительство дороги Кум — Исфахан. Получение дорожных концессий банком не означало, что он сразу же приступал к строительству шоссейных или колесных дорог. Просто, пользуясь благоприятными обстоятельствами, он закреплял за собой права на строительство дорог.

Оценивая значение создания банка для Ирана, необходимо учитывать двойственный характер его деятельности. Несомненно, основание банка было положительным явлением: он упорядочил финансовую систему Ирана, способствовал концентрации местного торгово-денежного капитала. Но его отрицательные последствия для экономики Ирана в целом были значительно большими и его деятельность способствовала закабалению страны английским капитализмом.

Вначале местное купечество с доверием отнеслось к банку, о чем свидетельствуют и вклады иранцев в банк. В 1890 г. они составили 113 тыс. ф. ст., в 1891 г. — 225 тыс., в 1892 г. — 357 тыс., но уже с 1892 г. они начали систематически уменьшаться¹⁸¹. Достаточно было трех лет, чтобы представители местного национального капитала поняли пагубность деятельности банка для их интересов. И с этого времени начинается активная и систематическая борьба торгово-финансовых кругов Ирана против Шахиншахского банка. Стремясь сосредоточить в своих руках управление всеми финансами страны, банк подавлял иранский национальный капитал, проводил подрывную деятельность против местного купечества и ростовщиков. В результате многие иранские торгово-банковские дома и ростовщики в конце XIX — начале XX в. обанкротились¹⁸². Чтобы выжить, иранские торговцы были вынуждены превращаться в агентов английского банка. И, как отмечает в своей работе Р. А. Сеидов, иранские торговцы-ростовщики, выступая посредниками между иностранным капиталом и производителями, которых они авансировали, содействовали приспособлению экономики Ирана к нуждам мирового капиталистического рынка и создавали условия для эксплуатации иностранным капиталом и экономики, и непосредственных производителей страны¹⁸³.

Таким образом, политика английского капитализма в Иране, проводившаяся при помощи Шахиншахского банка, помогала постепенному, но неуклонному превращению Ирана в полуколонию.

Активизация английской политики в Иране в конце XIX в. и получение ряда важных концессий значительно укрепили влияние Англии в этой стране. Южные районы Ирана фактически превратились в сферу безраздельного господства англий-

ского капитала. Усилились позиции англичан в Тегеране. Влияние Д. Вольфа при шахском дворе было безраздельным.

Во время третьего путешествия Наср эд-Дин-шаха в Европу в 1889 г. Вольф выступал в качестве его гида и руководителя. Шах был чрезвычайно гостеприимно встречен в Англии. Речи шаха, которые были составлены с помощью Вольфа, произвели хорошее впечатление на англичан и, что особенно важно, в деловых кругах страны. Шах подчеркнул желание развивать экономику своей страны с помощью иностранного, и в частности английского, капитала. Вольф был горд всем этим представлением, «как можно гордиться выступлением своей говорящей собаки»¹⁸⁴.

Заверения Наср эд-Дин-шаха в вечной дружбе с Англией не означали изменения традиционной политики Ирана — балансирования между двумя соперничавшими державами, Великобританией и царской Россией. Сразу же по возвращении в Тегеран, в 1890 г. шах предоставил российскому капиталисту Я. С. Полякову концессию на организацию русского ссудного банка в Иране сроком на 75 лет. Его брат — Л. С. Поляков получил концессию на открытие Персидского страхового и транспортного общества. Острая борьба между Англией и Россией разгорелась за концессии на строительство железных дорог в Иране. Русский проект проведения железной дороги через Хорасан к Тегерану был неприемлем для англичан, боявшихся за свое положение в Афганистане. Английский проект строительства железной дороги от Персидского залива к Тегерану не устраивал Россию, опасавшуюся усиления позиций Англии в южном и центральном Иране.

Еще до окончательного решения этого спора Вольф поспешил заранее обеспечить позиции Англии. В 1889 г. он предъявил министру иностранных дел Ирана Аббас-хану Кавам од-Доуле три требования относительно возможных железнодорожных концессий в Иране: 1. Если концессия будет дана России на севере, подобная же концессия должна быть дана на юге английской компании. 2. Концессия на юге не должна быть выдана без одобрения правительства Великобритании. 3. Разрешение на строительство дороги от Шуштера до Тегерана, уже обещанное в связи с открытием судоходства по Каруну, должно быть немедленно выполнено¹⁸⁵.

Англия была сторонницей строительства в Иране небольших дорог местного значения, что облегчило бы деятельность английских капиталистов в отдельных районах страны, и выступала против строительства больших стратегических дорог, опасаясь проникновения других капиталистических стран в Иран и соседние с ним государства. Поэтому еще в 1872 г., когда впервые был поднят вопрос о строительстве трансиранской железной дороги в связи с концессией Рейтера, он встретил отрицательное отношение в палате общин со стороны индийской группировки.

И там впервые было высказано мнение о возможности строительства в Иране лишь небольших железных дорог местного значения. Этот взгляд не изменился и через 17 лет.

Вольф также выступил против строительства трансиранской железной дороги, которая, по его мнению, не могла дать Англии никаких преимуществ. Того же взгляда придерживался и генерал Г. В. Бракенбур, глава военной английской разведки, который писал в министерство иностранных дел Великобритании: «Не должно быть никакой торопливости в таком вопросе, как сооружение железных дорог в Иране, если они добавляют силу России»¹⁸⁶.

В свою очередь, в России опасались, что строительство англичанами железных дорог в Иране могло составить серьезную конкуренцию русскому влиянию не только в Тегеране, но и в северных районах страны. Официальная точка зрения, господствовавшая в правящих кругах, сводилась к тому, что Россия, сама нуждавшаяся в экономическом развитии, не должна была вкладывать большие средства в Иран. Поэтому практически обе конкурирующие державы пришли к одной и той же мысли о невыгодности для них строительства железных дорог в Иране.

В 1890 г. вопреки интересам экономического развития Ирана было подписано русско-иранское соглашение о нестроительстве железных дорог в Иране в течение 10 лет; в 1900 г. оно было продлено еще на 10 лет.

Так как соглашение отвечало интересам как России, так и Англии, то, несмотря на обстановку взаимной острой борьбы, которая существовала в Иране между двумя странами, подписание его прошло очень спокойно.

Лондонский кабинет не высказал протеста против русско-иранского соглашения. Английский посланник в Тегеране Д. Вольф, в свою очередь, заручился письменным обещанием шаха о том, что «английское правительство имеет преимущество на концессию по проведению железных дорог с юга к Тегерану, а в случае, если концессия на постройку железной дороги дана будет на севере кому-либо, то подобного же рода концессия должна быть дана и английской компании на юге. Без совета с Англией концессия на южные дороги дана никакой (из иностранных компаний) быть не может»¹⁸⁷.

Соглашение было заключено вопреки желанию правящих кругов Ирана. Еще в то время, когда шли переговоры, шах в послании русскому поверенному в делах от 20 октября 1888 г. писал: «Почему мы не должны строить дороги и открывать фабрики, чтобы не нуждаться в иностранных товарах? Если бы мы начали строить дороги, то голод и дороговизна не стали бы повторяться каждые два-три года в Тегеране и других городах и многие были бы спасены... Никакое государство не находится в таком положении, в каком очутилась Персия. Англия и Россия зорко следят за каждым нашим действием. Всякие меры, приня-

тые нами на юге для благосостояния и процветания края, как, например, проведение дорог, вызывают протесты Российского правительства. Когда же мы приступаем к проведению дорог в северных, западных, восточных частях Персии, то англичане говорят, что это делается в интересах России. Мы желаем проводить дороги, строить фабрики, заботиться о процветании и благосостоянии наших владений и наших подданных. Какое же право имеют русское и английское правительство обращаться к нам с подобными заявлениями и запросами?»¹⁸⁸.

Но несмотря на отрицательное отношение иранских правящих кругов к соглашению, оно было заключено, и для этого, как отмечают иранские авторы, были использованы и военные угрозы, и политический нажим на правительство Ирана¹⁸⁹.

Соглашение о нестроительстве железных дорог явилось ярким примером политики империалистических государств в Иране, которые исходили только из своих интересов, вопреки интересам экономического развития Ирана. Отрицательные последствия этого колониального сговора России и Англии сказывались на экономическом, политическом и культурном развитии Ирана еще в течение многих десятилетий.

Строительство железных дорог в Иране фактически было заморожено почти на 30 лет. Шахское правительство в этом важном для судьбы страны вопросе продемонстрировало свою полную беспомощность.

В Иране отрицательно отнеслись к этому соглашению. М. Джемаль-заде отмечает пагубность этого соглашения для развития торговли, промышленности, ремесла страны¹⁹⁰.

«Англо-русское соперничество мешало модернизации Ирана,— пишет Н. Кедди,— запрещение строительства железных дорог в Иране явилось одной из причин этого»¹⁹¹.

Англо-русское соперничество в отношении строительства железных дорог закончилось компромиссом за счет Ирана.

Перманентно плохое состояние иранских финансов заставляло шахское правительство искать возможность получить внешний заем. После крупного займа у Шахиншахского банка в 1892 г. началась сплошная полоса финансовых кризисов иранского правительства¹⁹².

Мозаффар эд-Дин-шах, вступивший на престол в 1896 г. после убийства Наср эд-Дин-шаха, заявил, что не желает обременять Иран внешним займом и намерен уплатить долги правительства из средств казны¹⁹³. Однако уже в сентябре 1897 г. шахское правительство оказалось вынужденным обратиться за помощью к иностранным капиталистам, но его старания обойтись без помощи России и Англии и получить заем у нидерландских и французских банкиров не увенчались успехом¹⁹⁴. Теснимое настойчивыми требованиями кредиторов и государственными потребностями, шахское правительство получило в английском банке ссуду в 50 тыс. ф. ст. на шесть месяцев под

залог таможен портов Персидского залива¹⁹⁵. Когда ссуда не была возвращена в срок, английское правительство решило воспользоваться финансовыми затруднениями шаха и потребовало немедленной уплаты всех выданных ему ссуд в размере 150 тыс. ф. ст., угрожая в противном случае продлить на шесть лет контроль над иранскими таможнями.

Требования английского банка поставили шахское правительство в крайне затруднительное положение и побудили его, не дожидаясь окончания переговоров о заключении займа, обратиться к русскому правительству с просьбой об оказании ему временной денежной помощи. В 1898 г. Ирану была выдана ссуда 1,5 млн. руб. под гарантию доходов северных таможен и рыбных промыслов на Каспийском море¹⁹⁶. Но эта сумма пошла на покрытие английского долга и не могла ликвидировать денежный дефицит Ирана и вывести его из финансовых затруднений. Иранское правительство продолжало поиски крупного займа. Англичане начали переговоры с первым министром Амином од-Доуле о займе. В. А. Косоговский в своем дневнике пишет: «Главные условия этого хищнического контракта, который смело может быть назван „началом конца Персии“, следующие: Англия дает Персии займы на 50 лет 1250 тыс. ф. ст. по 5%. Но Англия дает Персии не все эти деньги целиком в руки, а за вычетом из них долгов: 1) 450 тыс. ф. ст.— долг табачной монополии, 2) около 300 тыс. ф. ст.— долг английскому банку Шахиншаха, 3) сравнительно небольшой долг русскому ссудному банку в Персии. Наконец, англичане дают не 1250 тыс. ф. ст., а за вычетом всевозможных расходов и взяток персидским правителям всего лишь 1025 тыс. ф. ст. (значит, одних взяток и расходов на сумму 225 тыс. ф. ст., т. е. около 2500 тыс. руб.). Кроме того, Персия должна ежегодно погашать из доходов своих южных таможен около 70 тыс. ф. ст. В обеспечение же этого долга Англия берет все таможни Южной Персии»¹⁹⁷.

Неприемлемые условия займа заставили иранское правительство вновь обратиться к России. «Россия готова была дать займы то же самое, что Англия, но только на более божеских условиях»¹⁹⁸. Но в это время в переговоры об иранском займе уже включились три державы: Англия, Франция и Россия, привнося в этот вопрос все свои взаимные противоречия.

Идея совместного англо-русского займа не противоречила задачам английской политики в Иране. Успехи политики царской России в Иране все настойчивее заставляли искать с ней соглашения. Это соглашение, по мысли правящих кругов Великобритании, должно было служить преградой продвижению России на юг Ирана и к Персидскому заливу¹⁹⁹. В Англии эта идея получала все возрастающее количество сторонников, начавших рассматривать не царизм, а германский империализм как своего основного соперника²⁰⁰. Поэтому еще в 1898 г. Солсбери выступил с фантастической по размаху программой англо-

русского сближения, предусматривавшей определение районов преимущественных интересов Англии и России на Дальнем и Ближнем Востоке²⁰¹. Как известно, соглашение было подписано только о сферах железнодорожных интересов России и Англии в Китае и в Иране²⁰².

В конце 90-х годов министр финансов С. Ю. Витте выступает с обширной программой привлечения в Россию иностранных капиталов для ее экономического развития. При осуществлении своей широкой экономической программы Витте возлагал большие надежды на Соединенные Штаты, Германию, Англию и Францию. Он уже давно имел особые виды на английский денежный рынок²⁰³. Но лондонские политические круги связывали получение займа Россией с определенными политическими уступками, в частности с разделом сфер влияния в Китае, Турции, а затем и в Иране. Поэтому, чтобы добиться английского займа, Витте готов был пойти на определенные уступки в вопросе англо-русского соглашения о разделе сфер влияния в Иране. В 1889 г. по инициативе Витте в связи с необходимостью предоставления Ирану крупного займа велись переговоры о совместном займе как с английской, так и с французской стороны. Была определена и общая сумма займа — не свыше 60 млн. фр. Б. В. Ананьич отмечает, что весной 1899 г. «в Петербурге и в Лондоне, видимо, существовал свой план англо-русского соглашения относительно Персии»²⁰⁴. Поэтому весной и летом 1899 г. в англо-русских отношениях появляются некоторые признаки сближения.

Планы совместного англо-русского займа Ирану обсуждались в правительствах обоих государств. «Англичане сами идут навстречу и предлагают России уже открыто войти с ними в прямое соглашение. Англия дает 20 млн. и возьмет себе юг; Россия же дает тоже 20 млн. рублей, а возьмет себе север»²⁰⁵. Для Англии идея совместного русско-английского займа представляла интерес как первый шаг сближения с Россией на почве иранских дел. Но складывавшаяся международная обстановка не благоприятствовала этому сближению. В 1899 г. на европейском денежном рынке начался финансовый кризис, а его углублению способствовала англо-бурская война. По мере развития военных действий в Африке росли денежные затруднения на лондонской бирже.

Попытки России установить прочные отношения с английскими финансистами потерпели неудачу²⁰⁶. Кроме этого, неудаче англо-русских переговоров способствовало улучшение в 1899 г. русско-французских отношений (в 1899 г. был возобновлен франко-русский союз). Россия согласилась на строительство стратегической железной дороги Оренбург — Ташкент (на возможный случай войны с Англией)²⁰⁷. Это вызвало ухудшение англо-русских отношений. До тех пор пока позиции России в Иране были достаточно прочными и она могла даже рассчиты-

вать на расширение районов своего влияния в этой стране, царское правительство противилось всем английским проектам о разделе сфер влияния.

Касаясь борьбы трех держав за предоставление Ирану коллективного займа, нельзя не отметить, что позиция иранского правительства в этом вопросе была далеко не пассивной. Шах активно приветствовал идею получения займа от трех держав, надеясь, что ему удастся установить более тесные отношения с Францией и использовать ее против России и Англии. Иранское правительство поручило своему представителю во Франции провести переговоры с французским правительством и банкирскими домами о займе Ирану. Когда проект тройственного англо-франко-русского займа был отвергнут Англией, иранское правительство категорически отказалось от англо-русского займа²⁰⁸. Иранское правительство не было заинтересовано в улучшении англо-русских отношений и в смягчении их противоречий в Иране.

В конце 1899 г. возобновились переговоры о займе между шахом и Россией, завершившиеся подписанием соглашения между иранским правительством и Учетно-судным банком о 5-процентном золотом займе на сумму 22,5 млн. руб. со сроком погашения в 75 лет.

Предоставление русского займа Ирану было с большим неудовлетворением встречено в Англии. В феврале 1900 г. английское правительство вручило России специальный меморандум. В нем, в частности, говорилось, что «интересы английского правительства в Иране не ограничиваются берегом Персидского залива и областью Фарса»²⁰⁹.

Английские финансисты и политические деятели были недовольны правительством, не сумевшим добиться заключения англо-иранского займа. Особым нападкам оно подвергалось со стороны «средневосточной группировки» и лорда Керзона. «Таймс» писала: «История неудачи переговоров 1898 г. о займе на английском рынке хорошо известна. Персы утверждают, что он не состоялся из-за чрезмерно жестких условий, которые намечивались выставить английские капиталисты... Но есть основания верить, что результат мог бы быть другой, если бы британское правительство проявило больше энергии и оказало бы более решительную поддержку английским капиталистам»²¹⁰.

В январе 1902 г. в палате общин во время прений по вопросу о русском и английском влиянии в Иране лейборист Уайлтон главную причину некоторого упадка британского влияния в стране и те неудачи, которые постигли Англию в соперничестве с Россией после 1900 г., объясняет отказом гарантировать Ирану английский заем²¹¹. И в дальнейшем в английской литературе отказ предоставить заем Ирану рассматривался как ошибка английского правительства в его иранской политике.

Но несмотря на временные неудачи, Англия не была наме-

рена уступать свои позиции в Иране, и это показали события 1901 г., когда развернулась борьба между этими государствами вокруг иранской нефти.

Интересы России и Англии в нефтяном вопросе были различными. Россия больше интересовал иранский нефтяной рынок. Англия же в первую очередь стремилась к иранским нефтяным месторождениям. Бакинская нефть благодаря своей близости занимала господствующее положение на иранском рынке. В начале 90-х годов в Иране появилось несколько небольших заводов по переработке русской нефти, которые стали поставлять на персидский рынок керосин²¹². К началу XX в. керосин доставлялся в самые отдаленные районы страны. Русский консул в Систане А. Миллер сообщал, что «наш керосин стоит вне конкуренции, ибо другого керосина в Персии нет»²¹³.

Следует отметить, что не только иранский рынок интересовал русских нефтепромышленников. Они стремились экспортировать нефть и керосин в Индию. Русский керосин составлял почти 90% его потребления в Индии и успешно конкурировал с американским²¹⁴. Такая активность русских капиталистов вызвала большие опасения англичан, боявшихся любого проникновения России в свои индийские владения. Поэтому англичане стремились найти нефтяные месторождения вблизи Индии. Иранская нефть, на наличие которой неоднократно указывали английские представители в Иране, давно привлекала внимание британских предпринимателей. Еще в 1872 г., по концессии Рейтера, англичанам было предоставлено право разработки полезных ископаемых Ирана, в том числе нефти. В 1889 г. Шахиншахский банк получил право эксплуатации природных богатств страны. С этой целью банк образовал английскую компанию с капиталом в 1 млн. ф. ст. Она занималась разведкой нефти в районе г. Бушир, но безрезультатно и фактически прекратила работы. В 1893 г. французский археолог Жак де Морган опубликовал отчет о своих работах в Иране, в котором высказал предположение о наличии в юго-западной части страны значительных нефтяных запасов²¹⁵. Это сообщение усилило интерес в Англии к иранской нефти. Д. Вольф постарался заинтересовать этими изысканиями английских капиталистов, и в частности английского подданного Уильяма Нокса д'Арси, который незадолго до этого вернулся в Англию из Австралии, где нажил себе состояние на добыче золота. Английское правительство оказало д'Арси поддержку и помощь в получении концессии на разработку нефтяных месторождений в южном Иране.

Переговоры о концессии начались еще в 1900 г. в Париже. Находившийся в Парижской выставке главный директор таможенного управления Ирана генерал Китабджи-хан встретился там с Д. Вольфом и представителем Рейтера Э. Коттом. В 1901 г. переговоры были продолжены в Лондоне с участием д'Арси. В апреле 1901 г. Китабджи-хан, Э. Котт и поверенный

д'Арси А. Марриот выехали в Тегеран. Марриот «был снабжен рекомендательным письмом к персидскому премьер-министру от одного из влиятельных членов английского парламента»²¹⁶. Поэтому Марриот был доброжелательно встречен в Тегеране. Известные английские авторы К. Тьюгендхэт и А. Гамилтон в своей работе «Нефть — самый большой бизнес» пишут, что иранские «министры обращались с Марриотом скорее как слуги обедневшего, расточительного помещика, который хочет занять деньги под свое имение, чем как представители независимого государства. Они имели весьма слабое понятие о ценности нефти и абсолютно не интересовались ее будущим. Они больше заботились о том, чтобы получить от д'Арси деньги, чем об ограничении его действий какими-либо условиями»²¹⁷. Марриот не жалел взяток: богатые подарки были сделаны шаху, министрам.

В переговорах о концессии активное участие принял новый английский посланник в Тегеране Артур Гардинг²¹⁸. Как и при получении предыдущих концессий, большую помощь англичанам оказал Амин ос-Солтане. Он являлся сторонником англичан, хотя и не проявлял этого открыто, стараясь поддерживать определенный баланс в отношениях между двумя странами. Гардинг пишет в своих воспоминаниях, что во время его беседы с садр азамом последний высказал мысль, что он является сторонником вложения в Иран британских капиталов и он один в состоянии помочь Англии²¹⁹. Это дало повод Гардингу заговорить о концессии и обещать в случае успеха большое вознаграждение²²⁰.

Будучи лично заинтересован в подписании концессии, Амин ос-Солтане держал переговоры в строжайшей тайне, так как знал, что, если русский посланник узнает о них, это приведет к краху проекта.

Гардинг рассказал в своих мемуарах любопытную историю о том, как Амин ос-Солтане, желая застраховать себя от гнева русского посланника в Тегеране К. М. Аргиропуло, написал ему письмо с изложением проекта будущей концессии. Оно было умышленно написано трудночитаемым почерком шекасте и отправлено в русскую миссию в то время, когда ее единственный переводчик находился в отпуске. Никто не смог перевести это письмо²²¹. Таким образом протест русской миссии против концессии был задержан на несколько дней. Этого времени было достаточно, чтобы иранское правительство 29 мая 1901 г. подписало концессию²²².

Условия нефтяной концессии д'Арси были исключительно выгодными для Англии. Концессионеру предоставлялись «особые, исключительные привилегии на поиск, добычу, эксплуатацию нефти, создание благоприятных условий для ее транспортировки и вывоза, продажу натурального газа, асфальта и озокерита на всей территории Персидской империи, сроком на 60 лет»²²³. Эти привилегии включали в себя и право прокладки нефтепро-

водов, строительство колодцев, резервуаров, насосных станций и других необходимых вспомогательных служб (ст. 2) ²²⁴. Направление нефтепроводов определялось только концессионером и его инженерами (ст. 5).

Иранское правительство бесплатно предоставляло концессионеру земли для строительства заводов, нефтехранилищ и проведения других необходимых работ (ст. 3) ²²⁵. Ввоз материалов и вывоз нефтепродуктов не облагались таможенными сборами. Неквалифицированные рабочие набирались из местных жителей, технический и инженерный персонал целиком состоял из иностранцев (ст. 12). Д'Арси предоставлялось право организовать одну или несколько компаний. Ст. 10 и 16 обязывали его не позднее чем через два года создать первую компанию для добычи нефти. Не позднее чем через месяц после ее основания концессионер должен был уплатить иранскому правительству 20 тыс. ф. ст. наличными и столько же акциями компании. Доля иранского правительства в будущих доходах компании составляла 16% годовых от чистой прибыли.

«Так был составлен один из самых значительных документов столетия. И последующая судьба этого огромного промышленного комплекса, и жгучая ненависть, которую он вызывал, и те конфликты, которые он породил, не могли быть предусмотрены даже и наполовину теми, кто подписал этот договор в отдаленном от мировых центров городе, в обстановке величайшей секретности» ²²⁶.

Важное политическое значение имела ст. 6, согласно которой из деятельности концессии исключались северные провинции Ирана: Азербайджан, Гилян, Мазандеран, Хорасан, Астрабад. В то же время иранское правительство брало на себя обязательство никому не предоставлять права на проведение нефтепроводов к южным рекам или южному побережью Ирана ²²⁷.

Первая часть этой статьи была определенной уступкой России, так как не распространяла концессию на северные провинции Ирана, где она имела особые интересы. Но зато ее вторая часть исключала из деятельности русских нефтепромышленников весь южный Иран и создавала непреодолимое препятствие русским планам в области торговли бакинской нефтью в районе Персидского залива ²²⁸.

Подписание новой концессии вызвало резкий протест русского правительства. Сложность вопроса состояла еще и в том, что в это время Россия добивалась концессии на строительство керосинопровода от Закавказья к Персидскому заливу. Этот проект не мог осуществиться из-за ст. 6 концессии д'Арси. Переговоры о концессии на строительство керосинопровода происходили одновременно с новыми переговорами о займе иранского правительства. Несмотря на небольшой срок, который прошел со времени первого русского займа, Иран снова оказался накануне финансового кризиса. Шахское правительство начало пере-

говоры о новом займе с Россией, что весьма беспокоило англичан. В апреле 1901 г. Шахиншахский банк предоставил иранскому правительству ссуду в 200 тыс. ф. ст. под гарантию таможенных доходов Фарса и Персидского залива. Ссуда была предоставлена по инициативе и при помощи англо-индийских властей ²²⁹. Вместе с тем Гардинг доносил своему правительству, что Иран нуждается в 1,2 или 1,5 млн. ф. ст.: дефицит бюджета 1901 г. — 300 тыс. ф. ст., долг Шахиншахскому банку — 216 тыс. ф. ст., Учетно-ссудному банку — 150 тыс. ф. ст., стоимость поездки шаха в Европу — 300 тыс. ф. ст., на сооружение дороги Казвин — Тебриз — Джульфа — 250 тыс. ф. ст. Он настаивал на предоставлении английского займа Ирану. Его активно поддерживал лорд Керзон — вице-король Индии, который всеми силами старался помешать русскому займу. Он предложил выделить для этого 500 тыс. ф. ст. из бюджета Индии и предоставить заем с рассрочкой на 10 лет под обеспечение таможен Фарса и берега Персидского залива, но обусловить его требованиями, чтобы иранское правительство признало южный Иран и Систан сферами влияния Великобритании. Эти предложения были переданы садр азаму, которому была обещана взятка. «Однако, — как отмечает Г. Л. Бондаревский, — осуществить проект Керзона оказалось делом нелегким. Во-первых, этому препятствовала ст. 8 русско-иранского соглашения о займе от 17/30 января 1900 г., воспрещавшая шахскому правительству впредь получать займы у других стран; во-вторых, неожиданно для Керзона этому предложению воспротивился политический комитет Индийского совета» ²³⁰.

Тогда председатель правления Шахиншахского банка Гриффин обратился к английскому правительству с предложением использовать банк в качестве посредника для предоставления займа Ирану, чтобы не нарушать русско-иранское соглашение. Гардинг поддержал предложение Гриффина и просил выделить деньги для займа Ирану, на что министр иностранных дел Великобритании Г. Лансдаун ответил, что «найти деньги для Персии очень трудно» ²³¹. Канцлер британского казначейства Хикс-Бич также категорически отказал в предоставлении займа Ирану ²³². Тогда снова возник проект предоставления совместного англо-русского займа. Инициатором его явился заместитель министра иностранных дел Великобритании Ч. Берджи ²³³. Этот план был с одобрением встречен в английском правительстве. Представители наиболее агрессивной, «средневосточной» группировки высказались в его поддержку. Но царское правительство опять уклонилось от предложений Англии.

Оставался один путь — попытаться навязать иранскому правительству английский заем через Шахиншахский банк. Солсбери оказал давление на политический комитет Индийского совета, и он дал согласие на заем иранскому правительству в размере 500 тыс. ф. ст. из 4% годовых.

Но пока шли переговоры об условиях займа в английском правительстве, 9 ноября 1901 г. в Тегеране было подписано новое русско-иранское таможенное соглашение, которое предоставляло важные льготы для русской торговли в Иране. После подписания соглашения возобновились переговоры о русском займе Ирану. Иранское правительство под давлением царской дипломатии официально отказалось от английского займа.

Но борьба Англии против русского займа на этом не окончилась. Англичане стали искать другие способы, чтобы воспрепятствовать росту русского влияния в Иране. Они начинают активно вмешиваться во внутренние дела Ирана, поддерживают оппозиционные элементы, играют на противоречиях различных группировок иранского общества с целью укрепления своих позиций в стране. Проведение такой политики облегчалось двумя моментами. Во-первых, у англичан в Иране всегда существовала сеть своих агентов в среде духовенства, купечества и других слоев иранского общества, которая за небольшую плату была готова действовать в интересах Англии. Во-вторых, обстановка, складывавшаяся внутри Ирана, благоприятствовала англичанам. Заключение русского займа и таможенного соглашения вызвало недовольство в Иране. Летом 1901 г. в Тегеране появились листовки, которые обвиняли Амин-ос-Солтане в измене и требовали его отставки. Усилилось недовольство и политикой шаха. Оно открыто подогревалось иранским духовенством, которое видело в усилении иностранного вмешательства в Иране не только угрозу экономического закабаления, но и опасалось за свое положение. В феврале 1902 г. стали распространяться письма с угрозами в адрес шаха, написанные представителями духовенства. В одном из них сообщалось: «Со дня, когда Вы взошли на престол... не прошло и пяти лет. Вы расходовали 150 коруров²³⁴ (75 млн. туманов.— Л. К.) наличными деньгами и сверх того Вы приобрели долги на сумму в 70 коруров и теперь еще заем на 22 корура туманов от России. Вы продаете правительство и доверие Персии христианам для собственной прихоти и каприза». Письмо заканчивалось угрозами шаху, что если он не откажется от своей политики, то в стране «начнется буря, которая приведет к гибели Вашей и Ваших детей»²³⁵.

Представители английской миссии поддерживали подобные антишахские настроения как в Тегеране, так и на местах. Главная цель, которую преследовали англичане,— направить эти оппозиционные настроения прежде всего против России и предполагаемого русского займа. Им удалось склонить на свою сторону крупного моджтехида Саид Абдолла Бехбехани. Он обещал организовать антирусское движение, но потребовал за это 2 тыс. туманов. Англичане в качестве аванса дали ему ценный подарок и 250 туманов²³⁶.

В Исфахане консулу Пирсу также удалось договориться с рядом моджтехидов, которые обещали послать своих представи-

телей в Мешхед, Решт, Неджеф и Шираз для организации объединенных антирусских выступлений. Гардинг сам выехал в Исфахан, где он беседовал с представителями духовенства. О том, что англичане преследовали только свои цели и мало заботились об интересах Ирана, говорит такой факт: когда крупный моджтехид Ага Неджафи с целью воспрепятствовать новому русскому займу предложил обратиться за поддержкой к турецкому султану, Гардинг выступил против, так как увидел в этом угрозу со стороны панисламизма, что могло отразиться на позициях Англии в Иране. Но связи английской миссии с иранским духовенством не прерывались, и Гардинг надеялся использовать их для укрепления позиции Англии в Иране. Он активно поддерживал переписку с духовными лидерами, и за сравнительно небольшую плату они сообщали ему о настроениях, бунтах и демонстрациях на местах²³⁷.

Большие опасения Англии вызывала русская концессия на строительство керосинопровода, который мог представлять опасность для английского влияния в южных районах страны. Против нее активно выступил д'Арси, который понимал, что концессия может помешать осуществлению его планов.

31 января Гардинг от имени д'Арси предложил иранскому правительству кратковременную ссуду в 100 тыс. ф. ст. К концу февраля д'Арси увеличил ссуду до 300 тыс. ф. ст. из 5% годовых²³⁸. Шах, мечтавший о путешествии в Европу, стремился как можно скорее получить ссуду. Существует мнение, что д'Арси в данном случае являлся подставным лицом²³⁹. Ссуда, выданная шаху д'Арси, была платой за отказ от русской концессии на строительство керосинопровода.

22 марта 1902 г. Россия предоставила Ирану заем на сумму 10 млн. руб. на условиях займа 1900 г. и больше не предпринимала попыток добиться концессии на строительство керосинопровода. Несмотря на то что ссуда д'Арси была более чем в 3 раза меньше русского займа Ирану, она имела большое политическое значение, так как способствовала подписанию английской нефтяной концессии.

«Отказ от концессии на нефтепровод и утверждение английской концессии,— пишет Б. В. Ананьич,— было одним из первых серьезных поражений экономической политики России в Иране накануне русско-японской войны, и понадобилось всего лишь несколько лет, чтобы русское правительство смогло оценить все значение этого поражения»²⁴⁰.

В 1902 г. д'Арси в широких масштабах приступил к поискам нефти. Буровые работы начались под руководством бывшего сотрудника Индийского департамента общественных работ Дж. Рейнолдса. Условия работы были очень тяжелыми, температура даже утром превышала 43°C в тени, оборудование приходилось доставлять из Англии через Басру и Багдад, что влекло за собой бесконечные задержки. В январе 1904 г. экспедиции

наконец удалось найти нефть, но радость была преждевременной: в мае скважина уже истощилась ²⁴¹.

Весной 1903 г. в Лондоне д'Арси образовал компанию для изыскания нефти с капиталом в 1 млн. ф. ст. В ней приняло участие англо-индийское правительство, крайне заинтересованное в получении источника дешевой нефти ²⁴². Несмотря на то что в первые годы изыскательные работы не дали положительных результатов, д'Арси через Шахиншахский банк перевел иранскому правительству 20 тыс. ф. ст., тем самым закрепив концессию за Англией. Но финансовое положение д'Арси к этому времени становилось все хуже. Он уже истратил 225 тыс. ф. ст. собственных денег, его банкиры начали терять терпение ²⁴³. Тогда ему на помощь пришло английское правительство. Английское адмиралтейство способствовало установлению контакта между д'Арси и представителями «Бирма Ойл». В мае 1905 г. обе компании договорились о создании совместного предприятия, причем «Бирма Ойл» обязалась обеспечить необходимый капитал для изыскания нефти. Д'Арси заново начал поиски нефти в Хузестане. Главный инженер Рейнолдс и английский консул в Исфахане за 12 тыс. туманов получили у бахтиарских ханов разрешение на поиск нефти в районах их кочевок. Нефтяные промыслы были больше похожи на военные сооружения, чем на геологическую экспедицию. Они охранялись специальным отрядом сипаев, прибывших из Индии по распоряжению индийского правительства ²⁴⁴. Однако поиски были по-прежнему безуспешными, и в Лондоне уже решили прекратить работы. Но 26 мая 1908 г. в 4.30 утра забил фонтан нефти — так родилась нефтяная промышленность Ирана.

В Англии это известие вызвало большой подъем. Для эксплуатации открытого месторождения была создана новая компания — «Англо-персидская нефтяная компания» (в 1935 г. ее название было изменено на «Англо-иранскую нефтяную компанию»).

«Бирма Ойл» вложила 1 млн. ф. ст. в акции этой компании. Д'Арси получил компенсацию за все израсходованные им деньги и в качестве вознаграждения акции «Бирма Ойл» на сумму 900 тыс. ф. ст. ²⁴⁵.

Переключение военно-морского флота Англии на нефтяное топливо значительно усилило интерес английского правительства к «Англо-персидской нефтяной компании». В 1914 г. по инициативе У. Черчилля было заключено соглашение с компанией. «Это соглашение, — пишут К. Тьюгендхэт и А. Гамильтон, — и поныне остается единственным в своем роде: правительство приобрело акции на сумму 2 млн. ф. ст. в обмен на право участия в голосовании в пределах чуть больше 50%, плюс право назначать двух членов совета директоров, обладающих правом вето в отношении всех стратегических вопросов» ²⁴⁶.

Открытие и разработка нефтяных богатств Ирана способст-

вовали развитию нефтяной промышленности страны. Из-за отсутствия необходимых средств и подготовленных специалистов Иран в то время не смог бы осуществить ни разведку, ни добычу нефти. Но цена, которую он за это заплатил, была слишком высока. «Англо-иранская нефтяная компания» не только выкачивала из страны миллионы долларов, принадлежавших Ирану, но и способствовала его политическому и экономическому закабалению английским империализмом.

Захват нефтяных богатств южного Ирана нанес удар экономическим интересам России на Среднем Востоке и в Азии вообще; она была вынуждена отступить с азиатских нефтяных рынков под напором более сильных конкурентов. Одновременно русский керосин был вытеснен и из портов Персидского залива. Вскоре «Англо-персидская нефтяная компания» овладела этими нефтяными рынками и стала играть важную политическую роль в колониальной политике Великобритании не только в Иране, но и на всем Среднем Востоке ²⁴⁷.

Наряду с юго-западными районами Ирана не менее важное стратегическое значение для английского империализма имели юго-восточные и восточные провинции — Иранский Белуджистан и Систан. Они являлись наиболее близкой к британским владениям в Индии иранской территорией. Иранский Систан имел для Англии большое стратегическое значение: он был расположен на подступах в Индию и Афганистан ²⁴⁸.

Подчеркивая большое стратегическое значение Систана, Дж. Керзон писал, что он «лежит на полпути от Мешхеда к морю. По своему географическому положению он составляет аванпост Хорасана и вместе с тем находится на пути силы, желающей двинуться из Мешхеда на юг с целью найти выход в Индийский океан, и на пути силы, желающей двинуться с юга в Хорасан» ²⁴⁹.

Систан привлекал внимание англичан еще в начале XIX в. В 1801 г. миссии Малькольма, направлявшейся в Герат, поручалось изучить сопредельные с Индией районы, в частности Систан ²⁵⁰. Но особенно усилилась активность англичан в Систане в период англо-иранской войны: через эту область проходили пути в Хорасан, Герат, Среднюю Азию.

С 80-х годов XIX в. начинается более систематическое проникновение Англии в Систан. Это было связано с общим направлением политики Р. Солсбери, который старался подчинить английскому влиянию государства, примыкавшие к границам Британской Индии. По его инициативе была организована эффективная разведывательная служба и изучение районов, окружающих Индию. Северо-восточная граница Ирана и Систан были объектами пристального интереса английских офицеров ²⁵¹. В начале 80-х годов Систан посетил полковник Стюарт и собрал о нем сведения ²⁵². В 1894 г. там побывал английский консул в Мешхеде А. Уатт. В 80-х годах английский капитан

Дж. Непир составил топографические карты этого района. Много сделал для укрепления позиций Англии на юго-востоке Ирана П. Сайкс. Он совершил шесть поездок по Ирану, в частности по Белуджистану и Систану²⁵³. В 1894 г. по его инициативе было открыто консульство в Кермане. Сайкс укреплял связи с вождями племён, преподносил им подарки, давал деньги. К концу XIX в. большинство белуджских вождей получали от Англии жалованье от 100 до 500 рупий в месяц²⁵⁴. Губернатор Иранского Белуджистана получал от английского правительства 12 тыс. туманов в год якобы для распределения этих средств среди белуджских сардаров, охранявших индо-европейскую телеграфную линию. Но обычно эти деньги с молчаливого согласия англичан оставались в кармане губернатора.

Чтобы иметь предлог для вмешательства в дела Иранского Белуджистана, англичане искусственно создавали различные затруднения и недоразумения на его границах и внутри страны. При помощи своих платных агентов они сеяли вражду между иранскими белуджами и белуджами, состоявшими под английским протекторатом. Предварительно «предусмотрительные» английские пограничные начальники раздавали иранским белуджам значительное количество винтовок с патронами, и те нападали на их территории. После каждого подстроенного таким образом набега английское правительство поднимало шум «об обеспечении мира и спокойствия на границах своих владений»²⁵⁵ и настаивало на немедленной демаркации границ.

Неясность границ Афганистана и Ирана в Белуджистане и Систане служила постоянным источником конфликтов между этими странами, что создавало благоприятные условия для вмешательства Англии в дела Ирана и Афганистана²⁵⁶. Неоднократно в этих районах работали разграничительные комиссии, возглавлявшиеся англичанами. В 1872 г. при обсуждении границы арбитражной комиссией Гольдсмита возник спор об установлении западной границы между Келатским ханством и Ираном. Уже в 60-е годы власть в Келате перешла в руки англичан и они выплачивали субсидию келатскому хану в размере 5 тыс. а затем 10 тыс. ф. ст.²⁵⁷.

Шахское правительство отказалось от включения Кохека (Иранский Белуджистан) в состав Келатского ханства, утверждая, что это исконная иранская территория. Англичане доказывали, что Кохек никогда не принадлежал Ирану²⁵⁸. Вопрос о Кохеке был разрешен только во время работы новой английской разграничительной комиссии в 1894—1896 гг. Комиссия признала Кохек иранской территорией, но в качестве компенсации от Ирана отторгла Машкил в Иранском Белуджистане.

Важное значение англичане придавали укреплению своих позиций в Кермане.

Для работы в Кермане английское правительство привлекло

английских миссионеров. Они открыли там бесплатную лечебницу на 25 коек. Кроме того, английские миссионеры активно взялись за воспитание молодежи, обучали ее английскому языку, истории и географии.

Благодаря постоянному общению английских миссионеров с местным населением английский консул был прекрасно осведомлен обо всем. Большое количество английских агентов имелось среди местного населения Кермана, исповедующих зороастризм, главным образом парсов, находившихся под открытым британским покровительством. Почти все они прекрасно знали английский язык, изучив его в школе. Керманские гебры составляли сплоченную торгово-политическую группу и держали в своих руках большинство денежных операций и значительную часть торговли области.

Вербовка агентов из немусульманского населения Ирана была чрезвычайно распространена. Пользуясь своей властью и силой в Иране, Англия часто прибегала к защите иранского населения немусульманского вероисповедания: зороастрийцев, евреев и др. Делалось это не столько с целью защиты преследовавшихся людей, а лишь для приобретения новых агентов в Иране. Такие агенты были выгодны и удобны для английского правительства, так как им не нужно было платить, они были в полной зависимости от англичан и были обязаны выполнять любые их приказы. В подтверждение того, что защита этих людей осуществлялась не в гуманных целях, как об этом говорили англичане, а диктовалась политическими соображениями, можно привести множество фактов. Так, например, англичане брали под свое покровительство христиан и парсов, живших главным образом в северных провинциях, где влияние Англии было ограничено и где они нуждались в преданных агентах. В южных провинциях англичане реже прибегали к защите немусульманского населения.

Важное значение для укрепления позиций английского империализма в юго-восточных районах Ирана имела постройка Нушки-Систанской дороги. Сооружению этой дороги способствовал успех англичан в англо-афганских переговорах. Передача в 1893 г. Чагайского округа в сферу влияния Британской Индии и демаркация в 1894—1896 гг. комиссией Мак-Магона афгано-белуджской границы дали возможность проложить дорогу по кратчайшему расстоянию от Кветты до Нушки и дальше вдоль южной границы Афганистана в Иранский Систан²⁵⁹. На необходимость проведения дороги указывали многие английские агенты. Полковник Белл отмечал важность дороги для стратегического положения Систана²⁶⁰.

Во время своих поездок по Систану П. Сайкс исследовал возможное направление дороги²⁶¹.

Дж. Керзон подчеркивал, что Англии «для торговли с Хорасаном весьма важно провести из Индии в Систан железную до-

рогу через Белуджистан и тем конкурировать с Закаспийской железной дорогой»²⁶².

Работы по прокладке дороги были начаты осенью 1896 г. под руководством английского офицера Уэбб Уэри. Строителям пришлось преодолеть весьма значительные трудности. На участке между Кветтой и Нушки местность не представляла особых препятствий для движения караванов. Дальше положение осложнялось. От Нушки до первых населенных пунктов Систана возникали трудности с водой, дорога проходила по малонаселенной местности, и караваны нуждались в защите от разбойничьих шаек афганцев и белуджей.

Работы были начаты с исследования Систана, поисков воды, рытья колодцев. По пути создавали оборонительные сооружения для охраны рабочих. Строительство дороги продолжалось больше года. Ее протяженность составила 875 км. Было построено 30 станций с помещениями для торговцев, путешественников и охраны, которая чаще всего набиралась из местных белуджей²⁶³. Почти на всех станциях были сооружены небольшие укрепленные форты, которые служили укрытием для караванов и могли быть использованы в военных целях. Каждая такая станция представляла собой квадратный в плане форт с четырьмя башнями по углам и одними воротами. Длина форта была около 30 м, высота стен — около 10 м. Возле башен были устроены углубления для стрелков и бойницы. Внутри крепости находились четыре комнаты для людей и стойла для животных²⁶⁴. На некоторых станциях были склады продовольствия, фуража, различных английских товаров. На этих станциях, «имеющих вид блокгаузов, функции станционной прислуги исполняли вооруженные афганцы»²⁶⁵. Опытные английские агенты, жившие на этих станциях, с помощью различных подарков и продажи необходимых товаров привлекали симпатии белуджских племен и способствовали упрочению английского влияния в Систане. Первоначально главной станцией дороги была Кветта; в ней формировались торговые караваны, были устроены товарные склады. Но в ходе эксплуатации дороги Кветта оказалась неудобной, так как в ее окрестностях отсутствовали хорошие пастбища для животных, каменистое плато затрудняло движение караванов и суровый климат способствовал распространению заболеваний. Все эти обстоятельства заставили англичан искать более удобное место для главной станции дороги. Таким пунктом оказался г. Нушки, расположенный на равнине, изобилующей подножным кормом и водой. Он находился в ста с лишним километрах к юго-западу от Кветты. С давних времен это было место, где сходились дороги, пересекавшие обширные пустыни и долины Гельменда, Сархада и южного Белуджистана. В 1899 г. англичане арендовали Нушки у келатского хана за 9 тыс. рупий ежегодной ренты²⁶⁶.

В 135 км к западу от Нушки находился Чагай, крайний юж-

ный пункт Афганистана. Он имел важное торговое и стратегическое значение, так как через него проходила дорога из северного Белуджистана в Иран. Там находился вооруженный отряд англичан; он полностью контролировал движение по этой дороге. При строительстве новой дороги Чагай был соединен с Нушки. Далее дорога направлялась в Иранский Систан. В дальнейшем, чтобы облегчить и оживить движение по этой дороге, англичане построили железную дорогу между Кветтой и Нушки. Нушки-Систанская дорога была самым удобным и близким путем из Индии в Иран. Обладание этой дорогой усиливало позиции англичан в юго-восточных районах Ирана.

Первую попытку отправки каравана с товарами по вновь открытой дороге предпринял П. Сайкс. В 1896 г. он снарядил небольшой караван с шелком и другими тканями, фисташками и отправил его из Кермана в Кветту. По его сообщению, купцы продали все свои товары и купили другие необходимые им товары благодаря покровительству товарища министра иностранных дел Керзона, который находился в это время в Кветте²⁶⁷. По дороге было организовано регулярное почтовое сообщение — почта доставлялась из Кветты в Систан еженедельно, на ее доставку требовалось 10 дней. Англичане, в особенности английские власти в Индии, возлагали большие надежды на новую дорогу. Керзон особо подчеркивал огромное политическое значение Нушки-Систанской дороги, благодаря которой устанавливались прямые торговые отношения между Индией и Систаном²⁶⁸.

Газета «Новое время» писала: «Англичане не перестают хвастаться важными политическими выгодами и преимуществами, вытекающими из этой дороги. Они смотрят на Керман и на южный Хорасан как на страны, находящиеся в их сфере влияния»²⁶⁹.

«Таймс» отмечала, что «новый путь Кветта — Нушки — Систан может быть крайне интересным и важным для индийского правительства в стратегическом отношении»²⁷⁰.

С экономической точки зрения Нушки-Систанская дорога служила удобным путем для ввоза английских товаров в Систан и, что особенно важно для Англии, в Хорасан. До этого времени англичане не имели удобного и прямого сообщения с Хорасаном, где преобладали товары русского производства. Новая дорога облегчала проникновение английских товаров в Хорасан.

Английское правительство прилагало большие усилия для оживления торговли с Ираном по Нушки-Систанской дороге. С этой целью для товаров, направлявшихся по северо-западной железной дороге из Индии в Кветту для ввоза в Иран, была сделана скидка с таможенных пошлин в размере $\frac{1}{3}$ ²⁷¹. Была предоставлена льгота и для иранских товаров, ввозившихся в Кветту через Систан и направлявшихся дальше в Индию. Английские представители в Систане и Мешхеде раздавали грузоотправителям и проводникам денежные субсидии и подарки, чтобы

они везли товары по Нушкинской дороге в Кветту. В некоторых случаях английские агенты прибегали даже к принудительным мерам, оказывая давление на иранских купцов. В результате такой политики товарооборот по дороге рос с каждым годом. В 1899 г. стоимость всех товаров, провезенных по Нушкин-Систанской дороге, составила 430 тыс. руб., в 1900 г. — 545 тыс., а в 1901 г. уже около 900 тыс. руб.²⁷². Все эти меры, принятые англичанами, во многом способствовали закабалению юго-восточных районов Ирана. Русский консул Н. А. Зарудный, побывавший в этих районах в 1901 г., отмечал, «что положение англичан в Систане господствующее. Они могут в короткий срок не только сконцентрировать многочисленные „суари“ (всадников), но и вооружить к ним вообще расположенных систанских бедуджей, благо что на той же дороге имеются в нескольких местах склады оружия»²⁷³. И можно согласиться с его сравнением Систана с Египтом: как с точки зрения географической, так и политической: «Систан — плодородная страна и в высшей степени стратегический район. Это страна пшеницы, ячменя и хлопчатника. Он представляет Египет в миниатюре... Сходство с Египтом усиливается, кроме того, необыкновенным вниманием, которым англичане дарят Систан»²⁷⁴.

Укреплению англичан в южных районах Ирана способствовало и то, что Англия заняла господствующее положение в Персидском заливе. С конца XVIII в. под видом борьбы с пиратством Англия утвердила свое морское могущество на южном берегу Персидского залива вплоть до п-ва Катар. Начав в 1861 г. с объявления протектората над Бахрейнскими островами, Англия кончила тем, что в 1868 г. спустила иранский флаг, а в 1895 г. оккупировала эти острова. Особенно агрессивный характер приняла английская экспансия в западном углу Персидского залива, в районе Кувейта. В ходе колонизации района Персидского залива Англия путем открытого насилия лишила иранское правительство его прав на залив. Англичане основали свои консульства как военные наблюдательные посты в прибрежных иранских городах Бендер-Бушире, Бендер-Аббасе, Мохаммере и др. В случае необходимости эти порты могли быть оккупированы английским военно-морским флотом, который безраздельно господствовал в заливе. Действуя по известному принципу «разделяй и властвуй», англичане, минуя центральное иранское правительство, вступали в договорные отношения с местными правителями, которых они субсидировали и которым оказывали другие услуги. Российский консул в Исфахане Дабиджо писал в 1899 г., что в этом районе англичане являются полными и бесконтрольными хозяевами, «что объясняется преобладанием их сил в Персидском заливе. Опираясь на внушительную силу и располагая крупными денежными средствами, отпускаемыми англо-индийским правительством, английские агенты имели полную возможность беспрепятственно работать над укреплением

английского влияния на побережье Персидского залива, которое они считают достоянием Англии и как бы продолжением Индии. В районах Арабистана, Бахтиарии, Курдистана, Луристана английские представители успели заручиться преобладающим влиянием, щедро раздавая субсидии и подарки, умело агитируя в свою пользу через многочисленных гласных и негласных агентов и приняв на себя роль защитников и ходатаев за южные арабские и курдские племена»²⁷⁵.

Хозяйственно-экономическая жизнь Персидского залива, в частности судоходство, торговля, также были монополизированы Англией; 63% всего товарооборота в этом районе принадлежало английским и индийским купцам²⁷⁶.

Для демонстрации своей мощи в районе Персидского залива Англия неоднократно устраивала парады своих военных кораблей. В 1898 г. под предлогом охраны таможен, бывших одно время в распоряжении Шахиншахского банка, англичане высадили в Бушире десант, состоявший из 25 английских матросов с двумя крупнокалиберными пушками, и продержали его в городе очень продолжительное время, произведя среди местного населения настоящую панику²⁷⁷. Месяца два спустя после возвращения матросов на судно, был высажен новый английский десант из 35 матросов. Матросы расположились в станции индо-европейского телеграфа, прекрасно ее укрепили и превратили в неприступную крепость. Впоследствии матросы были заменены сипаями, основателями там постоянный английский форт²⁷⁸.

Губернаторы и все местные власти Бендер-Бушира и его окрестностей назначались иранским правительством только после согласования с англичанами; в противном случае они сменялись, не успев даже достичь места своего назначения. Не только правитель Бендер-Бушира, но и генерал-губернаторы южных провинций назначались только после согласования с английскими представителями. Обычно эти губернаторы совершенно не считались с иранским правительством, а были послушными исполнителями воли английских капиталистов.

Официальная британская позиция по вопросу Персидского залива была четко сформулирована министром иностранных дел Лансдоуном в 1903 г.: «В отношении Персидского залива наша политика должна в первую очередь базироваться на оказании помощи британской торговле в этих водах. Мы должны рассматривать создание морской базы или укрепленного порта в Персидском заливе со стороны какой-либо державы как очень важную угрозу британским интересам»²⁷⁹.

К началу XX в. Англия завоевала прочные позиции в Иране. За сравнительно небольшой исторический срок — неполных 40 лет посредством различных концессий, монополий, денежных ссуд, дипломатических ухищрений и т. п. она установила свое безраздельное господство в южных и юго-восточных районах Ирана, монопольное положение в Персидском заливе.

Царская Россия, которой понадобилось свыше ста лет, чтобы добиться монопольного влияния на севере Ирана, была вынуждена считаться с английскими позициями в этой стране.

Повышение активности в борьбе за экономическое и политическое преобладание в Иране привело к резкому обострению англо-русского соперничества, которое развивалось по линии торговой конкуренции, борьбы за концессии, соперничества английского и русского банков, дипломатического соперничества в Тегеране и т. п.

Концессии и монополии, которые были получены Англией в Иране в конце XIX — начале XX в., на долгие годы закрепили за ней господствующее положение в экономической и политической жизни страны и явились тормозом для ее прогрессивного развития.

Иранский ученый А. Данешпур, разоблачая империалистическую политику Англии в Иране, пишет, что она «посредством обмана, вероломства, двуличия и взяток, поправ все принципы морали и совести, прибрала к рукам основные отрасли экономики страны. Англичане, вступая на землю Ирана, думали обратиться в рабство наш талантливый, способный и свободолюбивый народ»²⁸⁰. Империалистическая политика Англии оказала отрицательное воздействие на развитие Ирана, способствовала его экономическому закабалению и политическому подчинению, превращению в полуколониальное государство.

Усиление политической зависимости от империалистических государств, получение разнообразных концессий, займов, расширение деятельности иностранного капитала — все это способствовало значительному увеличению экспорта иностранных товаров в Иран. В. И. Ленин, вскрывая причины усиления торговой экспансии империализма в зависимые страны, писал что «вывоз капитала за границу становится средством поощрять вывоз товаров за границу»¹.

Развитие английскими капиталистами торговли со слабо развитыми государствами Востока явилось первым шагом на пути их закабаления. С помощью различных неравноправных торговых и политических договоров, обеспечив за собой благоприятные условия торговли в этих странах, английские колонизаторы наводняли их изделиями своей развитой капиталистической промышленности. Под ударами конкуренции дешевых английских изделий разорялась местная промышленность этих государств и росла их зависимость от промышленности Англии. Раньше, чем в других странах, промышленная революция в Англии обусловила возникновение на английском рынке относительного «перепроизводства» товаров. В Англии, как и в любой другой капиталистической стране, индустриализация страны началась с развития легкой промышленности, и уже в конце XVIII — первые десятилетия XIX в. наблюдалось затоваривание английского рынка главным образом текстильными изделиями. Огромные прибыли, которые получал английский капитал, стимулировали стихийное развитие английской текстильной промышленности, очень скоро оказавшейся в полной зависимости от внешних рынков сбыта. Торговля текстилем стала для английского капитализма на долгий период источником колоссальных прибылей, а для стран Востока, лишенных Англией политической и экономической независимости и поэтому не имевших возможности оградить себя от конкуренции английских товаров, превратилась в начало их неслыханного разорения.

В «Тетрадах по империализму» В. И. Ленин, цитируя журнал «Банк», писал, что главная причина могущества Англии — это «абсолютный перевес английского торгового и денежного обращения над торговлею всех других стран»².

Больших успехов в международной торговле добивалась Анг-

лия и с помощью торговых войн. Каждая из таких войн обычно кончалась торговым договором, который часто бывал важнее для английских капиталистов, чем новые территориальные приобретения, так как он держал для них открытым или только впервые открывал при более или менее благоприятных условиях рынок побежденной страны и обеспечивал им преимущества над другими капиталистическими странами.

Торговая монополия, которую завоевали английские капиталисты в странах Азии, неизбежно вела к экономической и политической зависимости последних.

Подобную политику английская буржуазия проводила и в отношении Ирана.

Первые попытки Англии установить торговые связи с Ираном относятся еще к XVI в. В 1553 г. английские купцы проложили морской путь в Россию через Белое море и создали для развития торговли Московскую торговую компанию. Завоевание Россией Казани и Астрахани открыло для торговли с Востоком новый удобный волжско-каспийский путь. Эту дорогу стремились использовать и европейские государства для торговли с Ираном через Россию, минуя традиционный путь через Турцию³. Английская Московская компания, стремясь расширить свою деятельность, организовала транзитную торговлю через Россию с ее южными соседями. В период с 1562 по 1581 г. Московская компания отправила шесть торговых экспедиций по волжско-каспийскому пути в Закавказье и Иран. В 1563 г. англичане подписали договор с беглербеком Ширвана о праве свободной торговли в его владениях и при его содействии создали в Шемахе английскую торговую факторию⁴. В 1566 и 1568 гг. представителю Московской компании А. Дженкинсону удалось с помощью богатых подарков добиться у шаха Тахмаспа I фирманов, предоставивших торговые привилегии англичанам. Согласно ст. 1 фирмана 1566 г. англичанам разрешалась беспошлинная торговля во всех районах Ирана. Специальными статьями оговаривались права английских купцов. Местные власти должны были оказывать им помощь и содействие⁵.

Английской компании удалось наладить прибыльную торговлю с Ираном. Англичане ввозили туда сукна и другие ткани, зеркала, часы и другие товары и вывозили прежде всего шелк-сырец. Наряду с Московской компанией транзитную торговлю с Ираном и Индией вела английская Турецкая, или Левантская, компания, созданная еще в 80-х годах XVI в. Во многом способствовали торговой деятельности англичан в Иране английские представители — братья Шерли, которые прибыли в страну в 1598 г. Они оказывали покровительство английским купцам, посещавшим Иран, помогали деятельности торговых компаний. В 1600 г. была основана Ост-Индская компания, которая постепенно заняла доминирующее положение в англо-иранской торговле. С помощью Р. Шерли в 1614 г. компания до-

билась у шаха специального фирмана, по которому все местные иранские власти обязывались оказывать содействие английским судам, прибывавшим в порты Персидского залива. В 1616 г. к иранским берегам прибыл первый английский корабль из Индии⁶. Совместная борьба с Португалией сблизила английскую Ост-Индскую компанию с иранским шахом. В 1620 г. Ост-Индская компания предоставила шаху Аббасу I свой флот для завоевания порта Хормоз, расположенного на острове Персидского залива. Совместными усилиями шахских войск и английского флота Хормоз был взят⁷. За эту услугу в 1622 г. Ост-Индская компания получила ряд новых торговых привилегий, и в частности право беспошлинного ввоза товаров в Иран и разрешение на учреждение торговой фактории в Бендер-Аббасе. В 1627 г. в Иран прибыло официальное английское посольство, которое в своих переговорах с шахом уделяло особое внимание вопросам англо-иранской торговли. Шах Сулейман предоставил англичанам право ежегодно вывозить из Ирана шелк на сумму 60 тыс. ф. ст. и ввозить товаров на сумму 40 тыс. ф. ст.⁸.

При Надир-шахе англичане добиваются новых торговых льгот. В результате активной деятельности представителя Ост-Индской компании Д. Хэнвея англичанам удается расширить район проникновения английских товаров и открыть торговую факторию в г. Мешхеде⁹. Проникновение английских товаров в северные и северо-восточные провинции Ирана толкает англичан на поиски новых удобных путей в эти районы страны. Наиболее выгодным путем был волжско-каспийский. Поэтому англичане активно добиваются открытия транзита через Россию. В 1734 г. был подписан англо-русский «трактат дружбы и коммерции», ст. 8 которого была специально посвящена транзитному движению товаров из Англии в Иран и обратно через Россию по любым путям, могущим оказаться наиболее удобными и короткими, при условии уплаты транзитной пошлины в размере 3%. В 1739 г. английский коммерсант Д. Эльтон доставил по этому пути товары для продажи в Иране. Ему удалось получить у шаха жалованную грамоту на право свободной торговли по всей территории Ирана. По инициативе Эльтона в Казани были построены два судна, с помощью которых англичане предполагали организовать регулярную торговлю с Ираном. Но этим планам англичан не суждено было сбыться. Английская торговля по волжско-каспийскому пути вызвала сопротивление как в России, так и в самом Иране. В Иране против английской транзитной торговли выступили армянские купцы, в руках которых была сосредоточена иранская торговля по Каспию. Кроме того, торговля Англии с Ираном через территорию России наносила ущерб русско-иранской торговле и экономическим интересам русского государства на Востоке¹⁰. Поэтому в 1746 г. русское правительство запретило транзитную торговлю английским капиталистам через свою территорию. С этого времени взоры

англичан обращаются к югу Ирана. К этому времени Англия устанавливает свое полное господство над морскими торговыми путями между Европой и Азией.

В период правления Керим-хана Зенда (1759—1779) в Иране наблюдалось оживление ремесла в городах, развитие торговли и хозяйства страны. Столицей Ирана становится Шираз. Укрепление англичан в Индии и перенесение центра Ирана в южные районы страны во многом способствовало развитию торговли Англии с Ираном через порты Персидского залива. В 1763 г. англичане вынудили Керим-хана предоставить большие льготы Ост-Индской компании. Она получила разрешение приобретать земельные участки в портах Персидского залива, учреждать торговые фактории в любой части страны. Английские товары совершенно не облагались ввозными и вывозными пошлинами. Служащие английской фактории освобождались от каких-либо налогов и были неподсудны местным властям. Кроме того, хан обязался не предоставлять убежища лицам, бежавшим из Индии, всюду их задерживать и возвращать англичанам.

Договор был чрезвычайно выгоден для англичан. Керим-хан, который с большим недоверием относился к европейцам, пошел на договор под сильным давлением Великобритании, боясь, что Иран может постичь судьба Индии¹¹.

В 1763 г., используя договор, Ост-Индская компания основала свою торговую факторию в Бушире, который становится основным центром английской торговли в Персидском заливе: через него поддерживались также торговые связи Индии с Европой.

С начала XIX в. интерес Англии к Ирану значительно усиливается. Это объясняется как желанием англичан добиться свободного доступа английских товаров на иранский рынок, так и стремлением превратить Иран в орудие своей агрессивной политики на Среднем Востоке. Главными конкурентами Англии в Иране в это время являлись Франция и Россия. Англо-французская борьба, которая происходила в конце XVIII — начале XIX в., была связана с политикой обеих держав на Ближнем и Среднем Востоке, и в частности в Иране. С целью противодействия французским планам нападения на Индию и для расширения торговли в 1800 г. в Иран было послано английское посольство во главе с капитаном Дж. Малькольмом, шестью помощниками и многочисленной свитой. Дж. Малькольм являлся служащим Ост-Индской компании, и последняя поручила ему во что бы то ни стало добиться соглашения с иранским правительством. Посольство Малькольма стоило огромных денег, он подкупал всех, от шаха до погонщика верблюдов. Двухмесячные переговоры Малькольма завершились заключением двух англо-иранских договоров — политического и торгового.

Торговый договор, заключенный Малькольмом, состоял из пяти статей (четырёх основных и одной дополнительной). Дого-

вор предоставлял англичанам самые широкие льготы и привилегии, открывал рынки Ирана для английских товаров. Английским купцам предоставлялось право свободно вести свои дела в Иране. «Правители и губернаторы городов должны считать своим долгом защиту их собственности» (ст. 1). Согласно ст. 2 купцам и торговцам Англии разрешалось появляться в любом порту и городе Ирана. Они могли строить дома и свободно продавать их или сдавать внаем¹². По дополнительной статье договора с некоторых ввозимых товаров — железа, стали, свинца, сукна не должны были взиматься никакие пошлины, а те пошлины, которые были установлены на другие товары, не могли быть увеличены¹³. Англичанам разрешалось нанимать слуг из местных жителей и наказывать их в случае неповиновения по своему усмотрению¹⁴. Договор, заключенный Малькольмом, явился большим успехом английской дипломатии. Ввоз на льготных условиях английских товаров, вывоз по дешевке ценного иранского сырья способствовали экономическому закабалению Ирана.

Политический договор 1809 г., заключенный английским посланником Х. Джонсом, имел важное значение для политических позиций Англии в Иране. С помощью этого договора Англия нейтрализовала влияние Франции в Иране и добилась определенных политических преимуществ¹⁵. Теперь главным соперником Англии в Иране была Россия.

Англо-иранский договор 1814 г. значительно укрепил позиции Англии в Иране¹⁶. Этот договор был направлен против России, которая мешала проведению экспансионистской политики Англии на Среднем Востоке. Используя ухудшение русско-иранских отношений в первой четверти XIX в., англичане разжигали антирусские настроения среди иранских феодалов, вождей племен, настраивали против России иранское правительство, а сами тем временем пытались добиться новых льгот и уступок.

В 1836 г. Англия потребовала предоставления ей торговых преимуществ, аналогичных тем, которые получила Россия по Туркманчайскому договору: права свободного ввоза английских товаров в Иран с уплатой таможенных пошлин в размере 5%.

Иран стал занимать все более важное место в английской политике: он становился не только рынком сбыта для английских промышленных товаров и источником сырья, но и важным стратегическим плацдармом в среднеазиатской политике Англии.

Воспользовавшись гератским конфликтом и спекулируя на несуществующей угрозе Индии, Англия вмешалась в ирано-афганские отношения с целью принудить шаха к новым уступкам. Как следствие этого в 1841 г. был подписан англо-иранский договор. По нему английские купцы получили право экстерриториальности и освобождение от уплаты внутренних таможенных пошлин. На ввозимые в Иран английские товары официально подтверждалась уже установленная ранее пошлина в размере

5%. Англичанам было дано разрешение посылать своих торговых агентов в Тебриз, Тегеран, Бушир. В результате второго гератского конфликта и англо-иранской войны 1856—1857 гг. Англия добилась новых привилегий в торговле. Согласно ст. 9 англо-иранского мирного договора ей предоставлялось право наиболее благоприятствуемой нации¹⁷. Ст. 12 договора подтверждала неприкосновенность и привилегии служащих и подданных Англии в Иране¹⁸.

Получение права наиболее благоприятствуемой нации ставило английскую торговлю в Иране в привилегированное положение по сравнению с торговлей некоторых других европейских государств. Вскоре после подписания договора были созданы английские консульства в Астрабаде, Реште, Ширазе, а также были допущены торговые агенты Англии в Мешхед, Керманшах и другие города.

Как отмечает Ч. Иссави, результатом этих неравноправных договоров явилось то, что иранские купцы были поставлены в более тяжелое положение, чем английские. Первые должны были платить дорожные и другие пошлины, от которых англичане были освобождены¹⁹. Все это значительно облегчало условия английской торговли, и товары из Англии и Британской Индии беспрепятственно, широким потоком хлынули в Иран.

Увеличение политической и экономической зависимости Ирана от капиталистических государств отразилось и на его внешней торговле. Значительно возрос внешнеторговый оборот Ирана, главным образом за счет импорта иностранных товаров. Произошли изменения в основных статьях экспортной и импортной торговли Ирана, страна все больше превращалась в рынок сбыта и источник сырья для развитых капиталистических государств. Изменились и главные торговые партнеры Ирана.

Данные свидетельствуют о неуклонном росте объема внешней торговли Ирана в XIX в., в основном за счет увеличения импорта английских товаров.

В начале XIX в. стоимость всего импорта и экспорта Ирана составляла 2500 тыс. ф. ст.²⁰. Но уже в 1830 г. в Иран было ввезено товаров на сумму 2 млн. ф. ст., из них на долю России приходилось 600 тыс. ф. ст., остальной ввоз в основном шел из Англии и Британской Индии. В первой половине XIX в. англо-иранская торговля возрастала с необычной быстротой, что объяснялось, как уже отмечалось выше, развитием политических и экономических связей между Англией и Ираном. Не последнее место в этом принадлежало и правительству Британской Индии, которое стремилось укрепить свои экономические и политические позиции в Персидском заливе и с этой целью поддерживало деятельность английских торговых компаний и всячески содействовало развитию торговли в этом регионе.

Торговые связи Ирана и Индии уходят в далекое прошлое. Торговля между ними имела важное значение для обеих стран.

Захватив Индию, англичане стремились использовать эти традиционные торговые связи в своих интересах. В торговле с Индией были заинтересованы не только влиятельные торговые круги Ирана, особенно юга, но и многие представители иранской знати. Используя это, англичане значительно увеличили объем ирано-индийской торговли. В 1784 г. ввоз индийских ситцев через Бушир составлял всего 60—70 тюков; в 1811 г. он уже равнялся 500—600 тюков, т. е. вырос почти в 10 раз. Имеющиеся данные свидетельствуют о быстром росте торговли в портах Персидского залива в период между 1780 и 1820 гг. В конце XVIII в. торговля через иранские порты Персидского залива была сравнительно небольшой, в 1779/80 г. она составляла 667 тюков на общую сумму 26 793 ф. ст. Но постепенно ее объем возрастал, и в 1800 г. импорт в Иран из Индии в стоимостном выражении достиг 300 тыс. ф. ст., а экспорт — 150 тыс. ф. ст. В 1805 г. весь импорт и экспорт из Мадраса и Бомбея в иранские порты Персидского залива равнялся 512 тыс. ф. ст., а в 1823 г. — 670 тыс. ф. ст.²¹, т. е. почти за 40 лет торговля Персидского залива возросла в 25 раз. Значительное увеличение торговли Англии и Британской Индии с Ираном отразилось и на цифрах общего объема его внешней торговли. К 60-м годам XIX в. она составила 5—6 млн. ф. ст., т. е. с 1800 по 1860 г. внешняя торговля Ирана выросла более чем в 2 раза. На Англию и Британскую Индию приходилась половина всей внешней торговли Ирана, а их доля в импорте иностранных товаров была еще больше и составляла 60—70%²².

Дж. Керзон оценивал стоимость всего импорта и экспорта Ирана в 1880 г. в 7—7,5 млн. ф. ст., из которых $\frac{2}{3}$ приходилось на импорт и $\frac{1}{3}$ на экспорт. На долю Англии приходилось примерно 3—3,5 млн. ф. ст. Керзон был оптимистично настроен в отношении перспектив англо-иранской торговли: «Несмотря на имеющиеся трудности, объем англо-персидской торговли продолжает расти и... будет еще более увеличиваться»²³, — писал он в 1899 г.

К 1901/02 г. стоимостное выражение внешнеторгового оборота Ирана составило свыше 9 млн. ф. ст. (ввоз — 5469 тыс. и вывоз — 3780 тыс. ф. ст.). Следовательно, можно сказать, что внешняя торговля Ирана в течение XIX столетия возросла в 3,6 раза²⁴.

Обычно Англия с целью получения дополнительной прибыли завывшала курс фунта стерлингов в международной торговле. Если учесть это и изменение индекса цен в Иране на импорт и экспорт, то получается, что внешнеторговый оборот Ирана вырос значительно больше²⁵. Пользуясь зависимостью иранского рынка от товаров английской промышленности, английские торговые фирмы по своему усмотрению, в ущерб иранской торговле, устанавливали завышенные цены на изделия своей промышленности и крайне низкие цены на вывозимое иранское сырье, наживая на этом баснословные прибыли.

Таблица 1

Основные статьи импорта Ирана*,
% к общему объему

Товар	1850-е годы	1880-е годы	1911—1913 гг.
Хлопчатобумажные изделия . . .	43	48	30
Шерстяные и шелковые ткани . .	23	15	5
Чай	9	2	6
Сахар	2	8	24
Металлические изделия	2	2	2
Пшеница	—	—	4
Керосин	—	1	2

* The Economic History of Iran. 1800—1914. Ed. by Ch. Is-sawi, с. 135.

Таблица 2

Основные статьи экспорта Ирана*,
% к общему объему

Товар	1850-е годы	1880-е годы	1911—1913 гг.
Шелк и шелковые изделия . . .	38	18	5
Хлопчатобумажные и шерстяные изделия	23	1	1
Зерновые (в основном рис) . . .	10	16	12
Фрукты	4	6	13
Табак	4	5	1
Неочищенный хлопок	1	7	19
Опиум	—	26	7
Ковры	—	4	12

* The Economic History of Iran. 1800—1914. Ed. by Ch. Is-sawi, с. 136.

Наряду с ростом торговли существенные изменения происходили и в номенклатуре экспорта и импорта Ирана, свидетельствовавшие о росте его экономической зависимости от мирового рынка и империалистических держав, для промышленности которых он стал рынком сбыта и источником сырья.

Когда-то Иран славился своими знаменитыми шелковыми и другими тканями, которые вывозились во многие страны мира. Постепенно в течение XIX в. их экспорт сократился и их заменили более дешевые иностранные хлопчатобумажные ткани. Значительно увеличился ввоз сахара и чая. В конце столетия Иран стал импортировать зерно и керосин.

В то же время вырос экспорт тех товаров, которые требовались на европейских рынках. В Иране увеличились посевы опи-

умного мака, который сделался главной статьей английского вывоза и нашел рынки сбыта в Китае и Европе. В результате «хлопкового голода», возникшего из-за гражданской войны в Северной Америке, стимулировались посевы хлопчатника. Разведение риса и ряда других зерновых культур диктовалось потребностями России и Индии. Мода на иранские ковры в Европе и Америке способствовала развитию ковровой промышленности Ирана.

Эволюция основных статей экспорта и импорта Ирана во второй половине XIX — начале XX в. показана в табл. 1 и 2.

Изменились и торговые партнеры Ирана. До XIX в. главными странами, с которыми Иран вел оживленную торговлю, были Афганистан, государства Средней Азии, Турция, Индия, Россия и очень небольшая торговля была с западноевропейскими государствами. В XIX в. положение резко меняется. На первое место во внешней торговле Ирана выходят Англия и Россия, на которые падают 85% импорта и 78% экспорта Ирана²⁶.

В течение всего XIX века Англия занимала первое место в общем внешнеторговом обороте Ирана, и только с 1902/03 г. она уступила его России. Но даже занимая второе место, Англия по абсолютной величине импортируемых в Иран товаров не отставала от России. Как отмечает Н. Н. Бобынин, доля Англии вместе с Британской Индией за период 1901—1914 гг. в общем импорте Ирана составляла от 27 до 50%, в то время как ее экспорт из Ирана за это же время равнялся лишь 8—16%²⁷. Английский консул Маклин в отчете за 1904 г. сообщает: «Несмотря на то что общий объем русско-иранской торговли был больше, чем англо-иранской торговли, экспорт из России и Англии в Иран был одинаков»²⁸.

Потеря Англией торговой монополии в Иране отражала общую тенденцию развития английского империализма. Англия утратила свою промышленную и торговую монополию. К началу XX в. Россия делается главным внешнеторговым партнером Ирана. Во многом способствовала развитию русско-иранской торговли новая таможенная конвенция, подписанная 27 октября 1901 г.

Переговоры о русско-иранской конвенции держались в строжайшем секрете. Тем не менее английская миссия в Тегеране имела кое-какие сведения о характере переговоров. Предвидя угрозу, которую может представлять для английских торговых интересов новое русско-иранское соглашение, англичане делали все возможное, чтобы сорвать переговоры. Однако, несмотря на пропски британской дипломатии, конвенция была подписана и ратифицирована русским правительством 14 сентября 1902 г. и вступила в силу с 1 февраля 1903 г.²⁹.

Важнейшей частью конвенции 1901 г. являлась ст. 1, устанавливавшая вместо прежнего 5-процентного таможенного обложения три специальных тарифа — А, В и С. Тариф А касался та-

моженного обложения товаров при ввозе их в Иран, тариф В — при вывозе из Ирана в Россию, тариф С определял размеры иранских экспортных пошлин. Согласно новым тарифам для каждой экспортной статьи устанавливалось специальное таможенное обложение.

Новое торговое соглашение создало огромные преимущества для русской торговли в Иране. Из 30 различных видов русских товаров, вывозившихся в Иран и составлявших $\frac{9}{10}$ всего русского экспорта, 8 видов товаров были вовсе изъяты из обложения, а 11 облагались совсем незначительной пошлиной по специальному тарифу в 1 кран³⁰.

На все основные статьи русского вывоза пошлины были установлены ниже прежней 5-процентной. Так, например, сахар, составлявший в денежном выражении примерно $\frac{1}{3}$ всего вывоза из России в Иран, облагался пошлиной в размере 3,4%. Еще меньше оказалась относительная величина обложения хлопчатобумажных тканей, столь же важной статьи русского вывоза. Снижалась пошлина и на нефтяные продукты.

Россия добилась освобождения от ввозных пошлин наиболее важного для себя иранского сырья — хлопка и шерсти³¹.

Торговая конвенция не принесла никаких финансовых выгод для Ирана. В иранской печати и общественных кругах она оценивалась крайне отрицательно и даже позволила обвинить Ж. Науса, бельгийского советника, приглашенного иранским правительством для упорядочивания финансов Ирана, который вел переговоры от имени Ирана, в государственной измене.

После подписания новой русско-иранской таможенной конвенции английский посланник Гардинг потребовал заключения аналогичного соглашения с Англией. Англо-иранское таможенное соглашение, подписанное 27 января 1903 г., во всех пунктах повторяло русско-иранскую конвенцию и, главное, подтверждало установленные последней тарифные ставки. Подписав соглашение, Англия формально не добилась больше того, что она уже получила по праву наибольшего благоприятствования, но по существу значение нового соглашения для Англии сводилось к тому, что теперь она становилась как бы третьим участником русско-иранской таможенной конвенции, и, стало быть, отныне всякий пересмотр торговых тарифов был просто невозможен без ее участия.

Не менее важной причиной того, почему Англия уступила первенство в торговле с Ираном, было систематическое ухудшение качества английских товаров. Установив торговую монополию на большей территории Ирана, англичане наводнили иранские рынки низкосортными товарами. Иранское население, особенно юга страны, ввиду отсутствия в продаже каких-либо других товаров было вынуждено их покупать. Эти товары производили «впечатление брака или товаров, отправляемых за негодностью для сбыта в Азию»³².

Английские хлопчатобумажные ткани, ввозившиеся в Иран, никогда не отличались хорошим качеством, но во второй половине XIX в. они стали настолько низкосортными, грубыми и непрочными, что вызывали протесты даже английских консулов и торговых фирм. С 1848 г. о низком качестве английских хлопчатобумажных тканей сообщали английские консулы Стивенс, Росс, Черчилль, Ловетт, Диксон, Макнил и многие другие. В 1849 г. консул в Тебризе Стивенс обращал внимание Манчестерской торговой ассоциации на низкое качество британских хлопчатобумажных изделий, экспортировавшихся в Иран, и предостерегал, что если это не прекратится, то английские ткани будут вытеснены с рынков Тебриза.

Английский генеральный консул в Тебризе Аббот в 1886 г. сообщал, что на тебризском рынке появился манчестерский ситец необычайно плохого качества. «Такие факты уже имели место, но сейчас приняли такие размеры, что если это не пресечь, то можно опасаться, что такая практика нанесет ущерб британской торговле в стране»³³. Консул отмечал, что местные купцы, ведущие торговлю манчестерскими товарами, отказываются их брать, так как они не могут найти сбыта этим товарам. «Британские купцы в этой провинции, — продолжал Аббот, — опасаются, что русские мануфактуры достигнут успеха, так как они хорошего качества, более широкие и длинные, если Манчестер будет продолжать производить ткани такого низкого качества, как те, которые были ввезены на этот рынок в течение 18 последних месяцев»³⁴.

Английский миткаль, взятый на пробу в 1890 г., содержал только 58% пряжи, а остальные 42% — примеси (пеклеванная мука, белая глина и др.)³⁵.

Чтобы найти сбыт своим товарам и в то же время подорвать авторитет русских хлопчатобумажных изделий в глазах иранского населения и этим устранить своего основного конкурента в Иране, английские капиталисты прибегали к прямому мошенничеству. Английские консулы в Иране посылали в Манчестер образцы русских тканей, пользовавшихся наибольшим спросом. На манчестерских фабриках изготовляли подобные ткани, но значительно худшего качества, и отправляли их в Иран с русской торговой маркой. Иранские купцы, не зная об этих английских махинациях и веря качеству русских материй, охотно покупали этот недоброкачественный, но более дешевый товар и под видом русских хлопчатобумажных тканей продавали населению. Более дорогие русские ткани лежали на складах и портились.

Управляющий Учетно-ссудным банком в конце XIX в. доносил из Ирана, что англичане подделали большую партию товара под русский пунцовый ситец, пользовавшийся большим спросом среди иранского населения. Подделка была очень непрочна и внешне не совсем удачна, но зато стоила на 20% дешевле, чем русский товар, и поэтому находила покупателей³⁶.

Таблица 3

Торговля Ирана с Англией*,
краны

Год	Импорт в Иран	Экспорт из Ирана	Общий тор- говый оборот	Превышение импорта над экспортом
1901/02	125 253 581	25 427 997	150 681 578	99 825 584
1902/03	102 465 691	18 395 335	120 861 026	84 070 356
1903/04	128 401 253	21 113 178	149 514 431	107 288 075
1904/05	119 695 719	27 554 048	147 249 767	92 141 671
1905/06	122 386 238	26 031 016	148 417 254	96 355 222
1906/07	132 302 011	36 629 098	168 931 109	95 672 913
1907/08	169 065 352	36 578 438	205 643 790	132 486 914
1908/09	148 814 093	33 989 434	182 803 527	114 824 659
1909/10	153 326 467	31 572 481	184 898 948	121 753 986
1910/11	189 665 159	37 412 841	227 078 000	152 252 318

* Н. Н. Бобынин. Персия, ее экономическое положение и
внешняя торговля, 1901—1923, с. 209.

Несмотря на некоторое отставание общего объема англо-иранской торговли от русско-иранской, первая продолжала неизменно расти. Табл. 3 показывает рост английской торговли в Иране в годы, когда торговая монополия уже принадлежала России.

Накануне первой мировой войны стоимость всей англо-иранской торговли составила свыше 4 млн. ф. ст.³⁷ За первые 12 лет XX в. британская торговля с Ираном выросла на $\frac{1}{4}$, или примерно на 1 млн. ф. ст.

В XIX в. англо-иранская торговля производилась по следующим основным направлениям: на севере и северо-западе через Средиземное и Черное моря к турецкому порту Трабзон, далее караванной дорогой к Тебризу. Из Тебриза товары направлялись в Казвин и Тегеран. Расстояние от Трабзона до Тебриза составляло около 1 тыс. км и далее до Тегерана 630 км. Путь до Тебриза длился 60—70 дней, а до Тегерана — еще 35—40 дней. В северо-восточные районы Ирана товары из Индии доставлялись через Афганистан. Расстояние от Чамана — конечного пункта индийской железной дороги до Мешхеда — около 1200 км. В связи с постройкой Нушки-Систанской дороги этот путь стал значительно удобнее, и движение по нему занимало всего 40 дней, а не 70, как прежде.

На юге Ирана англо-иранская торговля шла через порты Персидского залива — Бушир, Бендер-Аббас, Ленге, Мохаммеру. На западе английские товары шли из Багдада, у Ханекина пересекали границу и далее направлялись в Керманшах, Хамадан, Тегеран. Расстояние в 800 км караваны проходили за 28—30 дней. С организацией постоянного движения судов в Персид-

Таблица 4

Ввоз в порты Персидского залива*,
тыс. ф. ст.

	1873/74 г.	1874/75 г.	1882/83 г.	1883/84 г.
Из Англии	668	435	3100	4000
Из Британской Индии .	1090	1050	1730	2000

* The Economic History of Iran. 1800—1914. Ed. by Ch. Is-
sawi, с. 84.

ском заливе значение этой дороги для англо-иранской торговли уменьшилось.

Открытие в 1869 г. Суэцкого канала и организация судоходства по р. Тигр вновь привели к оживлению этого торгового пути. В конце XIX в. было построено шоссе Багдад — Тегеран, что значительно сократило время доставки товаров по этой дороге. Дж. Керзон особенно подчеркивал важность этого пути: «Багдадская дорога имеет большое значение для торговли как Великобритании, так и Британской Индии с Ираном, и мы не должны лишиться на ней единоличного господства»³⁸.

Англо-иранская торговля осуществлялась и транзитом через Россию. Но Россия периодически закрывала транзит товаров через свою территорию; в последний раз это произошло в 1883 г. Главными центрами англо-иранской торговли были порты Персидского залива и Трабзон. На их долю приходилось 80% общего объема англо-иранской торговли. Доминирующее положение в англо-иранской торговле занимал путь через порты Персидского залива. Объяснялось это рядом политических и экономических факторов. Главным из них было то, что южные торговые дороги находились под полным контролем Англии. Близость Бомбея и наличие большого англо-индийского коммерческого флота значительно облегчали ведение торговли в Персидском заливе. 79—80% всего тоннажа судов, плававших в заливе, приходилось на долю Англии и Британской Индии³⁹. Кроме того, открытие Суэцкого канала и появление паровых судов приблизило Англию к Персидскому заливу и удешевило торговые перевозки. Морской путь — наиболее дешевый. Стоимость провоза хлопчатобумажных тканей из Лондона в Бушир обходилась в 30—37 коп. с 1 пуда, в то время как доставка 1 пуда товаров из Тифлиса в Джульфу стоила от 94 до 124 коп.⁴⁰ Транспортников грузов из Англии в Персидский залив осуществляли английские пароходные компании, которые организовали регулярное сообщение между Лондоном и портами Персидского зали-

Таблица 5

Товарооборот портов Персидского залива *, тыс. ф. ст.

Порт	1895 г.	1900 г.
Бушир	1546	2033
Бендер-Аббас	802	442
Ленге	974	971
Мохаммера	181	305

* The Economic History of Iran. 1800—1914. Ed. by Ch. Issawi, с. 85.

ва. Активную торговлю в заливе вели торговые компании Британской Индии, большая часть которых находилась в Бомбее⁴¹.

Как уже отмечалось, в XIX в., особенно в его последней четверти, торговля портов Персидского залива значительно возросла, что было связано с общим укреплением позиций Англии в южных районах Ирана.

Согласно табл. 4, за десятилетие ввоз английских товаров в Персидский залив увеличился в 3,5 раза. Значительно увеличился и объем торговли Бомбея с портами Персидского залива. Если в 1844/45 г. его стоимостное выражение составляло 7925 тыс. рупий, в 1860/61 г. — 13 143 тыс. рупий, то уже к 1866/67 г. оно достигло 34 437 тыс. рупий⁴².

Главным торговым портом на Персидском заливе являлся Бушир (см. табл. 5). Английский консул Диксон в своем отчете об англо-иранской торговле писал: «Главной торговой дорогой между Англией и Персией является Персидский залив и на нем порт Бушир, через который проходит основное количество товаров. В последнее десятилетие торговля между Англией и Персией через Бушир особенно возросла»⁴³.

Порт Бушир был очень неудобен для стоянки судов, так как они должны были останавливаться за 7 км от пристани, сообщение с берегом поддерживалось большими парусными барками. Но от Бушира шли удобные дороги внутрь Ирана. Караванный путь Бушир — Тегеран протяженностью 1232 км проходил через важные торговые центры Ирана — города Шираз, Исфахан, Кашан. Шираз являлся крупнейшим городом южного Ирана и славился своими сельскохозяйственными и ремесленными изделиями. Он служил важным перевалочным пунктом для товаров, поступавших из Бушира в Исфахан, Йезд, Тегеран и другие города. В Бушире было расположено большое количество английских торговых фирм. Некоторые из этих фирм открывали свои отделения в Ширазе, Исфахане и других городах,

Таблица 6

Внешняя торговля г. Бушира *, ф. ст.

Год	Импорт	Экспорт	Превышение импорта над экспортом
1888	289 465	51 924	237 541
1889	415 452	83 990	331 461
1890	668 838	74 198	594 640
1891	852 555	128 709	723 846
1892	563 738	70 657	493 081
1893	476 270	105 832	370 438

* М. Л. Томара. Экономическое положение Персии, с. 162—163.

по которым проходил караванный путь из Бушира. Английский консул Росс в своем отчете в апреле 1885 г. писал, что, когда он прибыл в Бушир в 1875 г., там была только одна европейская фирма. «Сейчас же их три со своими агентствами в Ширазе и Исфахане»⁴⁴. В Бушире имелись отделения фирм «Хотц и Сын», «Торговой Компании Персидского залива», «Д. Сассун и К^о», «Грей, Пауль и К^о» и некоторых бомбейских фирм. Около 85% всего товарооборота Бушира приходилось на Англию и Британскую Индию⁴⁵. Экспорт и импорт английских товаров в Бушир неуклонно возрастал.

В 1885 г. британский консул в Бушире доносил, что за последние 10 лет торговля Бушира удвоилась⁴⁶. Об этом же свидетельствуют и данные табл. 6.

Таким образом, за шесть лет торговля Бушира увеличилась в 1,7 раза. Кроме того, таблица наглядно показывает характерную черту английской торговли в Иране — значительное превышение импорта над экспортом. В этом главном центре англо-иранской торговли ввоз английских товаров в Иран от 5 до 8 раз превышал вывоз, что отрицательно сказывалось на торговом балансе страны.

Вторым по значению для англо-иранской торговли портом на Персидском заливе был Бендер-Аббас. Этот порт расположен у самого входа в залив, защищен от ветра и более удобен для стоянки кораблей, чем Бушир, но его торговое значение уступало последнему. Происходило это прежде всего потому, что от него не было удобных дорог в центральные провинции Ирана. Из Бендер-Аббаса шли караванные дороги в Керман и Йезд, а оттуда в Мешхед и другие города Ирана. Путешествие продолжалось около 75 дней. Хотя дорога на Керман была короче, но англичане обычно предпочитали более длинную дорогу на Йезд. Это объяснялось тем, что в Йезде удавалось снизить таможенные расходы. Кроме того, в городе имелась хорошая ярмар-

ка, где можно было выгодно продать товары⁴⁷. Консул Россе отмечал, что английским коммерсантам в результате различных соглашений с иранской администрацией удавалось снизить пошлину на товары до 3—3,5%⁴⁸. Через Бендер-Аббас в основном шла торговля Ирана с Британской Индией, на долю которой приходилось около 75% всего товарооборота города. В Бендер-Аббасе проживало около сотни индийцев — английских подданных, в руках которых находились почти все торговые учреждения города и вся местная торговля. Английское правительство им покровительствовало и выдавало значительные денежные субсидии для закупки английских товаров. Имея свободные деньги, индийцы часто кредитовали местных иранских купцов и потом по дешевым ценам покупали у них товары⁴⁹.

Как и в Бушире, торговый оборот Бендер-Аббаса значительно увеличился к концу XIX в. За 10 лет, с 1875 по 1885 г., его торговля выросла с 3 млн. до 8 млн. рупий, т. е. более чем в 2,5 раза.

Третьим важным портом на Персидском заливе являлся Ленге. Для внутренней торговли Ирана этот порт не представлял особого значения ввиду неудобств дорог по прилегающей к нему безводной и бесплодной местности. В основном он выполнял роль транзитного порта на Персидском заливе. Его товарообороты в конце XIX в. выросли в 2—3 раза, что явилось несомненным свидетельством общего развития торговли в районе залива⁵⁰.

После открытия судоходства по Каруну большое значение приобрел порт Мохаммера, имеющий самое удобное и дешевое сообщение с центральным Ираном. Торговля Мохаммеры росла с каждым годом, и уже к 1909—1910 гг. она опередила торговлю всех других портов Персидского залива. За 15 лет объем торговли в стоимостном выражении увеличился со 181 тыс. ф. ст. в 1895 г. до 1135 тыс. ф. ст. в 1910 г., т. е. более чем в 6 раз⁵¹.

Вся торговля Мохаммеры находилась в руках англо-индийских комерсантов и пароходных компаний. В городе были открыты отделения почти всех английских фирм, торговавших в Иране. Английские и индийские пароходные компании совершали еженедельные рейсы между Бомбеем и портами Персидского залива с обязательным заходом в Мохаммеру, за что получали крупное денежное вознаграждение от английского правительства. Пароходы компании «Братья Линч» плавали раз в две недели от Мохаммеры по р. Карун до Назири⁵².

С развитием торговли рос и сам город. В 1892 г. в Мохаммере проживало 2300 человек, в 1893 г. население увеличилось до 3500, в 1894 г. — 3800, в 1895 г. — 5 тыс., в 1896 г. — 5600 и в 1897 г. — 6 тыс. человек⁵³. Английские компании и торговые фирмы установили систематические доставки товаров из Мохаммеры по р. Каруну и дальше по вновь построенным дорогам на Исфahan и Боруджерд.

В развитии англо-иранской торговли южные порты Ирана играли первостепенную роль. Особенно усиливается их значение в последней четверти XIX в. Установление безраздельного господства Англии в Персидском заливе привело к тому, что иранские порты целиком оказались под ее контролем. Местные иранские власти больше зависели от Великобритании, военные силы которой были рядом, чем от центрального иранского правительства. Все это привело к установлению безраздельного господства Англии в южных районах Ирана. Укрепление политических и экономических позиций Англии, получение ряда выгодных монополий и концессий в южных районах Ирана и развитие торговли отразилось и на экономическом положении этого региона.

Англо-иранская торговля способствовала росту портовых городов, активизации их торговой жизни, развитию местного купечества. Но вместе с тем она оказывала отрицательное влияние на развитие южных районов Ирана в целом. Это отрицательное влияние англо-иранской торговли на экономику южных провинций Ирана отмечали даже английские консулы, которые многие годы работали в стране. Так, в 1904 г. Г. В. Маклин в своем «Докладе об условиях и перспективах британской торговли в Персии» подчеркивал, что отрицательной чертой торговли Англии было ее нежелание экспортировать из южных районов Ирана продукты их сельскохозяйственного производства — рис, пшеницу, сухофрукты и др., что отрицательно сказывалось на экономике этих провинций. Многие земли Лурестана, Хузестана не засеивались, так как их продукция не находила сбыта. Маклин пишет, что успех английской торговли в Иране, выражавшийся в значительном превосходстве импорта над экспортом, очень сомнителен и в англо-иранской торговле как в целом, так и особенно в южных районах «необходимо было бы сочетать продажу хлопчатобумажных тканей с покупкой сельскохозяйственных продуктов. Этим можно объяснить, почему районы южной Персии, находящиеся под нашим влиянием, не развиваются подобно северным»⁵⁴. Маклин предлагал изменить условия англо-иранской торговли и сделать ее выгодной не только для Англии, но и для Ирана. По его мнению, можно было бы добиться развития сельского хозяйства в южных районах, но при условии сбыта их продукции на рынках Англии. Однако эти предложения английского консула остались только благими пожеланиями: условия англо-иранской торговли не изменились вплоть до 20-х годов XX столетия.

После портов Персидского залива большую роль для англо-иранской торговли играл путь через турецкий порт Трабзон в Тебриз и Тегеран. По нему проходило около 20—25% всего внешнеторгового оборота Ирана⁵⁵. Для Англии эта торговая дорога была особенно важна, поскольку она открывала для ее товаров северные провинции Ирана, и в частности Иранский

Таблица 7

Доля английского экспорта хлопчатобумажных тканей во внешней торговле Тебриза*, тыс. ф. ст.

Год	Импорт Тебриза	Экспорт хлопчатобумажных тканей из Великобритании	Соотношение общего импорта Тебриза к импорту хлопчатобумажных тканей, %
1865	1669	1242	74
1866	1670	1107	66
1867	1432	947	66
1868	1351	1017	75
1869	1576	1123	71
1870	1095	864	79

* The Economic History of Iran. 1800—1914. Ed. by Ch. Issawi, с. 112—114.

Азербайджан. Неоднократно англичане принимали участие в работах по улучшению и благоустройству трабзонского пути. Как Бушир на юге, так Тебриз на севере являлся центральным пунктом, откуда английские товары распределялись по внутренним рынкам страны. «С начала XIX в. Тебриз являлся главным депо европейской торговли с Северной Персией»⁵⁶, — писал английский консул в Тебризе Джонс. В городе находились крупные английские фирмы, три из них из Манчестера. Главным предметом экспорта из Англии в Тебриз были хлопчатобумажные ткани.

В отдельные годы экспорт английских тканей достигал почти 79% всего импорта Тебриза. И нет ничего удивительного, что в конце XIX в. английские ткани преобладали не только на рынках южного Ирана, но и в северных провинциях.

Тегеран — столица Ирана — являлся далеко не первым городом страны по уровню развития торговли. Но его значение как важного политического и торгового центра объяснялось прежде всего присутствием в нем шахского двора.

Тегеран был связан дорогами со всеми провинциями Ирана, и отсюда в город поступали различные товары. Тегеран не производил продукции на экспорт, но являлся крупным импортером многих европейских товаров, таких, как сахар, чай, специи, шали, набивной ситец, различные предметы роскоши для знати и двора. В первой половине XIX в. в торговле Тегерана преобладала Англия, на долю которой приходилось 2/3 импортируемых товаров⁵⁷. Но к концу века положение изменилось и преобладающую роль в торговле города стала играть Россия.

В конце XIX — начале XX в. английские товары продавались почти на всей территории страны, включая и северные районы

Ирана, где торговая монополия принадлежала России. Дж. Керзон писал: «Из всего оборота внешней торговли Персии видно, что на северо-западе, севере и северо-востоке преобладает Россия. На юге господствует Англия и Индия. На западе уже начало проникать английское влияние и оно с каждым днем растет. И в центре страны Англия постепенно, но верно расширяет свою торговлю. То же можно сказать и о восточных районах»⁵⁸. В своем меморандуме 1899 г. Керзон советует активизировать английскую торговлю с целью завоевания торговых рынков в северо-западных районах Ирана, а также развивать торговлю с Мешхедом для проникновения на рынки Хорасана⁵⁹.

Важным торговым центром Ирана являлся г. Исфахан. Благодаря строительству дороги через бахтиарские земли был создан удобный путь для английских товаров на Исфахан. 90% всего внешнеторгового оборота города приходилось на Англию и Британскую Индию. Из Исфахана английские товары направлялись в Кашан, Тегеран, Казвин, Хамадан, Боруджерд. Английская торговля преобладала в Керманшахе и Курдистане.

В руках англичан находилась торговля Систана. Используя Нушки-Систанскую дорогу, Англия стремилась проникнуть на рынки Хорасана, особенно Мешхеда, где преобладала Россия. В 1901/02 г. британская торговля с Хорасаном составила 138 тыс. ф. ст., причем на 35 тыс. ф. ст. было доставлено товаров по новой дороге. В 1912/13 г. английская торговля с Хорасаном оценивалась в 521 тыс. ф. ст., т. е. ее объем увеличился почти в 4 раза, а по Систанской дороге было провезено товаров на 100 тыс. ф. ст.

Анализируя экспорт и импорт Великобритании в Иран, необходимо подчеркнуть, что в последней четверти XIX — начале XX в. происходят некоторые изменения в их номенклатуре. Это объясняется ростом торгового соперничества Англии и России и значительным увеличением объема русско-иранской торговли, а также увеличением ввоза английских капиталов в Иран. Если раньше английский импорт в Иран на 90% состоял из хлопчатобумажных и других тканей, то во второй половине XIX в. их доля во всей англо-иранской торговле несколько уменьшилась за счет некоторого увеличения других статей английского экспорта. На северных рынках Ирана, где еще в первой половине XIX в. доминировали английские ткани, к концу века они стали вытесняться русскими. Но в южных и центральных районах страны преобладали английские хлопчатобумажные ткани. В импорте портов Персидского залива и через Трабзон хлопчатобумажные ткани составляли 65—70%⁶⁰. Консул Маклин сообщал, что к 1900 г. 3/4 экспорта Англии составляли хлопчатобумажная пряжа и ткани, что равнялось 2/3 всего их ввоза в Иран⁶¹. Большой объем импорта хлопчатобумажных тканей в Иран объяснялся как потребностями экономики Англии, так и

возможностями иранского рынка. Немаловажным фактором преобладания в английском экспорте в Иран тканей являлось и удобство их для длительной транспортировки. Для завоевания иранского рынка английскими хлопчатобумажными тканями английскими торговыми фирмами был разработан целый комплекс мероприятий. Фирмы предоставляли льготные кредиты местным иранским торговцам, ведущим торговлю английскими тканями. Английские коммерсанты осваивали местные рисунки, производили ткани, отвечавшие вкусам иранского покупателя. Почти каждый английский торговый дом в Иране имел в своем штате художника из местного населения, изготовлявшего эскизы рисунков тканей⁶². Затем эти эскизы отсылались в Манчестер, где они воспроизводились на тканях. Обычно ткани делались многоцветными с преобладанием красных, зеленых, синих и желтых тонов. При этом учитывался спрос на те или иные ткани. В английских торговых фирмах и домах были даже особые книги, куда наклеивались образчики отдельных рисунков под номерами, соответствовавшими номерам образцов на фабриках в Манчестере, что значительно облегчало работу английских коммерсантов.

В конце XIX в. английские капиталисты построили ряд текстильных фабрик и заводов, производивших товары для Ирана в Индии, Бомбее, Калькутте, а также вблизи иранских границ. Эти предприятия были оборудованы новейшей техникой. Производятся товары для Ирана на этих фабриках, англичане получали сразу двойную выгоду; во-первых, не нужно было тратить лишние суммы на перевозку товаров из Англии в Иран и, во-вторых, рабочая сила в Индии, набранная из местного населения, обходилась намного дешевле, чем английские рабочие. Н. Н. Бобынин писал, что «бомбейская мануфактура невысокого качества, жидкая, с непрочными рисунками, но зато дешевая и широкая»⁶³. Ухудшение качества английской мануфактуры способствовало снижению ее стоимости, и она успешно конкурировала с русскими, более дорогими хлопчатобумажными тканями. В течение всего XIX века вплоть до первой мировой войны экспорт английских тканей в Иран превышал экспорт русских. В 1911—1912 гг. Россия экспортировала в Иран 373 тыс. пудов тканей на сумму 63 374 681 кран, а Англия — 560 тыс. пудов на 69 491 280 кран, т. е. почти на 30% больше. К тому же стоимость 1 пуда английских тканей обходилась в 126 крана, а русских — в 169 кран, следовательно на $\frac{1}{3}$ дороже.

Это объясняло то, что английские ткани не только господствовали в южных, юго-западных и юго-восточных районах Ирана, но и проникали на север и в Тегеран. По данным за 1903—1910 гг., из всего количества импортировавшихся Ираном тканей на долю Англии приходилось 57%, а на долю России — 39%. Джемаль-заде писал: «Основной импорт в Иран — это ткани, причем из восьми частей семь ввозятся из России и Англии с

Индией, и при этом свыше четырех частей привозятся из Англии и менее трех из России»⁶⁴.

Другой крупной статьей английского экспорта в Иран являлся чай, который составлял 46% всего импорта этой культуры в страну. Торговля чаем была очень выгодна для Англии: английские коммерсанты наживали на этом огромные прибыли. Англия вывозила чай из своих колоний, и это обходилось для нее сравнительно дешево. В 1911/12 г. в Иран было ввезено чая на 11 738 247 кран, в 1912/13 г. — на 14 538 216 кран, в 1913/14 г. — на 16 944 805 кран (от 22 до 29% всего английского экспорта в Иран)⁶⁵.

В связи с получением ряда концессий, строительством телеграфа, дорог заметно увеличился экспорт в Иран металлов и металлических изделий. Англия ввозила в Иран половину общего импорта в страну металлов, таких, как олово, свинец, цинк, никель. На первом месте она была и по ввозу железа, — экспортируя его ежегодно на 5—6 млн. кран⁶⁶. Представление об увеличении ввоза в Иран из Англии металлов дают такие цифры: в 1888 г. в Бушир из Англии было ввезено металлов на 29 571 ф. ст., в 1889 г. — на 88 972 ф. ст., в 1890 г. — на 129 838 ф. ст., в 1891 г. — на 141 619 ф. ст.⁶⁷. За четыре года произошел заметный рост этой статьи ввоза в Иран — в 4,7 раза. Англия была и главным поставщиком в Иран драгоценных металлов, в частности серебра. Серебро обычно доставлялось в слитках крупными партиями. Так, например, в 1911/12 г. Англией было ввезено в Иран серебра на 66 200 956 кран, в 1912/13 г. — на 5 550 420 кран; в 1913/14 г. — на 5 687 460 кран; в 1914/15 г. — на 22 700 332 кран⁶⁸.

Иран ввозил значительные количества всякого рода бакалейных товаров и приностей. Первое место по ввозу этих товаров занимала Британская Индия — в 1911/12 г. на сумму 2714 тыс. кран, в 1912/13 г. — на 2 896 352 крана⁶⁹.

Другими товарами английского экспорта в Иран были индиго (55% всего ввоза этого товара в Иран), аптекарские товары (80% всего их ввоза в Иран), различные фарфоровые, фаянсовые, стеклянные изделия и другие товары английской промышленности. Но их ввоз в Иран был незначителен — всего на сумму от 30 тыс. до 50 тыс. ф. ст.⁷⁰.

На протяжении всей второй половины XIX столетия англичане вели контрабандную торговлю оружием в Персидском заливе. Торговля велась почти открыто и давала огромные прибыли английским купцам, так как они покупали, например, ружья за 3 ф. ст., а продавали за 7—12 ф. ст. Насколько торговля оружием приняла широкий размах к концу XIX в., можно судить по следующим фактам: в 1898 г. в таможенных Бушира и Бендер-Аббаса иранское правительство конфисковало 140 тыс. ружей⁷¹. Английским оружием были вооружены все племена, населяющие южные районы Ирана. У некоторых племен были

обнаружены ружья новейшего образца, находившиеся на вооружении английской армии. Продажа оружия воинственным и полунезависимым племенам создавала очаг напряженности в этом районе и вызывала опасение не только центрального правительства, но и англичан, которые установили контроль над торговлей оружием среди племен⁷². С этого времени англичане вооружали племена только через своих официальных представителей в Иране.

Экспорт иранских товаров в Англию и Британскую Индию, как уже говорилось, был во много раз меньше импорта, что тяжело отражалось на экономике Ирана. Например, в 1901 г. экспорт Англии был в 5 раз больше импорта из Ирана, в 1902 г. — в 6 раз, в 1903 г. — в 6 раз, в 1904 г. — в 4,5 раза, в 1905 г. — в 4,7 раза и т. д. (см. табл. 3).

Экспорт иранских товаров в Англию определялся в первую очередь нуждами английской экономики и фактически никак не способствовал развитию иранского хозяйства. Англия не экспортировала из Ирана ни одного из продуктов, составляющих основу его сельскохозяйственного производства. Важными моментами, определяющими номенклатуру английского экспорта из Ирана, являлись удобства транспортировки товаров, их компактность и возможность быстрого и выгодного сбыта в самой Англии или в ее колониях. Главная цель, которую преследовали английские коммерсанты в Иране, это быстрое получение огромных сверхприбылей, и именно это прежде всего и определяло вид вывозимого ими товара. Поэтому не случайно одной из самых крупных статей английского экспорта из Ирана являлся опиум.

История развития этой культуры в Иране очень показательна. Опиум культивировался в Иране с конца XI — начала XII в., но он производился и потреблялся в очень незначительных количествах. В конце XVIII в. небольшие партии опиума экспортировались из Бушира. В середине XIX в. положение резко меняется. Уже в 1867 г. британский консул в Тегеране в своем отчете сообщал, что опиум удовлетворяет всем требованиям экспортируемого товара и может с большой выгодой вывозиться в Китай⁷³. Экспорт опиума стал стремительно расти: в 1859 г. он составил 300 ящиков, в 1861 г. — 1 тыс. ящиков. В 1869 г. британский экспорт опиума в Китай достиг 250 тыс. ф. В Китае цены на опиум росли. Если в 50-х годах за один ящик (140 ф.) платили от 250 до 350 долл., то уже в 1879 г. ящик опиума стоил от 450 до 525 долл.⁷⁴. Увеличились цены на опиум и в Иране — к 1869 г., примерно за 10 лет, они выросли в 2—2,5 раза⁷⁵.

Английская торговая политика стимулировала рост производства опиума в Иране, что, в свою очередь, имело негативные последствия для структуры сельскохозяйственных посевов многих районов страны. Большое количество земель было отведено

под опийный мак в ущерб зерновым и другим полезным культурам. Опийные поля появились в большинстве южных и центральных провинций и даже в Хорасане. Увлечение посевами опийного мака отрицательно сказалось на экономическом развитии южных областей страны. Сокращение посевов под зерновыми культурами приводило к тому, что в неурожайные годы в этих районах наступал голод, массовый падеж скота. Это вызывало длительную экономическую депрессию южных районов. Английские коммерсанты, заинтересованные в развитии торговли опиумом, способствовали расширению посевов этой культуры. Они ссужали деньгами крупных землевладельцев, занимавшихся разведением опиума, на корню покупали урожай. Английский экспорт опиума из Ирана продолжал расти. В 1871/72 г. экспорт из портов Персидского залива составил 870 ящиков на 696 тыс. рупий, а в 1880/81 г. он вырос до 7700 ящиков на 8470 тыс. рупий⁷⁶. За 10 лет вывоз опиума из портов Персидского залива увеличился почти в 9 раз, а его стоимость — в 12 раз. Экспорт опиума из Бушира составил в 1888 г. 34% всего вывоза из Ирана, в 1889 г. — 44, в 1890 г. — 50%⁷⁷. Весь опиум из Ирана в основном вывозился в Китай и Юго-Восточную Азию и очень незначительное количество в Багдад. В 1904 г. в Иране было произведено 7 тыс. ящиков опиума, из них 2 тыс. было потреблено внутри страны и 5000 экспортировано на сумму 500 тыс. ф. ст., главным образом в Англию. К 1914/15 г. экспорт опиума из Ирана достиг в стоимостном выражении 815 тыс. ф. ст.⁷⁸. Англия импортировала опиум из Ирана на сумму 500—600 тыс. ф. ст., что составляло от 20 до 30% всего английского импорта⁷⁹.

Торговля опиумом, принося огромные прибыли английским коммерсантам, в то же время имела серьезные отрицательные последствия для ряда народов Востока. Она содействовала распространению курения опиума, подрывала социально-моральные устои и наносила огромный вред здоровью населения стран Азии.

Важной статьей английского импорта из Ирана являлся табак и табачные изделия. Вывозилась также камедь, применявшаяся в красильной промышленности, в кондитерском деле и в медицине. Она в больших количествах вывозилась из южных областей Ирана. По вывозу камеди из Ирана Англия вместе с Британской Индией стояли на первом месте. В 1911/12 г. в Англию ввозилось камеди на сумму 4 802 228 кран, в Британскую Индию — на 968 614 кран. В 1912/13 г. в Англию — на 5 301 650 кран, в Британскую Индию — на 1 710 184 крана⁸⁰. В Британскую Индию из Ирана ввозились также кожи, сырая шерсть — в 1911/12 г. на сумму 698 508 кран, в 1912/13 г. — на 1 118 324 крана. В Англию ввозились медицинские товары: экстракты растений, эссенции, медицинские масла, бальзамы и т. п. В 1911/12 г. на сумму — 1 886 323 крана, в 1912/13 г. на 2 561 172 крана и в 1913/14 г. — на 2 519 515 кран⁸¹.

В некоторые годы Англия вывозила из Ирана в Индию пшеницу. Количество зерна обычно зависело от урожая в Индии — увеличивалось в неурожайные годы и уменьшалось в урожайные. Например, в 1911/12 г. из Ирана в Индию было вывезено 60% всей экспортируемой пшеницы.

В первой половине XIX в. Англия принимала участие в вывозе шелковичных коконов из Ирана. Главным их поставщиком была провинция Гилян, которая давала $\frac{5}{6}$ всего производства коконов по стране в целом, что составляло около 400 тыс. кг, почти на 500 тыс. ф. ст. В лучшие годы, например, в 1864 г., было произведено коконов 850 тыс. кг на сумму 1 млн. ф. ст.⁸² В производстве и в вывозе коконов из Ирана принимали участие английские фирмы — «Братья Ралли» и другие, а также греческие торговые дома. Фирмы предоставляли кредиты или непосредственно производителям, или через местных купцов, в основном армянских.

В результате заболеваний шелковичного червя производство коконов в Гиляне в 70-х годах XIX в. сократилось в 3—4 раза. Несмотря на то что были приняты меры и завезены шелковичные черви из Японии и других мест, шелководство в Гиляне не достигло прежнего уровня и экспорт коконов в начале XX в. производился на сумму, не превышавшую 400 тыс. ф. ст., причем большинство коконов направлялось во Францию и Италию.

Одной из важных статей экспорта Ирана были ковры. Н. Н. Бобынин писал, что в начале XX столетия ковры занимали второе место после хлопка (см. табл. 2). В 1904/05 г. из Ирана вывозилось ковров на сумму 30 млн. кран, в 1909/10 г. — на 50 млн. кран⁸³. Ковры экспортировались в основном в Европу и Америку.

Повышение спроса на иранские ковры во второй половине XIX в. привело к расширению их производства. В докладе британского консула в Тебризе в 1879 г. указывалось, что спрос на персидские ковры в течение последних двух лет увеличился и их экспорт удвоился. Несмотря на дороговизну транспортировки, торговля коврами приносила иностранным фирмам огромные доходы, так как стоимость ковров была очень низкой. Заработная плата женщин и подростков, занятых в ковроткачестве, не превышала 9—10 коп. в день, продолжавшийся 11—12 часов.

Ковровое производство было развито по всему Ирану, но наиболее знамениты по своей красоте и прочности ковры Султанабада, Мешхеда, Курдистана, Азербайджана, Кашана, Кермана, Фарса. Ч. Исави приводит интересные данные о численности ковроткачей и количестве ткацких станков, имевшихся в этих районах: 5 тыс. ткацких станков и 10 тыс. ковроткачей в 150 деревнях около Султанабада; в районе Курдистана — 7 тыс. станков и 12 тыс. рабочих; в Кермане — 1 тыс. ткацких станков, в Мешхеде 150 мастерских, в некоторых из них работало по

100 ткачей; в Тебризе в 1907 г. было около 100 ковроткацких мастерских и 1200 ткацких станков⁸⁴.

Когда на мировом рынке возрос спрос на иранские ковры и их продажа стала прибыльным делом, в развитии производства ковров в Иране активное участие принял иностранный капитал. Например, крупная английская фирма «Циглер и К°», находившаяся в Тебризе и имевшая отделения в Тегеране, Султанабаде, Исфахане, Ширазе, Бушире, Иезде, Керманшахе, монополизировала производство ковров в Султанабаде и окрестных деревнях. Фирма снабжала иранских ковроткачей обработанной шерстью на том условии, чтобы готовые ковры по заранее установленной цене (конечно, самой низкой) были проданы только представителям фирмы⁸⁵. Так фирма страховала себя от рыночной конъюнктуры. Для более широкого развития ковроткачества в этом районе на средства фирмы были открыты фабрики и мастерские для производства ковров в Султанабаде и окрестных деревнях. Фирма заказывала иранцам ковры по образцам и размерам, соответствующим европейским вкусам. Агенты фирмы наблюдали за деятельностью мастерских, осуществляли руководство ими, следили за работой ковровщиц. На окраинах Султанабада фирма построила здания, в которых кроме контор разместились магазины и красильные мастерские, готовившие шерсть для раздачи семействам ковровщиков, работающих на дому. Агенты фирмы строго следили, чтобы иранцы пользовались только естественными красителями.

Наряду с фирмой Циглер действовали и другие английские фирмы: «Хотт и Сын», «Д. Кастелли и К°», крупный английский предприниматель Остерн⁸⁶.

Кроме англичан в производстве и продаже ковров участвовали и другие европейские фирмы. Все это способствовало увеличению экспорта ковров из Ирана. Как отмечал английский консул Диксон в Султанабаде, стоимость ежегодного экспорта ковров в 50-е годы составляла 30 тыс. туманов, но уже к 1882 г. она была в 10 раз больше⁸⁷. В 1872 г. из Тебриза было вывезено ковров на сумму 28 тыс. ф. ст., а в 1879 г. — на 65 тыс. ф. ст. В 1889 г. Керзон оценивал весь экспорт иранских ковров в 99—100 тыс. ф. ст., а в конце XIX в. — в 500 тыс. ф. ст. Иранские ковры вывозились из Тебриза через Трабзон, из Ширазе, Кермана и других южных городов — через порты Персидского залива, из Мешхеда — по Каспийскому морю. К 1914 г. стоимость экспорта ковров увеличилась до 1 млн. ф. ст. Более 50% вывозимых из Ирана ковров шло в Европу и Америку; на внутренних русских рынках иранские ковры не пользовались спросом. В Англию в 1911/12 г. вывозилось ковров на 630 430 кран, в 1912/13 г. — на 2 214 247 кран, в 1913/14 г. — на 2 347 208 кран (около 40—50 тыс. ф. ст.)⁸⁸.

Сушеные фрукты являлись одним из главных традиционных экспортных товаров Ирана и вывозились в основном в Россию.

Англия сушеные фрукты почти не покупала, лишь в небольшом количестве их ввозила Британская Индия. Англия в основном вывозила миндаль и фисташки. В 1911/12 г. их было вывезено (вместе с Британской Индией) на сумму 5 061 381 кран, в 1912/13 г. — на 4 157 462 крана, что составило 9—10% стоимости всего английского экспорта⁸⁹.

В Иране действовали многие английские компании. Одной из крупных была компания «Братья Линч». Она контролировала торговлю в юго-западной части Ирана; ее отделения находились в большинстве городов страны. Деятельность другой английской фирмы, «Хотц и Сын», также протекала на юге Ирана. Она имела свои многочисленные отделения в Бушире, Ширазе, Исфахане, Йезде, Султанабаде. Ее агенты имелись во всех крупных городах Ирана. Фирма занималась импортом английских хлопчатобумажных тканей и экспортом ковров и опиума. Она имела свои магазины в Тегеране и других городах.

Многочисленные английские торговые фирмы и компании действовали в районе Персидского залива. Они поддерживали связь с предприятиями Англии и Британской Индии, производившими товары для Ирана. Многие из них имели свои отделения в Бушире, Бендер-Аббасе, Исфахане и Ширазе.

Кроме вышеуказанных фирм перед первой мировой войной в Иране действовали следующие английские торговые фирмы: «Грей Пауль и К°» — в Бендер-Аббасе, Бушире, Ленге; «Левингстон, Зейтун и К°» — в Бендер-Аббасе, Бушире, Ленге; «А. и Т. И. Малькольм» — в Бендер-Аббасе, Бушире, Ленге; «Г. К. Диксон и К°» — в Бушире, Исфахане; «Шавуль Морад Хаем и Сын» (представляла индийские фирмы) — в Бушире; «Д. Сассун и К°» — в Лондоне, Керманшахе; «Сайкс» — в Керманшахе; «Форбес, Форбес, Кемпбелл и К°» — в Мешхеде; «Грей и Макензи» — в Мохаммере; «Ллойд Скотт и К°» — в Мохаммере; «Хилд Стивенс» — в Тебризе; «Худс Лтд» — в Тегеране; «Першин Арт Гэллери» — в Тегеране, Исфахане, Ширазе; «Братья Чеман и К°» — в Урмии⁹⁰.

Большую роль в расширении англо-иранской торговли играли английские консулы. Они сообщали о перспективах торговли в том или ином районе Ирана, о ценах на товары, о трудностях, с которыми могут столкнуться купцы, о рынках и т. п. Консулы поддерживали постоянные отношения с иранской администрацией, старались быть в дружественных отношениях с правителями городов, губернаторами провинций. Английские фирмы отпускали специальные средства консулам для подарков и подношений иранским чиновникам. В задачу консула входила организация и поощрение торговли английскими товарами внутри своей области. Для этого при каждом консуле имелся особый штат из английских подданных или местных жителей, торговавших в этом районе английскими товарами. Для поощрения торговцев консулы предоставляли им различные льготы, суб-

сидировали их. Кроме торговцев существовали агенты, чаще из местного населения, регулярно получавшие жалованье, которые были обязаны доносить консулу о состоянии торговли, о потребностях и о вкусах населения, о новых дорогах и т. д., т. е. все необходимые консулу сведения о торговле в данном районе. Английские консулы активно защищали интересы Англии, иногда даже вмешивались во внутренние дела Ирана. Так, например, в 1841 г. британский консул выразил протест против запрета иранского правительства на продажу чая в Тегеране и Тебризе, что могло отрицательно сказаться на торговле индийским чаем⁹¹. Иранское правительство было вынуждено пойти на уступки. В 1844 г. английский консул докладывал, что иранские купцы обратились к правительству Ирана с просьбой сократить импорт европейских тканей, «так как персидская мануфактура разрушается от ввоза иностранных тканей»⁹². Но под нажимом англичан эта просьба иранского купечества была отклонена шахским правительством. О подобной же просьбе, сделанной торговцами и предпринимателями Кашана, сообщает английский консул Аббот в 1845 г.⁹³ В 1853 г. английский консул протестовал против эмбарго на вывоз риса из Тебриза из-за плохого урожая в провинции и добился его отмены⁹⁴.

Английские консулы всячески содействовали распространению английских товаров. Так, в 1879 г. английский консул в Астрабаде Черчилль, воспользовавшись временно созданным тяжелым положением мазендеранских купцов, обещал им свою защиту только в том случае, если они дадут обязательство торговать исключительно английскими товарами. Купцам ничего не оставалось делать, как согласиться на это требование английского консула⁹⁵. С этой же целью консулы предоставляли некоторым иранским купцам, торговавшим английскими товарами, английское подданство. Это освобождало купцов от произвола местных властей. «Я дипломат-купец» — была излюбленной фразой всех английских дипломатических представителей. «Я прежде всего представитель нашей фабрично-заводской промышленности, и весь успех нашей политики состоит в том, что мы прежде всего завоевываем друзей и сторонников в торговом мире страны, где мы аккредитованы», — заявил посол Англии в Константинополе лорд Дофферин⁹⁶. И это характерно для большинства английских дипломатов.

Как уже указывалось, важную роль в развитии англо-иранской торговли играл Шахншахский банк. Банк предоставлял ссуды главным образом на финансирование торговых операций, уделял большое внимание внешней торговле Англии. В числе его акционеров были главы крупнейших фирм, которые вели торговлю с Ираном — Сассун и Хотц, а в его аппарате работали представители английских торговых компаний⁹⁷.

Но все более заметную роль во внешней торговле Ирана стало играть иранское купечество. В его руках была сосредоточена

большая часть как внутренней, так и внешней торговли страны. Среди иранских торговцев были оптовые и розничные. В первой половине XIX в. крупных торговцев было не очень много. И. Н. Березин, например, сообщал, что в Тебризе купцов, имевших капитал свыше 150 тыс. серебряных рублей, было только пять⁹⁸. Но во второй половине XIX в. в связи с развитием торговли, накоплением капитала, образованием внутреннего рынка выделяется слой довольно крупного купечества. Укрепление торгового сословия вело к активному участию его во внешней торговле. Закупка готовых изделий у производителей обычно происходила через специальных торговцев — оптовиков, которые перепродавали эти товары купцам-экспортерам. Крупные купцы имели свои торговые дома в Исфахане, Иезде, Ширазе, представителей — в Бушире, Бендер-Аббасе, в обязанности которых входили доставка товаров, фрахтовка и погрузка судов. Товары, предназначенные для Англии, продавались лондонским фирмам. М. Л. Томара сообщает, что мануфактура из портов Персидского залива импортировалась английскими фирмами, а вся другая торговля была сосредоточена в руках местного купечества⁹⁹.

Важную роль в иранской торговле играло армянское купечество, проживавшее в Иране. Установив обширные деловые и родственные связи в странах Европы и с некоторыми английскими торговыми домами, они осуществляли довольно значительные торговые операции. В области внутренней и внешней торговли действовали крупные торговцы Туманянцы, Джаханнаны и др. Для торговли с Британской Индией у иранских купцов в Бомбее всегда имелись свои агенты, которые продавали получаемый из Ирана товар на местном рынке; опиум, предназначенный для Китая и других стран, отправляли в Гонконг. Внутренняя торговля — оптовая и розничная — велась исключительно местным купечеством. Продажа иностранных товаров розничным торговцам происходила за наличные деньги и в кредит. Мануфактура продавалась при условии уплаты $\frac{2}{3}$ стоимости наличными и $\frac{1}{3}$ — векселями с рассрочкой на 30 месяцев при 12% годовых. Поэтому обычно торговцы стремились продать ее как можно быстрее. Металлы продавались с уплатой половины наличными, половины в кредит с рассрочкой от 15 дней до трех месяцев¹⁰⁰.

Иранское купечество активно конкурировало с иностранными фирмами, а иногда вступало с ними в борьбу. В 1864 г. купечество Тебриза организовало коллективный протест против деятельности иностранных фирм. Предлогом явилось неожиданное снижение цен на товары одной греческой фирмой, что принесло убытки иранской торговой общине. На четыре месяца все торговцы города прекратили дела со всеми иностранными фирмами. Товары были изъяты из продажи. Купечество предпочло уйти с рынка, нежели продавать товары по сниженным ценам. На несколько месяцев замерла деловая жизнь Тебриза. И только

постепенно, когда цены повысились, купечество возобновило дела¹⁰¹.

Английские консулы интересовались, будут ли иранские купцы препятствовать деятельности европейских фирм. И приходило к выводу, что к концу столетия иранское купечество выросло как количественно, так и с точки зрения финансовой мощи и в состоянии самостоятельно контролировать основную часть иностранной торговли¹⁰². В Тебризе, по сообщению консула Диксона, в 1858 г. 44 846 тюков товаров было переправлено иранскими торговцами, 34 318 — иностранными фирмами; в 1859 г. 51 339 тюков — иранскими торговцами, 35 552 — иностранными фирмами¹⁰³. Примерно 60% торговли Тебриза находилось в руках иранского купечества. В консульском отчете из Тебриза в конце XIX в. сообщалось, что очень многие иранские купцы стали сами заказывать товары в Европе, минуя иностранные торговые фирмы¹⁰⁴. Постепенно к началу XX в. и ввоз мануфактуры стал сосредотачиваться в руках иранских торговцев.

Развитие внешней торговли Ирана с капиталистическими странами способствовало укреплению торгового сословия в Иране. В его среде выделялись крупные деятели в области внутренней и внешней торговли, происходило зарождение иранской торговой буржуазии.

Как уже указывалось, важной чертой торговой политики Англии в Иране являлось неуклонное увеличение ввоза английских товаров в Иран по сравнению с вывозом иранских товаров. Пассивное сальдо характеризует торговлю Англии с Ираном на протяжении всего XIX века. Из европейских государств только Россия являлась единственной капиталистической державой, с которой Иран имел активный торговый баланс. Торговля других европейских государств с Ираном была столь же неэквилибренной, как и с Англией. Это приводило к хроническому пассивному торговому балансу Ирана.

Ежегодно дефицит торгового баланса равнялся примерно 10—15 млн. руб., несколько увеличиваясь или уменьшаясь в те или иные годы¹⁰⁵.

Постоянный дефицит торгового баланса заставлял Иран оплачивать золотом и серебром разницу между экспортом и импортом, что приводило к утечке этих металлов из страны. В то же время необходимо отметить, что такой длительный пассив во внешней торговле Ирана не мог существовать без систематического притока денежных средств в страну. М. Сенджаби отмечает, что, если бы внешнеторговый дефицит не покрывался из внешних источников, это привело бы страну к полному финансовому краху.

Кроме этого, определенный приток средств давали паломники к святым местам — около 700 тыс. ф. ст., переводы иранских рабочих, работавших за границей, главным образом в России, — около 1400 тыс. ф. ст.¹⁰⁶, контрабандная торговля и ввоз

Таблица 8

Размещение английских капиталов в Иране*,
ф. ст.

Место помещения	Сумма вложенного капитала
Английские телеграфные компании в Иране	50 000
Шахиншахский банк	1 000 000
Заем 1904 г.	314 281
Заем 1911 г.	1 250 000
Ссуда 1912 г.	140 000
Транспортные компании	100 000
Англо-персидская нефтяная компания	2 747 005
Персидский синдикат железнодорожного строительства	3 000 000
Компании ковровых мануфактур	200 000
Торговый флот и торговые фирмы	400 000
Фирма Циглер и К ^о	400 000

* The Economic History of Iran. 1800—1914. Ed. by Ch. Issawi, с. 359.

в страну золота и серебра. Так, с 1901 по 1914 г. было ввезено золота и серебра на 123 957 тыс. кран¹⁰⁷.

Пассивный торговый баланс Ирана компенсировался и за счет импорта иностранного капитала в страну. Импорт иностранного капитала способствовал развитию внешнеторговой экспансии, так как обеспечивал Англии денежные средства для покрытия части ее экспорта из Ирана. Это, в свою очередь, создавало зависимость экономики Ирана от ввоза иностранных капиталов и отражало полуколониальное положение страны¹⁰⁸.

Общая сумма английских капиталов, вложенных в Иран к 1914 г., составила около 9,5 млн. ф. ст. Размещались они следующим образом (см. табл. 8).

За годы экономической экспансии Англии в Иране английскими капиталистами была вложена достаточно большая сумма капитала в эту страну, что в значительной степени влияло на политику английского правительства, которое стояло на страже интересов буржуазного государства. Правительство Англии было связано этим фактором и всячески стремилось сохранить свои позиции в Иране и оградить интересы английских капиталистов. Экономическая экспансия империалистических держав отразилась и на хозяйственном развитии Ирана. Страна фактически превратилась в полуколонию. Полуколониальное положение Ирана особенно ярко проявилось в закреплении его в качестве аграрно-сырьевой базы для развитых капиталистических держав, в усилении его экономической и политической зависимо-

сти, в сохранении отсталого государственно-политического строя.

Проводниками английской колонизаторской политики в Иране являлся многочисленный отряд английских агентов, работавших в стране под гидом консулов, торговцев, служащих посольства и консульства, врачей, миссионеров, военных, инженеров и даже ученых.

Основным центром, из которого осуществлялось управление всей деятельностью английских представителей в Иране, служило английское посольство в Тегеране. Посольство состояло обычно из 12 официальных представителей: посол, первый секретарь, военный атташе, второй и третий секретари, два секретаря-востоковеда и при них три помощника, вице-консул и врач. Содержание их обходилось в год в 68 500 ф. ст., а иногда и больше¹⁰⁹. Кроме официальных сотрудников посольства при нем находилось большое количество неофициальных английских представителей: чрезвычайных посланников английского правительства, специалистов-востоковедов, молодых англичан, изучавших Восток и готовившихся к службе в многочисленных английских колониях и полуколониях, исследователей. При посольстве содержался штат английской прислуги и для охраны — вооруженные отряды сипаев.

В задачу сотрудников посольства прежде всего входило постоянное наблюдение за политикой иранского правительства, шахского двора, за действиями других европейских держав в Иране. Для этого посольство имело в своем распоряжении целый штат подкупленных агентов, завербованных из иранских подданных, часто занимавших высокие государственные посты, и собственно английских шпионов, прошедших специальную подготовку в разведывательных школах Англии. Ими чаще всего служили английские врачи, находившиеся при шахе. Имея беспрепятственный доступ в шахский гарем, этот центр всех новостей и сплетен, они были всегда в курсе дел и планов шахского правительства. Как уже отмечалось, англичанам удавалось превратить в своих агентов самых высокопоставленных лиц Ирана — вплоть до садр азама.

Кроме этого, английское посольство в Тегеране непосредственно руководило деятельностью многочисленных английских консульств и представительств, находившихся в различных городах и районах Ирана. Посольство направляло им инструкции и распоряжения, касавшиеся их деятельности, указывало на основные направления их работы, снабжало деньгами, письмами к губернаторам провинций и районов.

Такая централизация английской деятельности в Иране много усиливала ее эффективность и способствовала упрочению английского влияния в стране. На работе английского посольства в Тегеране сказывался многовековой опыт колонизаторской политики английских чиновников. Для того чтобы иметь в своем

распоряжении наиболее ценных и опытных работников, посольство следило за специальным образованием английских агентов, заставляло их изучать языки, страну, нравы и обычаи иранских народов. Служба любого английского агента в Иране начиналась прежде всего с его поездки по стране или району его деятельности¹¹⁰. Во время этих поездок английский агент знакомился с обстановкой в Иране, с помощью подкупов вербовал своих сторонников из местного населения, на которых он смог бы опереться в будущем.

Вообще вербовка, подкуп как можно большего числа сторонников из местного населения являлись одной из важных задач любого английского представителя в стране. Завербованные агенты из местного населения служили проводниками английской политики в Иране. Снабженные надлежащими инструкциями и распоряжениями, они обычно почти открыто действовали в нужном для них направлении. Но не всегда с помощью подкупов и подарков англичанам удавалось достигнуть успеха. В некоторых случаях, особенно в районах, далеко отстоящих от центра, на Персидском заливе, по отношению к наиболее несговорчивым правителям применялась и открытая сила.

Полное, безраздельное господство англичан в водах Персидского залива и на берегу облегчало эту задачу. Неповиновение правителя того или иного района или области могло окончиться его смещением или даже тайным убийством, как случилось в 1899 г. в порту Ленге, когда англичане захотели поставить там на место прежнего губернатора своего агента — шейха Мухаммеда¹¹¹.

Основными английскими представителями в различных районах и городах Ирана были консулы. Деятельность английских консулов имела две стороны: официальную, экономическую, заключавшуюся в поощрении и развитии англо-иранской торговли, и неофициальную — разведывательную. Она являлась наиболее значительной и важной стороной деятельности любого английского консула в Иране. Он обязан был тщательно исследовать район своей деятельности с военной, экономической и политической точки зрения, создавать многочисленную агентуру из местных жителей, бороться любыми способами с влиянием других государств.

Для того чтобы лучше познакомиться с положением в районах своей основной деятельности в Иране, проверить на местах работу английских консулов и других агентов и дать новые распоряжения, английский посланник в Тегеране совершал ежегодные поездки по стране с целым штатом английских агентов. Обычно в этих поездках его сопровождал караван подарков, которыми одаривались наиболее важные и нужные для англичан местные правители. Вот что доносил русский посланник в Иране К. М. Аргиропуло относительно поездки Дюранда по стране в 1899 г.: «Английский посланник Дюранд отправляется в путе-

шествие по стране, эта прогулка носит политический характер... Его путь лежит от Тегерана в Исфахан, дальше через земли бахтиаров в Ахваз, потом Дисфуль, Хамадан и в Лурестан. Английский посланник попытается склонить всех правителей и губернаторов на свою сторону. Следуя через земли бахтиар и луров, британский представитель несомненно увидится с начальниками этих племен и ...для удержания их в повиновении им будет обещано покровительство Великобритании... Садр азам отмечал, что эта поездка доставит много хлопот центральному правительству и отзовется на настроении местного населения в неблагоприятном для правительства смысле»¹¹².

Важное значение английское правительство придавало деятельности английских миссионеров в Иране. Мощным оружием в руках английских миссионеров служили созданные ими школы для обучения детей и больницы. Английские школы были открыты во многих городах Ирана: в Исфахане, Тегеране, Бушире и др. В Исфахане «английская духовная миссия установила прочную базу, учредив две школы на 340 детей обоего пола»¹¹³.

В 1895—1896 гг. английские миссионеры с целью распространения протестантства среди жителей селения Неджефабада Исфаханской области организовали там бесплатный госпиталь. Большое влияние имели миссионеры среди немусульманского населения Ирана, особенно парсов и евреев.

Важную роль проводников английской политики в Иране играли английские врачи. Снабженные английским правительством крупными денежными суммами, врачи открывали бесплатные больницы при английских консульствах. Лишенное всякой врачебной помощи иранское население было вынуждено идти в английские больницы и этим способствовало росту популярности консульства. Нередко английский «врач служил консулу прекрасным помощником для достижения политических целей»¹¹⁴.

Большое значение придавали англичане работе своего консульства в Мешхеде. С большим трудом, с помощью взяток английскому правительству в конце XIX в. удалось добиться разрешения на открытие консульства в этом городе. По распоряжению английского правительства консульству были предоставлены большие денежные средства, которые консул мог расходовать по своему усмотрению. Поэтому взятки, пенсии, жалованья, подарки местным правителям или агентам были особенно щедры в Хорасане. С помощью этих средств англичанам удалось приобрести под свое консульство огромную территорию с большим садом в самой лучшей части Мешхеда¹¹⁵. Организуя в центре города консульство, англичане рассчитывали поднять престиж своей страны среди местных жителей.

Предоставление земли английскому консульству в городе, где находится гробница имама Резы, вначале вызвало недовольство местного духовенства, которое сообщало шаху в своем

письме, «что праритель Хорасана, получив крупную взятку с англичан, допустил их утверждение в городе рядом с арсеналом, что угрожает серьезной опасностью и городу, и, главное, гробнице, ибо при первом неудовольствии против Персии англичане без труда могут взорвать арсенал, а с ним и весь город»¹¹⁶. Но англичане все уладили с помощью денег, и консульство было построено.

Английскими консулами в Мешхед назначались самые опытные агенты, хорошо знакомые с Востоком. Особо важное значение в работе английских консулов в Мешхеде имела их ежегодная поездка по округу, продолжавшаяся три месяца и более. Во время этой поездки консулы собирали различные географические, экономические и главным образом политические сведения, завязывали связи с местными правителями, с помощью взяток и подарков вербовали своих агентов из местного населения. В 1897 г. британский консул полковник Йет предпринял трехмесячную поездку по округу под предлогом поправления здоровья. Он производил съемку местности, лежащей около Мешхеда¹¹⁷. По пути полковник собирал статистические и этнографические сведения, исследовал направления и определял высоту хребтов и перевалов, осмотрел известные бирюзовые копи. В 1897 г. новый английский консул в Мешхеде — полковник Темпл совершил также поездку по округу, делая богатые подарки местным правителям, посетил Келат.

Во время своих поездок консулы раздавали оружие местным жителям, которое им тайно доставлялось английскими агентами. Так, после поездки консула Йета у жителей села Фирюзе на границе с Россией были обнаружены английские ружья¹¹⁸. В 1901 г. мешхедской таможней была задержана большая партия ружей системы «Генри Мартини» и значительное количество патронов, привезенных из Бендер-Бушира двумя английскими подданными¹¹⁹. Английский консул в Мешхеде просил пропустить это оружие, предназначенное, как он утверждал, для подарков разным лицам.

Империалистическая политика Англии оказала отрицательное воздействие на все стороны развития Ирана. Она способствовала его экономическому закабалению, политическому подчинению, разложению всей феодально-государственной системы страны.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ИРАНА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Как и в большинстве стран Востока, начало колониальному закабалению Ирана было положено его политическим подчинением, которое стало исходным пунктом и важнейшим условием превращения страны в полуколонию. XIX век был драматичен в истории Ирана. Три проигранных войны — две с Россией и одна с Англией — окончились заключением неравноправных политических и торговых договоров и положили начало капитуляционному режиму в Иране. Договоры и ряд последующих соглашений ограничили суверенитет Ирана.

Столкнувшись с развитыми капиталистическими державами, Иран не смог оказать им ни военного, ни политического, ни экономического сопротивления. К концу XIX в. иностранный империализм глубоко проник в экономическую и политическую жизнь Ирана. Были захвачены важнейшие концессии и монополии, предоставлены кабальные займы, посредством которых установлен контроль над иранской экономикой. Развитие торговли с капиталистическими государствами способствовало втягиванию Ирана в международный капиталистический рынок, превращению его в аграрно-сырьевую базу европейских стран.

В результате активного проникновения иностранного империализма в Иран происходили важные изменения в социально-экономическом положении страны.

Иран XIX в. являлся типичной восточной средневековой страной, где продолжали господствовать феодальные производственные отношения. В конце XVIII в. к власти пришла новая династия — Каджары, произошла замена одной правящей феодальной группировки другой. Однако в недрах иранского феодального общества уже начали складываться первые предпосылки для нового общественного уклада. Об этом свидетельствовали попытки проведения социально-экономических реформ наиболее дальновидными государственными деятелями Ирана, такими, как Аббас Мирза и Амир Кабир¹. Но несомненно, что главный импульс к социально-экономическому и политическому развитию Ирана во второй половине XIX в. дали капиталистические государства, прежде всего Англия и Россия². Они способ-

ствовали развитие иранского общества по капиталистическому пути, оказали определенное политическое и культурное влияние на Иран. Но так как начальные процессы в капиталистическом развитии Ирана происходили не в результате естественной социально-экономической эволюции страны, а совершались под влиянием империалистических государств, это и предопределило неравномерность и замедленность переустройства иранского общества.

Постепенно в течение XIX в. Иран теряет свою экономическую и политическую самостоятельность и превращается в полуконию Англии и России. Под воздействием иностранного капитала иранская экономика приобретала типично колониальный характер.

Как отмечали многие западноевропейские и русские путешественники, побывавшие в Иране в XIX в., в стране с давних времен было развито ремесленное производство тканей, ковров, посуды, кож, изделий из меди и серебра. Изделия иранских ремесленников находили большой спрос в Европе. Однако к концу XIX в. в результате конкуренции иностранных промышленных товаров прекратили свое существование целые отрасли кустарной промышленности Ирана³. «Некогда известные высококачественные фаянсовые и гончарные изделия совершенно исчезли с рынков Ирана, высокоценные вазы и посуда синего и зеленого цвета нигде больше не выделялась. Резко сократилось производство металлической продукции из меди, бронзы и серебра⁴. Хлопчатобумажная промышленность впадала в жалкое существование. Сократилось шелководство.

Ковроделие, коженное производство были теми немногими отраслями местной иранской промышленности, которые еще продолжали развиваться. Устойчивость этих отраслей объяснялась большим спросом на их изделия на мировых рынках и тем, что именно в эти отрасли как наиболее выгодные устремился иностранный капитал⁵. В конце XIX — начале XX в. ковроделие как важнейшая отрасль национальной иранской промышленности получило еще большее развитие и в то же время попало под полный контроль иностранного капитала, причем этот контроль распространялся как на сферу производства, так и на сферу сбыта⁶.

Втягивание Ирана в орбиту мирового рынка оказало глубокое влияние и на сельское хозяйство страны, которое составляло основу иранской экономики. В земледелии было занято 90% населения. В этой отрасли трудились не только жители деревень, но и значительная часть населения городов. Основными культурами иранского сельского хозяйства являлись пшеница, ячмень, рис, хлопчатник, опийный мак и др.⁷.

В результате проникновения империалистических государств в Иран растет зависимость его сельского хозяйства от потребностей мирового рынка. Все большее значение начинают приобре-

тать те культуры, которые находят сбыт на мировом рынке, такие, как хлопок, рис, опийный мак; под них отводятся все большие площади земли, в основном за счет сокращения производства зерновых культур. Тысячелетиями складывавшаяся специализация сельскохозяйственных районов Ирана, приспособленных к определенным природным и хозяйственным особенностям, нарушалась. Это тяжело сказывалось на экономическом положении страны. Русский консул сообщал из Исфахана в 1899 г., что в последнее двадцатилетие XIX в. губернатор Исфаханской провинции Зелли-Солтан, которому принадлежало 60% всех земель провинции, засеял большую часть своих владений хлопчатником и опийным маком, значительно сократив площади под зерновыми культурами⁸. Такую же картину можно было наблюдать и в других районах Ирана. Причем север Ирана в основном специализировался на хлопчатнике и рисе, так как они являлись главными статьями русского импорта, а юг — на опийном маке, вывозимом Англией. На южные провинции, а также Исфахан и Иезд приходилось около 87% общего сбора опийного мака⁹. Джемаль-заде также подчеркивает эту особенность развития иранского сельского хозяйства в конце XIX в.: «Хлопок сделался одной из самых крупных статей иранского экспорта, составив $\frac{1}{5}$ всего вывоза из Ирана. Резко возрос и вывоз опиума: с 1876 по 1880 г. в 8 раз»¹⁰. Сокращение посевов зерновых культур за счет расширения посевов экспортных культур тяжело отразилось на положении трудящихся масс страны: голодные годы следовали один за другим.

Продукты иранского садоводства всегда служили предметом вывоза. В связи с расширением связей Ирана с мировым рынком количество экспортируемых сухих и свежих фруктов значительно возросло и в стоимостном выражении занимало второе место после хлопка¹¹. Возросший спрос на иранские фрукты повлек за собой расширение площадей под садоводческими культурами и превращение Ирана в крупного поставщика сухих фруктов.

Но эти изменения в сельском хозяйстве почти не затронули технического уровня земледелия, который продолжал оставаться крайне примитивным. Главными орудиями земледелия, как и в прошлые века, были деревенская соха, плуг, борона, а также лопата и серп¹². Некоторые самые примитивные сельскохозяйственные машины — хлопкоочистительные, для сушки фруктов, упаковочные и др. — являлись большой редкостью в Иране и применялись только в отдельных, наиболее крупных хозяйствах.

Определенные сдвиги происходили и в животноводстве Ирана. Скотоводством занимались преимущественно кочевые и полукочевые племена, которые составляли примерно $\frac{1}{3}$ населения страны. Племена Ирана являлись наиболее консервативной социальной группой, сохранявшей вплоть до конца XIX в. патриархально-родовой уклад или стойкие пережитки последнего¹³.

По мере втягивания иранского сельского хозяйства в орбиту мирового рынка значительно возрос экспорт продуктов животноводства, и прежде всего кож, шерсти и козьего пуха¹⁴.

Несмотря на то что товарное производство еще не было господствующим во всем земледельческом хозяйстве, увеличение поставок продуктов сельского хозяйства Ирана на экспорт свидетельствовало о глубоких процессах, происходивших в иранском обществе, и о его переходе от феодального общества к полуфеодальному и появлению начальных элементов капиталистического развития¹⁵. В то же время невиданное доселе развитие товарных отношений в иранской деревне и в стране в целом происходило в условиях крайней экономической отсталости Ирана, чрезвычайно ограниченного внутреннего рынка и определялось в основном интересами мирового хозяйства, а не потребностями национального экономического развития¹⁶. Эволюция полуфеодальных отношений в Иране сопровождалась важными изменениями в структуре землевладения, и прежде всего в закреплении частной собственности на землю. Официально верховным собственником земли являлось государство. Только шах мог распоряжаться земельным фондом страны. В начале XIX в. около 1/3 пригодной к обработке земли принадлежало государству¹⁷. Фонд государственных земель особенно увеличился при Каджарах — Ага-Мохаммед-шахе и Фатх-Али-шахе. Но несмотря на то что юридически земля являлась государственной собственностью, фактически ею владели на основе шахских пожалований за несение государственной и военной службы, заслуги перед государством и т. п. феодалы, ханы племен, шиитское духовенство¹⁸. Зачастую это право на пользование землей переходило по наследству. Ограниченное признание частной собственности на землю произошло на основании закона 1843 г., когда хозяевам земли были признаны казна, помещики и крестьяне¹⁹. Часть крестьян владела небольшими участками земли, большинство же арендовало землю у помещиков. Существование трех видов самостоятельной собственности на землю и отсутствие четко закрепленного землевладения открывало возможность для перераспределения земельных угодий и концентрации их в руках каджарской администрации, ханов племен, представителей высшего духовенства, верхушки крупного купечества. Наиболее активно процесс закрепления земель в частную собственность происходил в последней четверти XIX в., что было связано с расширением торговли с капиталистическими странами и превращением Ирана в поставщика сельскохозяйственной продукции на мировой рынок. В условиях упадка иранского ремесла и промышленности земля являлась единственным гарантированным источником дохода. Поэтому характерным явлением конца XIX в. является значительное увеличение вложений капиталов в землевладение.

Этому процессу во многом способствовала династия Каджа-

ров, которая постоянно нуждалась в деньгах и продавала государственные земли — халесе²⁰. Во второй половине XIX в. из-за хищнической эксплуатации земли и низкого уровня ведения хозяйства наблюдался глубокий упадок хозяйства на землях халесе: они не приносили почти никаких доходов. В 1886/87 г. шахский двор издал специальный фирман о продаже государственных земель²¹. При этом продажа производилась по цене ниже обычной цены частновладельческих феодальных земель²².

Рост частного землевладения происходил не только за счет земель халесе, но и в результате насильственного захвата земель мелких и средних землевладельцев, крестьянских и общинных земель. Так, например, старший сын Наср эд-Дин-шаха Зелли-Солтан имел в личной собственности около 2 тыс. селений почти с миллионным населением.

В своем донесении русский консул в Исфахане сообщал о стремлении богатых землевладельцев к увеличению личной собственности, о том, что Зелли-Солтан и главные моджтехиды в погоне за увеличением своих поместий, ценность которых возрастает с каждым годом, не останавливались ни перед какими средствами, дабы побудить мелких собственников продать им, большей частью за бесценок, свои имения. При этом они преследовали не только материальную выгоду от сельского хозяйства, но и приобретали большое количество крестьян²³.

Высшее шиитское духовенство, сосредоточившее в своих руках управление вакфными владениями, также различными путями увеличивало свою земельную собственность. Тенденция к превращению вакфов в частную собственность в конце XIX в. получила широкое распространение. Крупные земельные владения приобрели главные моджтехиды Исфахана и других городов²⁴. Ханы племен, используя военную силу, тоже захватили большие земельные угодья. Эти земли ранее находились или в общинной собственности племен, или обрабатывались оседлым населением деревень. В результате ухудшилось положение рядовых членов племен, а оседлое население было вынуждено уплачивать ханам дополнительную ренту²⁵.

К началу XX в. около 90% всех обрабатываемых площадей страны фактически находились в частной собственности²⁶. Основной земельный доход концентрировался в руках крупных землевладельцев, которых в 1900 г. уже насчитывались сотни²⁷. Вместо традиционных трех форм землевладения в Иране господствующей становится частная помещичья собственность — арбаби.

Важную роль в трансформации землевладения в Иране играла и торговая буржуазия. Усилился процесс перехода крупных земельных участков к купечеству, т. е. происходило сращивание торгового капитала с сельском хозяйством. Причина этого заключалась не только в том, что земля являлась самым выгодным помещением капитала, но и в том, что купечество,

которое было скупщиком и экспортером сельскохозяйственного сырья, естественно, стремилось захватить в свои руки и его производство, чтобы освободиться от переплаты помещику. Пришедший в деревню купец начинал заниматься производством сырья, и его первичной обработкой, и его экспортом²⁸.

Новые экономические условия конца XIX в., связанные с развитием торговли, накоплением капитала и приобретением земель, обусловили рост и укрепление торгово-ростовщической буржуазии и купечества в Иране. Зарождавшийся класс национальной буржуазии вступал в конфликт с иностранным империализмом, который создавал значительные трудности для его деятельности в области торговли, промышленности и финансов²⁹. Как отмечал М. П. Павлович, проникновение европейского капитала в остальные страны, не способные защититься от внешнего экономического натиска, на первых порах ведет к оживлению экономической жизни, к разрушению старых устоев патриархального быта данной страны, к развитию внутреннего и внешнего товарного обращения, к увеличению богатств, численности и влияния местного купечества. Но как только местная торговая буржуазия обнаруживает тенденцию выделить из своего состава класс фабрикантов и заводчиков, как только посредник между европейским капиталом и местным потребителем обнаруживает стремление взять на себя самого роль предпринимателя, внешнее экономическое влияние империалистических государств становится тормозом для экономического прогресса отсталой страны, роста ее производительных сил³⁰.

Рост крупного землевладения сопровождался обезземеливанием крестьянства, протекавшим главным образом насильственным путем, и ухудшением его положения. Лишение крестьян земли приобретало наиболее интенсивный характер именно в районах возделывания экспортных культур. К началу XX в. происходит значительное сокращение крестьянского землевладения³¹.

Крестьяне, лишённые земли, попадали в еще большую экономическую зависимость от помещика. В большинстве своем крестьяне являлись издольщиками. Отношения между ними и землевладельцами строились на основе традиционной пятичленной системы.

Кроме определенной части урожая, которую крестьянин вносил землевладельцу в зависимости от того, какими средствами производства он владел, издольщик был обязан отрабатывать ряд натуральных и денежных повинностей феодалу-помещику. Большинство крестьян не имело ничего, кроме рабочих рук, и при аренде помещицкой земли они получали не больше $\frac{1}{5}$ урожая.

Не менее обременительным для крестьянского хозяйства и его бюджета, в том числе для парцельного хозяйства немногочисленного отряда крестьян-собственников, был государствен-

ный налог — малиат. «Организация сбора малиата была в высшей степени несовершенна: каждая провинция, округ, уезд имели свою собственную податную систему и обычно находились на откупе у правителя. В тех хозяйствах, где малиат уплачивался самими феодалами-помещиками, последние обирали крестьян путем завышенной земельной ренты. А в тех случаях, когда малиат собирали государственные финансовые чиновники непосредственно с крестьян, последним приходилось еще хуже, так как они собирали малиат с большой алчностью и жестокостью, вдвое или втрое против нормы»³². Кроме прямых налогов крестьяне уплачивали многочисленные косвенные налоги.

Непомерные, самовольно устанавливаемые поборы и налоги с населения приводили целые районы страны к полному опустошению. Русский консул в своем донесении из Гиляна писал: «Гилян разорен до последней степени поборами здешних правителей, взимаемыми под видом малиата и другими путями. Правители под видом сбора малиата грабили народ беспощадно, ограждая себя от ответственности за незаконный грабеж тем, что, получая полную сумму, нужную за удовлетворение малиата, собираемого ими, выдавали расписку в получении половины, или двух третей, кладя остальные в своей карман»³³.

Экономическое положение крестьян ухудшалось в связи с распространением наряду с натуральной и отработочной денежной ренты. Денежная рента предполагала уже более значительное развитие торговли и товарно-денежных отношений в стране. Она получила распространение главным образом в районах больших городов. С введением денежной ренты положение крестьян зависело уже не только от урожая, но и от рыночных цен на сельскохозяйственные продукты их производства. Для того чтобы выплатить помещику денежную ренту, крестьянину все чаще приходилось прибегать к займам. Главным кредитором являлся все тот же помещик, а нередко и лавочник, мобашир, кетхода и другие зажиточные лица деревни. Проценты под заем достигали невиданных размеров, доходя иногда до 200. Постепенно крестьяне делались полностью зависимыми от деревенских ростовщиков, и их задолженность им росла с каждым годом; иногда крестьяне вынуждены были продавать свою долю урожая на несколько лет вперед.

Иранские крестьяне были лишены всяких политических прав. Они находились в полной зависимости от феодала-помещика, который мог свободно распоряжаться их жизнью, подвергать различным материальным лишениям и наказаниям.

Многие иранские историки отмечают ухудшение положения крестьян в конце XIX — начале XX в. Кермани сообщал, что крестьяне Ирана чрезвычайно бедны. Среди них можно встретить таких, которые, не имея возможности заплатить до конца все полагающиеся с них налоги, продавали своих дочерей помещику или сборщику податей³⁴.

Не лучше было положение и ремесленников Ирана. Разорение иранского ремесла лишило их работы и средств к существованию. Большинство ремесленников устремились в города, где пополнили ряды городской бедноты, количество которой угрожающе возросло в рассматриваемое время. Часть ремесленников снова возвращалась к земледелию, но и это было трудно осуществить, так как в иранском сельском хозяйстве в результате обезземеливания крестьян существовал излишек рабочих рук. Найти работу в Иране они не могли. Прямым результатом этого процесса явилось увеличение отходничества из иранского села. Ввиду слабости спроса на рабочие руки в городах Ирана крестьяне и ремесленники вынуждены были искать работу за пределами своей родины.

Кермани писал, что ежегодно тысячи людей покидали Иран и уходили в другие страны³⁵. Наибольшее количество рабочих уходило в Россию. Только из г. Ардебиля с окрестностями в Россию ежегодно уходило 30—40 тыс. рабочих, т. е. почти по одному от каждого крестьянского двора³⁶.

Формирование рабочего класса Ирана происходило замедленными темпами. Но характерной особенностью рассматриваемого периода было то, что уже в это время начинали зарождаться элементы будущего рабочего класса³⁷. Это были прежде всего разоренные крестьяне и ремесленники, тысячами уходившие на заработки в Россию. Основная их масса устремлялась на нефтяные промыслы пролетарского Баку, богатого революционным опытом и традициями, часть рабочих направлялась в Тифлис, Эривань, Астрахань, Ташкент, Ашхабад и другие города³⁸.

Иранские рабочие были свидетелями борьбы российского пролетариата, многие из них сами участвовали в забастовочном движении и в революционной борьбе с царским самодержавием. Возвращаясь в Иран, они несли с собой славные революционные традиции российского пролетариата. В период иранской революции 1905—1911 гг. эти рабочие продемонстрировали стойкость и сплоченность в борьбе; именно они являлись до конца последовательно революционной силой. Эти рабочие стали главным ядром складывавшегося рабочего класса Ирана.

Рост аренды и купли-продажи земельных участков, развитие товарного хозяйства, углубившаяся дифференциация в деревне и образование рынка рабочей силы — все это начальные признаки развития капиталистических отношений, которые были характерны для экономического и политического развития Ирана конца XIX — начала XX в.

Колониальному закабалению страны во многом способствовал феодально-монархический режим Ирана. Верховным и неограниченным правителем являлся шах, который управлял страной вместе с окружавшей его придворной кликой, отражая и защищая интересы феодально-помещичьего класса. В рассматриваемое время шахом Ирана был Наср эд-Дин, правивший стра-

ной почти 50 лет — с 1848 по 1896 г. Долгое правление и личные качества самого шаха наложили определенный отпечаток на развитие Ирана второй половины XIX столетия. Значительная часть русских и иностранных авторов и путешественников, посетивших Иран, характеризовали Наср эд-Дина-шаха как властолюбивого, жестокого, мелочного, крайне жадного до денег, развратного, любившего пышные увеселения человека. Любовь к роскоши, расточительству приводили к тому, что шах постоянно нуждался в деньгах³⁹. Этим умело пользовались иностранные представители, предлагавшие шаху крупные взятки и вознаграждения за выгодные концессии, монополии на эксплуатацию природных богатств Ирана. Даже садр азам Амин ос-Солтане вынужден был признать, что «корыстолюбие шаха развилось до такой степени, что он способен ни перед чем не останавливаться и жертвовать не только интересами государства, но и собственными для минутного удовлетворения алчности. Страсть эту, усиливающуюся почти с каждым годом, стремились обратить в свою пользу иностранные аферисты, делающие шаху самые заманчивые предложения для приобретения какой-либо монополии или концессии. Шах проявляет полное равнодушие к пользам государства и народа, все заботы его посвящены гарему, который он постоянно увеличивает, тем самым нуждаясь на содержание его в более и более значительных средствах, для приобретения коих он изыскивает новые источники, старческим же прихотям этим приносятся в жертву самые насущные потребности государства, упадок которого быстро возрастает»⁴⁰.

Значительные суммы тратились на неоднократные поездки шаха в Европу. В «Санкт-Петербургских ведомостях» сообщалось, что «на поездки шаха в Европу ушли последние миллионы из тех, которые были ссужены в виде займа, и теперь явилась настоятельная потребность в новых займах, а пока что — трещат спины и вздуваются пятки народа»⁴¹. Кроме этих поездок за границу шах каждое лето совершал увеселительные прогулки по стране со своей многочисленной семьей, стоившие значительных средств и приносявшие немало бедствий трудящимся Ирана. Тегеранский корреспондент газеты «Франкфуртер Цайтунг» сообщал, что каждая такая летняя поездка шаха была «равносильна в Персии голному разграблению посещаемых им провинций»⁴². После поездки Наср эд-Дина в Мазандеран в провинции начался сильный голод, так как «у крестьян на подарки и содержание шахской свиты было изъято огромное количество продуктов»⁴³. В 1892 г. шах совершил поездку на юго-запад от Тегерана. Во время этой «прогулки» он собрал многочисленную дань с губернаторов в виде крупных денежных подарков. Последние же для покрытия издержек, вызванных приездом шаха, во второй раз собрали налог с райатов, в результате чего многие из них разорились и покинули свои родные места⁴⁴.

Первые годы царствования Наср эд-Дина ознаменовались

реформаторской деятельностью Таги-хана Амира Кабира, который провел ряд реформ с целью модернизации Ирана, приспособления его к новым историческим условиям. Вначале шах поддерживал Амира Кабира, но вскоре под влиянием реакционной дворцовой группировки жестоко расправился с ним. Впоследствии он провел ряд реформ по улучшению государственного управления, сбора налогов и т. д. Но в последнее десятилетие своей жизни, будучи уже старым, больным человеком, Наср эд-Дин-шах больше думал о своей персоне, чем о благополучии страны, и предпочитал блага жизни государственным делам. За небольшим исключением, он окружил себя безынициативными корыстолюбивыми людьми, которые выступали против реформ, мешали любым нововведениям⁴⁵. Одним из наиболее важных мероприятий Наср эд-Дина в конце его правления было опубликование в 1888 г. фирмана о свободе личности, охране имущества, развитии промышленности⁴⁶. Шах объявил, что все его «подданные могут считать себя по отношению к своей личности и постоянно совершенно свободными и полноправными и без всякого страха и опасения располагать своим имуществом, составлять общие капиталы, организовывать компании для устройства фабрик и заводов, гостройки дорог и вообще всякого рода предприятий»⁴⁷. Этот фирман был составлен шахом и Амином ос-Солтане под влиянием зарождавшейся национальной буржуазии, деятельность которой тормозилась вопиющим беззаконием, царившим в Иране. В условиях феодальной страны без проведения соответствующих реформ этот фирман вряд ли мог быть осуществлен. Русский посланник доносил из Тегерана: «Шахское воззвание останется без всяких последствий для развития общественного благосостояния, о чем известно и самому шаху из опыта»⁴⁸.

После убийства Наср эд-Дина в 1896 г. шахом Ирана стал его сын, слабохарактерный, больной Мозаффар эд-Дин. В период его правления разложение государственного аппарата приняло еще более широкие размеры. Шах окружил себя министрами, не имевшими никакого авторитета в стране и помышлявшими только о своекорыстных целях. Они совершенно забросили все государственные дела, которые не были связаны с их личным обогащением.

Русский консул Щеглов в своем донесении от 10 сентября 1897 г. дал яркую характеристику правящих кругов Ирана конца XIX в.: «Интриги вокруг шаха идут своим чередом, и все, начиная от первого министра, только и заняты здесь происками против того или другого лица, стоящего более или менее близко к шаху. О самой Персии, ее нуждах нет никому времени думать. Администрация, финансы, весь строй Персии оставлен на произвол судьбы, пока власть имущие тратят силы и энергию на придворные интриги и корыстолюбивые домогательства»⁴⁹.

Вторым лицом после шаха был садр азам, который непосред-

ственно управлял страной и ведал всеми делами. Садр азам имел большую власть в стране, без его печати даже шахские приказы считались недействительными.

При шахе находился Государственный совет, состоявший из представителей феодально-помещичьей знати и высшего духовенства. В рассматриваемое время он не играл почти никакой роли в государстве и собирался очень редко. Большинство вопросов разрешалось самолично шахом, садр азамом, министрами.

Характерным явлением конца XIX в. являлась бюрократизация аппарата управления. В 1858 г. в Иране существовало шесть министерств, а к концу XIX в. их число возросло до 14. Причем в каждом министерстве имелся многочисленный штат чиновников.

Не менее громоздким являлся местный государственный аппарат. В административном отношении Иран в то время разделялся на 30 провинций и областей, во главе которых стояли генерал-губернаторы и губернаторы, назначавшиеся шахом. Генерал-губернаторы, в свою очередь, набирали себе целый штат чиновников и слуг, состоявший из визиря, заведующего финансовой частью, феррашбаши (полицейстера), феррашей и множества лиц без определенных должностей, но получавших жалованье.

Обязанности генерал-губернаторов в отношении шаха ограничивались лишь посылкой ежегодной определенной суммы в казну и выставлением по его требованию военного отряда. Но очень часто даже и эти обязанности не выполнялись.

Генерал-губернаторы и губернаторы были в своих провинциях и областях неограниченными правителями. Они решали различные судебные дела, назначали местные власти, собирали налоги и т. д. Жалобы на губернаторов только в чрезвычайно редких случаях доходили до центра, так как телеграфисты и чиновники действовали всегда заодно с губернаторами.

Стремление губернаторов к независимости от центрального правительства иностранные капиталисты использовали в своих интересах. Они покровительствовали отдельным генерал-губернаторам, поддерживали и развивали их сепаратистские стремления.

Рост политического закабаления Ирана вел к ослаблению центральной власти. Несмотря на формальную независимость, назначение министров и крупных чиновников в Иране в конце XIX — начале XX в. во многом зависело от позиций России и Англии и от их борьбы за влияние в стране. Так, например, когда в 1897 г. Мозаффар эд-Дин-шах назначил первым министром Амина од-Доуле, английские представители в Иране сделали все, чтобы добиться отставки нежелательного для них министра и вторичного назначения своего сторонника Амина ос-Солтане⁵⁰.

Губернатором Фарса был также поставлен сторонник англичан принц Фарман-Фарма, который единолично управлял провинцией, совершенно не считаясь с центральным правительством, и консультировался только с английским консулом. В течение двух лет иранское правительство не получало с этой богатой провинции вообще никаких налогов⁵¹. Не лучше обстояло дело и в Исфаханской провинции, которая находилась в управлении другого союзника Англии, Зелли-Солтана. «Положение на юге Персии,— сообщает русский консул в своем донесении из Исфахана от 17 января 1899 г.,— продолжает оставаться крайне тяжелым. Своевольные правители, совершенное истощение государственной казны, угнетенное состояние населения, страдающего от непосильных налогов, взимаемых по несколько раз, представляют собою крайне грустную картину внутреннего разложения страны, правительство которой не обнаруживает ни малейшего желания для улучшения положения»⁵². Первый министр шаха Амин ос-Солтане сообщал Наср эд-Дину в 1888 г., что два его сына — Зелли-Солтан на юге и Наиб ос-Солтане на севере — непомерными поборами, самодурством и самоуправством довели население вверенных им провинций до полной нищеты⁵³.

Наиболее характерной особенностью загнивания политической надстройки Ирана явился необычайный рост коррупции и взяточничества. «Взяточничество распространено по всей Персии между всеми — от великого до малого»⁵⁴, — писал Мисль Рустем, несколько лет проживший в Иране.

Крупнейшим взяточником был сам шах. Тот же автор отмечал, что Наср эд-Дин-шах очень любил подарки, взятки, которые принимал от всех и на всякую сумму; в армии даже вошло в обычай на смотрах подносить шаху поднос с золотом, количество которого зависело от численного состава полка и ранга командира. При этом шах не стеснялся брать и сравнительно маленькую сумму в 100 туманов и еще меньше⁵⁵.

Все назначения министров, генерал-губернаторов и других высших чинов администрации полностью зависели от размеров взятки, даваемой шаху. Наср эд-Дин-шах постоянно изыскивал все новые и новые способы получения взяток и подарков.

Не менее продажным было и окружение шаха. Не только взяточничество являлось отличительной чертой всего государственного строя Ирана рассматриваемого периода, но и необычайный грабёж и расхищение казны и государственных доходов.

Из 2 млн. туманов, ежегодно поглощаемых военным министерством, большая часть денег задерживалась в кармане самого военного министра, часть расхищалась военными, мостоуфи и другими служащими, и только самая незначительная часть оставалась на содержание солдат⁵⁶.

Мисль Рустем писал, что, по отзывам самих персидских чи-

новников, министр юстиции — это «самый большой вор и самое большое несчастье Ирана»⁵⁷.

Продажность и взяточничество были присущи не только центральному государственному аппарату, но получили еще более широкое распространение и в местных провинциальных органах. Утверждение и назначение генерал-губернаторов полностью зависело от размеров взятки шаху и садр азаму, причем генерал-губернатор обязан был ежегодно отправлять крупную сумму денег шаху и его приближенным, если хотел сохранить свое место. В своих районах и провинциях генерал-губернаторы строили правление по образцу центра. У себя в районах они назначали правителей и чиновников также в зависимости от размера взятки.

Русский консул Щеглов в своем донесении от 11 ноября 1897 г. сообщал, что особенно в конце XIX в. «система взяточничества и незаконных поборов, при помощи даже пыток получила повсеместное распространение в Иране»⁵⁸.

Система взяточничества применялась и в судебно-правовых органах Ирана. И в светских, и в духовных судах все решала взятка: «Чем значительнее взятка, тем убедительнее доказательства; право и правда признавались за стороной, предложившей большую взятку»⁵⁹.

Судебно-правовая система Ирана состояла из духовных и светских судов. Гражданские дела были переданы церкви, уголовные — светскому суду. В последнюю четверть XIX в. особенно обострилась борьба между духовенством и центральной властью за влияние в судопроизводстве.

Коррупция государственной системы управления Ирана проявилась и в широком распространении в рассматриваемое нами время откупной системы.

Все источники государственных доходов, сбор налогов, податей, таможенных пошлин, все должности центрального и местного аппарата сдавались на откуп. Откупная система тормозила развитие хозяйства страны: откупщик, приобретший за высокую плату право на должность или сбор налога и т. п. на один год, был больше заинтересован в возможно скорейшем получении прибыли, чем в производстве каких-либо затрат на улучшение хозяйства страны, которые окупались бы только через несколько лет. Откупная система крайне тяжело отражалась и на положении населения: каждый откупщик старался в самом начале своей деятельности собрать с лихвой все налоги, так как иногда его могли заменить даже в течение одного года, в зависимости от того, предложит ли кто-нибудь другой большую сумму за тот же откуп.

Взяточничество, продажа должностей, откупная система приводили к тому, что ответственные государственные должности занимались совершенно безграмотными людьми, ничего не понимавшими в тех делах, которыми они были обязаны руководить.

Так, во главе одного из самых важных министерств страны — военного в рассматриваемое нами время стоял сын Наср-эд-Дин-шаха, ничего не понимавший в военном деле⁶⁰. Или еще пример: министром иностранных дел был назначен совершенно необразованный и безграмотный человек⁶¹.

Едко и в то же время с болью говорит Мальком-хан о правителях Ирана: «Если бы я был в числе мудрецов государства, т. е. если бы я расхаживал в сопровождении полсотни голодных слуг, а впереди меня вели на поводу несколько тощих лошадей, если бы я тратил на себя тысяч двадцать государственных денег и изо всех наук, необходимых для полного образования, не знал ни одной, и если бы предки мои в сообществе с несколькими другими ворами грабили Персию от времени до времени под предлогом управления краем, если бы я был украшен замысловатыми тонкостями важничанья и народное бедствие делал предметом своих высших помышлений, — тогда, сильный такими „достоинствами“, я решился бы сказать, что Персию ждет в будущем»⁶².

Коррупцированная государственная система управления Ирана не только не могла противостоять английскому империализму, но прямо или косвенно содействовала его проникновению в страну. Англичане, со своей стороны, делали все возможное, чтобы углубить и расширить явление коррупции, разложения в иранском государстве.

Правящая верхушка Ирана во главе с шахом, стремящаяся только к личному обогащению и удовольствиям, облегчала англичанам закабаление страны, которые с помощью взяток и различных наград получали в свое распоряжение целые отрасли хозяйства, концессии или крупные политические уступки.

Интересные факты сообщает в своей работе Ч. Гардинг. Он рассказывает, что Д. Вольф во время своего пребывания в Иране ввел специальную «Медаль Вольфа». Имелось два вида этой медали, представлявшей собой золотую или серебряную звезду на красной или голубой ленте. Используя любовь персов к различным орденам, Вольф награждал ими тех, кто имел особые заслуги перед английской миссией в Иране. Большинство иранских сановников стремилось выслужиться перед Вольфом и любой ценой заработать эту медаль. Министерство иностранных дел Великобритании ничего не знало или делало вид, что не знает об этой медали⁶³. Кермани писал, что «не может быть никакой пользы от правительства, когда чиновники, имеющие власть, управляют страной ради взяток»⁶⁴.

Расточительство шахского двора и всей правящей верхушки Ирана отрицательно сказывалось на экономическом и финансовом положении страны. До 80-х годов XIX столетия Иран не имел дефицита бюджета, расходы не превышали доходов. Например, в 1868 г. расходы составили 4250 тыс. туманов, из них на армию тратилось 1725 тыс. туманов, на жалованье принцам,

министрам, крупным государственным чиновникам — 725 тыс., пенсии духовенству, сеидам — 250 тыс., личные шахские расходы — 500 тыс. и другие траты шаха — 500 тыс. туманов, и оставался излишек в 500 тыс. туманов⁶⁵. Но к началу XIX в. в связи с ростом расходов двора, тратами на визиты шаха в Европу и другими непроизводительными расходами происходят нарушения равновесия в бюджете Ирана. Дефицит бюджета иранское правительство стремилось покрыть с помощью иностранных займов, продажи концессий и т. п., тем самым еще более ухудшая финансовое положение страны. К 1909 г. долг Ирана иностранным государствам составил 6 млн. ф. ст., а к 1913 г. он вырос до 6754 тыс. ф. ст., в уплату которого ежегодно казна выплачивала 537 тыс. ф. ст.⁶⁶.

Иностранные империалисты способствовали консервации отсталого, феодального политического строя Ирана. Реакционное феодальное правительство, находившееся в полной зависимости от иностранных империалистов, не могло, да и не стремилось к проведению каких-либо мероприятий, способствовавших прогрессу иранского общества. Правящая иранская верхушка становится к концу XIX в. прочной опорой иностранного империализма.

БОРЬБА ИРАНСКОГО НАРОДА ПРОТИВ
АНГЛИЙСКИХ КОНЦЕССИЙ И МОНОПОЛИЙ

Закабаление Ирана иностранными империалистами, превращение его в полуколонию способствовало обострению классовых противоречий внутри иранского общества. Проникновение в страну капиталистических государств, захват ими экономически важных концессий и монополий, попустительство шахского правительства не могли не вызвать протеста различных слоев иранского общества. Особое недовольство проимпериалистическая политика иранского правительства вызывала среди иранской национальной буржуазии и купечества.

К концу XIX в. относится зарождение в Иране идей буржуазного национализма. Лучшие представители иранской интеллигенции начинают все активнее критиковать существующее правительство, выступать против закабаления страны иностранными империалистами. В прогрессивных иранских газетах, выходящих в основном за границей, появляются статьи с разоблачением колонизаторской политики империалистических держав в Иране. Все концессии, выдававшиеся шахским правительством империалистическим государствам, вызывали резкие протесты прогрессивных деятелей Ирана, появлявшихся в виде разоблачительных статей в заграничных газетах или тайных прокламаций¹.

Большое значение для формирования национального самосознания иранцев имели издававшиеся за границей иранскими эмигрантами прогрессивные газеты: «Канун» (Лондон), «Ахтар» (Стамбул), «Хабиб-оль-матин» (Индия) и др. Вокруг этих газет группировалась иранская эмиграция: представители интеллигенции, буржуазии и духовенства².

Передовые люди Ирана понимали необходимость проведения реформ в стране, выступали с критикой создавшегося положения в Иране. Мирза Мальком-хан — представитель иранского буржуазного национализма в 1890 г. начал издавать в Лондоне газету «Канун», в которой он критиковал существовавшие в Иране порядки и его правителей. В номере, вышедшем 22 марта 1890 г., писалось: «Управление всеми государственными делами находится в руках невежд... Права государства продаются для удовлетворения дипломатов иностранных миссий. Титулы и го-

сударственные посты служат игрушками в руках удачливых негодяев»³.

В восьмом номере газеты уже открыто бросается обвинение Наср эд-Дин-шаху за то тяжелое положение, в котором оказался Иран. «Кто такие эти министры? Кто их избрал, кому во всем мире, кроме шаха, пришло в голову подыскать таких министров? Мы даже не вправе обвинять Амин ос-Солтане. Если бы его не стало, шах нашел бы другого премьера с еще более темным происхождением и с еще более отвратительными качествами. Шах, по всей видимости, не жалуется достойных и одаренных людей»⁴.

Газета «Канун» преследовалась шахскими властями, но, несмотря ни на какие запреты, она проникла в Иран и распространялась среди иранского населения. Редакция газеты была хорошо осведомлена о событиях в Иране, поддерживала связь с иранскими корреспондентами. Почти пророческими оказались предсказания четвертого номера газеты от 20 мая 1890 г., накануне движения против табачной монополии: «Некоторые слабохарактерные и малодушные существа, которые судят о других по себе, утверждают, что персидский народ потерял всякую чувствительность и восприимчивость и что наши слова не в состоянии оказать на него никакого влияния. Правда, что наша знать в настоящее время везде и повсюду открыто проявляет свое бесстыдство, но скоро они увидят, что еще не совсем отчаялся персидский народ и что в нем еще живет дух мужества»⁵.

Активную пропаганду против шахского правительства вел лидер панисламизма Сеид Джамаль эд-Дин. В Иране у него было много сторонников, особенно среди духовенства, купечества, интеллигенции⁶. Джамаль эд-Дин дважды побывал в Иране — в 1886 и 1889 гг., призывая к проведению реформ. Свой второй визит в Иран Джамаль эд-Дин совершил по приглашению Наср эд-Дин-шаха. Шах вначале приблизил его к себе, прибегал к его советам. Влияние, которое оказывал Джамаль эд-Дин на шаха, встревожило приближенных, и особенно Амин ос-Солтане, который втайне внушал шаху, что какие-либо реформы неприемлемы для Ирана и они могут угрожать трону. Это ускорило высылку Джамаль эд-Дина из Ирана. При допросе убийцы Наср эд-Дин-шаха мирзы Мохаммада Резы Кермани последний рассказал, что во время его беседы с Джамаль эд-Дином в Лондоне в доме Мальком-хана о положении в Иране он сказал, что нельзя надеяться на реформу в стране, пока там не будет срублено шесть или семь голов. И в первую очередь должна быть срублена голова шаха Наср эд-Дина, а во вторую — голова Амин ос-Солтане⁷.

В конце XIX в. в Иране нарастает недовольство реакционной, проимпериалистической политикой шахского правительства.

Одним из крупных антиимпериалистических движений, охва-

тивших почти всю страну, явилась борьба иранского народа против табачной монополии в Иране в 1891 г.

Получение табачной монополии, как и открытие судоходства по р. Карун, и образование английского банка в Иране, было связано с именем Д. Вольфа. Будучи в дружеских отношениях с некоторыми иранскими министрами, и в особенности с Амин ос-Солтане, он с их помощью посредством взяток и раздачи орденов добивался выгодных концессий и монополий для английских капиталистов, совершенно не считаясь с общественным мнением страны. Более того, вряд ли он вообще предполагал возможность массового протеста против политики иностранцев и шахского правительства в Иране. Это было его крупной дипломатической ошибкой, окончившейся поражением Великобритании и значительным ослаблением ее политических позиций в Иране в конце XIX в. Казем-заде в своей работе пишет: «Игнорируя общество, с которым они должны были иметь дело, Вольф и его друзья-бизнесмены проявили непонимание позиций купцов и сил базара в Иране. Городские торговцы не были беззащитны. Как класс, они имели более высокий статус, чем торговцы в России и в Западной Европе. Более того, они представляли класс, жизненно связанный с духовенством. Эту группу нельзя было недооценивать. Оказывая взаимную поддержку, торговцы и духовенство могли породить в стране хаос»⁸.

История получения табачной монополии такова: летом 1889 г., во время пребывания Наср эд-Дин-шаха в Лондоне, Вольф познакомил его со своим другом Джеральдом Тальботом, который и приобрел монополию на покупку, продажу и производство табака и табачных изделий по всей территории Ирана на 50 лет⁹. Поддержка Вольфа и раздача взяток помогли Тальботу получить монополию. Облагодетельствование своих друзей за счет иранского государства было не новым фактом в дипломатической карьере Д. Вольфа. Шаху была дана взятка в 25 тыс. ф. ст. Около 15 тыс. ф. ст. получил Амин ос-Солтане, подарки и взятки были даны Зелли-Солтану, Наиб ос-Солтане, Мошир од-Доуле, Этемад ос-Солтане¹⁰.

Получение монополий облегчалось тем обстоятельством, что в русской миссии в Тегеране менялся посланник — Н. С. Долгоруков покинул Тегеран, новый посланник — Е. К. Бюцов еще не прибыл.

Договор о монополии был подписан 8 марта 1890 г. и состоял из 15 статей¹¹. Согласно ст. 1 в шахскую казну ежегодно должно было поступать 15 тыс. ф. ст. независимо от доходов и расходов компании и 25% доходов компании, после вычетов всех расходов и распределения 5% прибыли между держателями акций (ст. 3). Согласно ст. 2, 5, 6 и 8 всем производителям табака предписывалось регистрироваться у агентов компании и под угрозой штрафа и тюремного заключения запрещалось утаивание, перевозка или самовольная продажа табака. Концес-

сионерам предоставлялось право единоличного и произвольного установления цен на табачные изделия. Все оснащение табачных фабрик и оборудование, которое необходимо было ввезти в Иран, освобождалось от таможенных пошлин и других обложений (ст. 4). Ст. 14 устанавливала, что в случае разногласий стороны обращаются к третейскому суду одного из представителей США, Германии и Австрии, проживающих в Тегеране¹². (Через пять месяцев Дж. Тальбот продал с определенной выгодой свои права вновь организованной «Шахской табачной корпорации Ирана» с капиталом 650 тыс. ф. ст.) Табачная концессия была выгодным делом для англичан. Ежегодное потребление табака в Иране составляло около 5,4 млн. кг, а экспортировалось его 4 млн. кг.¹³ Компания рассчитывала на чистый доход в 371 875 ф. ст., т. е. 50% на вложенный капитал¹⁴. Интересные подсчеты сделал в своей работе И. Теймури. Он определил возможный доход от табачной монополии в 18 коруров туманов¹⁵.

В отличие от других иностранных концессий табачная монополия распространялась на всю страну, задевая интересы широких слоев иранского общества — производителей табака, торговцев и потребителей. Табак с давних времен выращивался почти на всей территории Ирана. Широкое распространение табаководства и трудоемкость при его возделывании требовали привлечения в эту отрасль значительного числа крестьян. Кроме того, табак являлся одной из главных статей торговли¹⁶.

В ноябре 1890 г. в газете «Ахтар» была напечатана статья, где резко критиковалась табачная концессия. В ней писалось, что в результате монополии иранские «табаководы оказались беспомощными и беззащитными в руках концессионеров и не будут в состоянии продавать плоды своих трудов по хорошей цене, так как не имеют возможности прибегать к торговой конкуренции. Последствием всего этого будет то, что пострадают многие, заработок и средства существования которых зависели исключительно от этого источника, и будет нанесен жестокий удар торговым интересам всей страны»¹⁷.

Когда стало известно о переговорах о предоставлении монополии английской компании, иранские табаководы и торговцы табаком «заявили готовность уплачивать правительству более значительный ежегодный взнос, чем тот, который обязалась делать компания»¹⁸. Их предложение осталось без ответа.

В сентябре 1890 г. новый российский посланник — Е. К. Бюцов сделал официальный протест против монополии, но под влиянием Вольфа шахское правительство отказалось отменить концессию. В феврале 1891 г. группа влиятельных иранских чиновников во главе с Амин од-Доуле, сторонником России, подали шаху петицию от торговцев табаком с просьбой отмены монополии. Протесты России и петиции табакоторговцев несколько поколебали убежденность шаха в необходимости монополии, но позиция Амин ос-Солтане была непреклонной. Д. Вольф заверил

его в активной поддержке Англии. По состоянию здоровья Вольф был вынужден оставить свою службу в Тегеране и выехать в Англию. Но и даже будучи больным, он добился от министерства иностранных дел Великобритании телеграммы на имя английского посланника Р. Кеннеди: «Сообщите Амин ос-Солтане наше высокое уважение за его твердый и государственный тон в переговорах с русской миссией о табачной монополии»¹⁹.

Такая позиция английского правительства способствовала тому, что, несмотря на протесты России и недовольство населения, шах и его первый министр поддерживали табачную монополию. Активное вмешательство Амин ос-Солтане, который сам владел 500 акциями табачной компании, способствовало началу ее деятельности в Иране.

К сентябрю компания имела 266 сотрудников, впоследствии ожидалось, что число персонала будет доведено до 1806 человек²⁰.

Компания немедленно взяла дело в свои руки, разослала агентов по стране, они производили учет имевшегося табака и изымали его, вызывая недовольство и гнев своими насильственными действиями. Агенты компании набирались из наиболее влиятельных лиц каждой местности и получали от нее постоянное жалованье. Представители компании объезжали основные табачные районы, собирая от своих агентов данные о производстве табака. Всем желающим — производителям табака на месте выдавали аванс под урожай, оформляя у местных властей письменные обязательства.

Очень скоро сказались отрицательные последствия введения монополии. Так, например, для основной табачной провинции — Шахрудо-Бастамской — компания определила цену на табак от 10 до 20 туманов за харвар (300 кг); обычная же цена на табак в это время на рынке была 28 туманов за харвар. При этом производители табака под страхом наказания были лишены права продавать табак кому бы то ни было, кроме агентов компании. Каждая местность должна была поставлять не меньше определенного количества табака, установленного компанией.

Агенты компании следили за контрабандной торговлей табаком, которая началась сразу же, как только прошел первый слух о предполагаемых специальных мерах.

В результате летом и особенно осенью 1891 г. повсеместно вспыхивало недовольство, направленное против правительства и английских концессионеров.

Движение против табачной монополии началось в Ширазе, где было расположено одно из главных агентств компании. В городе распространились слухи, что компания делает тысячи купцов банкротами; цена на табак будет расти и Иран попадет в полную зависимость от Англии²¹. Активную роль в поддержке недовольства среди населения играло ширазское духовенство.

Оно требовало, чтобы агент компании Бинс покинул Шираз; до его отъезда оно отказалось входить в мечети.

Но наиболее крупные волнения произошли в Тебризе. Тебриз являлся главным торговым центром Ирана, и предоставленные табачной монополии задевало интересы многих иранских купцов, которые вели торговлю табаком. Из солидарности с ними их поддержало все купечество Тебриза. Немалую роль в развитии движения в Тебризе играла и позиция, занятая российским консульством, которое выступало против монополии и потребовало, чтобы монополия не распространялась на торговцев русскоподданных.

19 августа 1891 г. в Тебризе перед дворцом наследного принца произошла демонстрация. Почти все население города вышло на улицы. Демонстранты требовали немедленной отмены табачной монополии, угрожая в противном случае разгромом английского консульства²². В городе распространялись прокламации: «Горе тем улемам, кто не вместе с народом. Горе тем, кто дрожит за свою жизнь. Если кто из улемов не выступит с народом, он лишится жизни. Горе всем, кто покупает табак у европейцев. Горе европейцам, которые хотят насаждать обычай неверных. Мы убьем европейцев и разграбим их добро»²³.

На базарах города выступали табакоторговцы и духовенство с призывом бороться против монополии. Главный тебризский моджтехид хаджи Джевад-ага открыто заявил, что, если бы ему даже угрожали арест и ссылка, он не прекратил бы агитации против табачной монополии, так как установление ее является нарушением норм шариата²⁴.

Жители Тебриза обратились к шаху с письмом с просьбой об отмене монополии²⁵. В нем, в частности, говорилось: «Наш повелитель продал неверным всех мусульман, как презренных рабов. Не служит ли установление табачной монополии явным доказательством власти неверных над правочерными? Требуется ли еще более ясные доказательства того, что порабощение мусульман, с одной стороны, и сила и могущество неверных — с другой, доходит до крайних пределов?» Письмо заканчивалось требованием: «Если наш правосудный повелитель силою пожелал бы подчинить нас табачному делу, то мы вынуждены будем послушаться и выйти из повиновения милостивейшему нашему повелителю, к чему он нас сам принуждает. Лучше нам сразу быть убитыми, чем путаться в сетях и ухищрениях неверных, из которых высвободиться невозможно»²⁶.

Опасаясь расширения движения, Амир Незам, управляющий делами Азербайджана, и представители высшего духовенства Тебриза отправили шаху телеграмму с просьбой отменить монополию. Но в ответ шах послал в Азербайджан своего представителя Амин Хозура с требованием подчиниться табачной монополии. Ему было дано тайное поручение арестовать в Тебризе руководителей движения и объявить об отставке Амир Неза-

ма²⁷. Но осуществить эти меры в Азербайджане он не решился, боясь еще более обострить обстановку. Английский консул Р. Пейтон доносил из Тебриза: «Я боюсь, что табачная концессия приведет к значительному подъему антибританских настроений, которые произведут крайне отрицательное воздействие на наших сторонников в Персии»²⁸.

Волнения в Тебризе с каждым днем возрастали. Недовольство монополией распространилось и на армию, на которую власти уже не могли рассчитывать при подавлении восстания. В городе готовились к вооруженным выступлениям на случай, если шах не отменит монополию. Был разработан и план военных действий: предполагалось, что один отряд окружит дворец наследника и блокирует находившиеся там войска, другой направится к дому Амир Незама, а третий — на осаду квартала, где жили европейцы²⁹.

Решительные действия восставших вынудили шаха пойти на уступки. 30 августа 1891 г. в Тебризе получили телеграмму шаха об отмене табачной монополии в Азербайджане³⁰.

Массовый характер движения в Азербайджане, участие в нем духовенства и купечества напугали шаха. Единственный выход был — отменить монополию, и это понимало иранское правительство. 1 сентября 1891 г. шах пригласил Р. Кеннеди во дворец, где Амин ос-Солтане нарисовал ему мрачную картину положения в стране. Шах обратился к английскому посланнику с просьбой об отмене монополии и предложил взамен ее предоставить другие, не менее выгодные концессии³¹. Р. Кеннеди без одобрения Лондона не решался дать положительный ответ. В Лондоне же плохо понимали складывавшуюся в Иране обстановку. Р. Солсбери был непримирим в отношении отмены монополии, и на запрос Р. Кеннеди ответил, что, по его мнению, только проведение активной политики Англии в Иране в интересах шаха и его государства.

Отказ британского правительства отменить табачную монополию поставил в счень тяжелое положение шахское правительство. Негибкая, недальновидная политика англичан способствовала распространению движения по всему Ирану и привела к человеческим жертвам и серьезным экономическим последствиям.

Тебризские события стали заразительным примером для других провинций. Начались народные волнения против табачной монополии в Мешхеде, Исфахане, Ширазе и других городах.

Население Мешхеда открыто обсуждало введение монополии. После получения в городе сведений о волнениях в Тебризе, Исфахане, Тегеране и других городах страны мешхедское купечество перешло к более активным действиям. Вечером 20 сентября 1891 г. восставшие во главе с именитыми купцами Мешхеда собрались в главной мечети и, преградив путь генерал-губернатору Хорасана, заявили ему, что не потерпят табачной монопо-

лии, и угрожали прекратить всю торговлю, закрыть лавки и отказать платить подати в случае сохранения монополии³². «Английский банк лишил нас выгод торговли, а табачная монополия вырывает у нас свободу и право продажи табака»³³, — заявили собравшиеся.

Несколько дней повстанцы занимали главную мечеть, возбужденный народ заполнял улицы города, выслушивая ораторов, выступавших против монополии и против шахского правительства. Все базары и лавки были закрыты.

Испугавшись размаха движения, правитель Хорасана и главные моджтехиды написали письмо шаху в Тегеран с просьбой отменить монополию³⁴.

Начались народные восстания в Ширазе и Исфахане. В Исфахане размаху движения способствовала позиция, занятая правителем области — Зелли-Солтаном. Будучи крупнейшим землевладельцем края, он сам не сочувствовал монополии, в какой-то мере ограничивавшей его интересы³⁵. Исфаханские купцы, торговавшие иностранными товарами, объявили бойкот английским изделиям, постановив при этом подвергать денежному штрафу нарушителей этого обязательства³⁶.

По мере расширения движения в нем все более активное участие стало принимать духовенство.

Иранское духовенство играло огромную роль в общественно-политической жизни Ирана. Получая большие доходы с вакфных земель, духовенство занимало важные экономические позиции в стране. В руках духовенства сосредоточивалась судебная власть, а также народное образование. Все это определяло его влияние на умы верующих. Авторитет шиитского духовенства был особенно велик среди мелких торговцев, ремесленников и сельских жителей³⁷. Ни одно массовое народное выступление в Иране не могло развиваться без поддержки базара и духовенства.

Огромная власть и влияние шиитского духовенства в Иране вызывали недовольство шахского правительства, и между ними велась постоянная борьба. С точки зрения шиитской догматики абсолютная светская власть незаконна, так как узурпирует то, что по праву принадлежит только имаму³⁸. Духовенство всегда выступало против чрезмерной роскоши шаха, его семьи и приближенных и этим завоевывало симпатии мусульман, которым были близки раннемусульманские идеалы, проповедовавшие простоту и чистоту нравов.

Борьба между шахской властью и духовенством особенно обострилась в конце XIX в., когда Наср эд-Дин-шах попытался ограничить власть духовенства, проведя судебную реформу и внося некоторые изменения в систему государственного аппарата.

Недовольство духовенства вызывало проникновение империалистических государств в Иран. Улемы враждебно относились к любому иностранному влиянию, подрывавшему устои

исламского общества, боролись против иностранных концессий и монополий.

В донесении русского консула из Исфахана сообщалось, что «духовенство изобретает различные способы для устранения всех европейцев от дел с мусульманами. Моджтехиды стараются убедить [шаха] в необходимости поставить себя в независимое от европейцев положение. Для начала они советуют собрать капитал, на который руками правоверных должны будут изготовляться материи для одежды. Таким образом, мусульманам уже не нужно будет покупать европейских тканей»³⁹.

Понимая силу и значение шиитского духовенства и его влияние на население страны, англичане пытались всячески привлечь его на свою сторону. Английские посланники в Иране довольно успешно практиковали подкупы духовных лиц, некоторые из них становились их постоянными агентами⁴⁰.

Оценивая участие иранского духовенства в движении против табачной монополии, иранский историк Кермани писал, что «духовенство решило принять активное участие в движении, когда оно узнало о всех отрицательных сторонах монополии. Сегодня табак ограничивается, завтра — соль, затем дрова, уголь, вода, и что за это правительство снова получит большие суммы денег и будет расходовать их не на нужды страны, а увеличит жалование шахаде, или повысит оклад высоким чиновникам, или истратит на путешествие за границу, или оплатит расходы хорошенькой женщины, тогда как страна понесет убытки, а иностранцы получают прибыль и их влияние возрастет»⁴¹.

Нерешительная политика иранского правительства, боязнь его отменить монополию без согласия Англии явились удобным поводом для активного вмешательства духовенства в движение. В декабре 1891 г. глава шиитского духовенства моджтехид из Самарры хаджи мирза Мохаммад Хасан Ширази объявил фетву, запрещающую курение табака в Иране, а в письме на имя шаха он высказал «неодобрение в связи с сближением с иностранцами, вмешательством их во внутренние дела государства, допущением нововведений вроде учреждения банка и табачной монополии, постройки дорог и т. п., одинаково вредных стране и противных Корану»⁴².

Объявление фетвы высшим духовным главой стало кульминационным пунктом движения против табачной монополии. Возмущение монополией и политикой правительства прокатилось по всей стране, начиная с крупных городов и кончая деревнями. Всюду возглавив движение, духовенство стремилось использовать его для роста своего влияния и авторитета. «Это был не только подъем религиозной вражды против иностранного проникновения, но и демонстрация силы улемов. В этой оппозиции табачной концессии они доказали способность к объединению и чуть раскрыли свою силу; в последующие годы их позиция сделалась более агрессивной, так как силы их возросли»⁴³. В то

же время необходимо иметь в виду, что, участвуя в антиимпериалистических, антишахских движениях иранского народа, духовенство никогда не забывало и свои собственные цели — усиление влияния в общественно-политической жизни Ирана⁴⁴.

Движение против английской табачной монополии распространялось по всему Ирану. Кальяны и трубки исчезли не только из публичных мест, но их не употребляли и в частных домах, не исключая шахского дворца. Торговцы табаком в Ширазе и Исфахане уничтожили запасы табака, которые согласно распоряжению правительства они обязаны были продать английской компании. Многие плантаторы уничтожали семена табака, решив прекратить его выращивание⁴⁵.

В Мешхеде народ, возглавляемый духовенством, уничтожил кальяны, требовал закрытия всех табачных лавок, а многие иранцы — служащие компании оставили свою работу. Оставшимся же на службе компании был объявлен бойкот, их выгоняли из бань, чайных и других общественных мест, торговцы отказывались продавать им свои товары⁴⁶.

Шах, бессильный что-либо предпринять, в начале декабря 1891 г. уехал из Тегерана, оставив Амин ос-Солтане выпутываться из создавшегося положения. Последний созвал Государственный совет под председательством сына шаха Наиб ос-Солтане; в заседании совета участвовали министры и тегеранские моджтехиды. Некоторые из моджтехидов в своих выступлениях обвинили правительство в попустительстве иностранцам. Когда на совещании обсуждалась сумма возможной компенсации, один из моджтехидов, обратившись к Амин ос-Солтане, сказал, что «в первую очередь следует заставить расстаться с незаконными доходами тех людей, которые за взятки взялись получить согласие шаха на концессию»⁴⁷, открыто намекая на самого первого министра и других членов совета.

После длительных прений на Государственном совете было объявлено, что из табачной концессии будет убрано слово «монополия». Эта неопределенность формулировки решения дала возможность его трактовать по-разному. Моджтехиды подразумевали под ним полную ликвидацию английской концессии. Руководствуясь этим решением, Амин ос-Солтане приступил к переговорам с английской компанией. Он предложил директору английской табачной компании в Иране Дж. Орнштейну отказаться от монополии торговли табаком внутри Ирана, сохранив ее только во внешней торговле. В качестве компенсации иранское правительство обязалось в течение 50 лет уплачивать компании определенную сумму (500 тыс. туманов), для чего при продаже табака должна была взиматься пошлина в размере 20% стоимости⁴⁸. Такое половинчатое решение устраивало шаха, так как освобождало от необходимости уплатить компании сразу большую сумму денег и давало возможность объявить о ликвидации монополии для успокоения духовенства и купечества.

Но движение в Иране приняло такой широкий, массовый характер, что возможно было только одно решение — полная ликвидация деятельности табачной монополии в стране. Через неделю после заседания совета на улицах и в мечетях Тегерана стали распространяться листовки, в которых сообщалось, что «если в течение 48 часов не будет отменена табачная монополия, то в понедельник (16 декабря 1891 г. — Л. К.) начнется священная война. Народ, готовься!»⁴⁹.

В такой накаленной обстановке Амин ос-Солтане обратился к Орнштейну с просьбой согласиться на полную отмену табачной монополии. К этому времени изменилось положение и в английской миссии в Тегеране. В ноябре прибыл новый английский посланник — Ф. Лассельс, имевший большой опыт дипломатической службы: до этого он работал в Мадриде, Берлине, Париже, Копенгагене, Вашингтоне, Афинах. Он не принадлежал к твердолобым представителям «средневосточной» группировки, и, быстро разобравшись в обстановке, решил, что самый лучший выход для Англии в этих тяжелых условиях — как можно скорее отступить и ликвидировать табачную монополию. Он принял участие в переговорах Амин ос-Солтане с представителями компании. Орнштейн также понял, что борьба против объединенных сил шиитского духовенства, иранских табакоторговцев без поддержки со стороны британского посланника обречена на провал, и согласился на отмену монополии, но при условии выплаты большой компенсации. 28 декабря в Тегеране и других городах, несмотря на то что переговоры еще не завершились, было объявлено о ликвидации табачной монополии. Но этому решению иранского правительства в стране не поверили. Хаджи мирза Хасан Ширази отказался отменить запрет на курение, пока служащие монополии остаются в Иране. С целью оказать давление на духовенство 4 января 1892 г. шах направил письмо главному моджтсхиду Тегерана — хаджи мирза Хасану Аштиани, который был одним из инициаторов издания фетвы⁵⁰. Наср эд-Дин-шах потребовал, чтобы хаджи мирза Хасан Аштиани «или курил кальян, или покинул пределы страны», но он предпочел последнее⁵¹. Узнав об этом, население Тегерана пришло в волнение, все базары и лавки закрылись. Восставшие во главе с духовенством направились ко дворцу шаха с требованием полной ликвидации всех привилегий, предоставленных английским капиталистам по табачной монополии. Наиб ос-Солтане вышел к народу и объявил, что шах ликвидировал монополию внутри страны, но внешняя торговля табаком остается в руках компании, и приказал, чтобы все начали курить кальяны⁵². Восставшие погребовали показать текст этого соглашения, угрожая в противном случае нападением во дворец. Тогда был отдан приказ стрелять в безоружный народ, в результате чего семь человек было убито и 30 ранено⁵³.

Расстрел мирной демонстрации вызвал негодование широких

слоев тегеранского населения, волнения в столице нарастали. Наср эд-Дин-шах вынужден был немедленно предложить Амину ос-Солтане «изыскать средства для прекращения смуты духовенства и народа против монополии»⁵⁴. Амин ос-Солтане совместно с английским посланником и представителями компании составили соглашение об аннулировании табачной монополии и возмещении убытков иранским правительством⁵⁵.

6 января шах объявил об окончательной отмене табачной монополии. В знак примирения с хаджи мирза Хасаном Аштиани шах послал ему бриллиантовый перстень. Однако Аштиани отказался принять подарок до тех пор, пока полностью не будет убежден в действительной отмене табачной концессии. Только 26 января было объявлено о снятии запрета на курение⁵⁶.

После отмены монополии начались переговоры между иранским правительством и компанией о компенсации убытков. Табачная компания потребовала возмещения в сумме 650 тыс. ф. ст., иранское правительство предлагало 300 тыс. Денежные претензии компании были поддержаны министерством иностранных дел Великобритании. Солсбери выступил посредником в переговорах между табачной компанией и иранским правительством. После длительных дебатов иранское правительство согласилось уплатить компании 500 тыс. ф. ст. Взнос должен был делаться сразу по достижении соглашения⁵⁷. Попытки иранского правительства получить заем во Франции не увенчались успехом. Иран обратился в Шахиншахский банк, который обещал заем, но требовал 8% годовых и в качестве гарантии таможенные доходы с портов Персидского залива и ряда прикаспийских портов. Условия займа были очень тяжелые, и шахское правительство продолжало поиски внешнего займа. Русский промышленник Л. С. Поляков предложил шаху заем в 500 тыс. ф. ст. из 6% годовых. Русское предложение обеспокоило англичан. Английский посланник информировал Лондон о предложении Полякова и отметил, что если это произойдет, то «практически будет ликвидирована вся наша работа в течение последних четырех лет»⁵⁸. Амин ос-Солтане поручил иранскому посланнику в Лондоне сказать Солсбери, что если Шахиншахский банк откажет в займе из 6%, то Иран возьмет заем в России⁵⁹. С точки зрения британских финансовых кругов, имевших свои интересы в Иране, «русский заем был бы настоящим бедствием»⁶⁰. Р. Солсбери удалось склонить Шахиншахский банк на заем из 6% годовых. Так, играя на англо-русских противоречиях в Иране, иранскому правительству удалось немного облегчить условия займа. Представитель табачной компании и английский посланник Ф. Лассельс разработали условия соглашения между банком и иранским правительством. 5 апреля соглашение было подписано шахом, Амин ос-Солтане и Дж. Рабино — директором Шахиншахского банка.

Банк обязался выплатить табачной компании 500 тыс. ф. ст.

(ст. 1). Иранское правительство возвращало эту сумму из 6% годовых в течение 40 лет (ст. 2, 3, 4). Ст. 5 устанавливала, что обеспечением уплаты данной суммы будут служить таможенные порты Персидского залива⁶¹.

«Концессия сильно скомпрометировала всех, имевших отношение к ней»⁶², — отмечал Э. Браун.

Табачная концессия подверглась резкой критике на заседаниях в английском парламенте 22 февраля, 23 и 26 мая 1892 г.

Многие ораторы говорили о личной заинтересованности Солсбери в концессии, намекая на его родственные связи с Тальботом. Н. Кедди пишет, что английская пресса особенно ополчалась против Д. Вольфа и Р. Солсбери, которые злоупотребили личной властью и влиянием при получении табачной монополии⁶³.

Отмена табачной монополии явилась серьезным поражением английской политики в Иране и нанесла удар по престижу Англии в стране.

Значение движения против табачной монополии для истории Ирана трудно переоценить. И поэтому естествен тот большой интерес, который проявляют к этому народному движению современные иранские ученые.

Ибрагим Теймури в своей книге, специально посвященной данной теме, пишет: «Предоставление табачной концессии англичанам, ее бойкот со стороны духовенства, восстание иранского народа, которое в конце концов кончилось отменой этой монополии, — все эти события последних лет царствования Наср эд-Дина Каджара послужили толчком к пробуждению иранского народа для борьбы за свои права, против чужеземцев, самодержавия и деспотизма иранских шахов. В то же время эти события явились основной причиной убийства Наср эд-Дина шаха и послужили прелюдией борьбы за иранскую конституцию»⁶⁴.

Иранский историк Аббас Эгбаль в предисловии к работе И. Теймури отмечал: «Это восстание и его успех, проявившийся в отмене табачной концессии, показал народу и духовенству, что если оказать сопротивление и проявить настойчивость, то можно помешать диктаторским действиям самодержавия и тем его мероприятиям, которые направлены против народа. Это движение явилось примером для других движений иранского народа... за конституцию и меджлис»⁶⁵.

В введении к своей книге «История пробуждения иранцев» Н. Кермани так оценивает итоги борьбы за ликвидацию табачной монополии: «Результатом движения была отмена концессии, причем правительство взяло на себя выплату убытков компании. Эти деньги стали первым иранским долгом иностранному государству. Однако убыток, нанесенный Ирану, компенсировался ростом сознания иранского народа, его пробуждением и

тем, что в результате борьбы с концессией он понял, что может успешно противостоять шаху и защищать свои права... Движение, связанное с табачной монополией, всколыхнуло народ, и он впервые в истории пробудился к революционной деятельности»⁶⁶.

Табачная концессия поколебала престиж шаха в глазах народа. Во время движения против табачной монополии распространялись прокламации, написанные первыми иранскими революционерами. В одной из них, автором которой был мирза Мухаммад Реза Кермани, говорилось: «О верующие, о мусульмане! Табачная концессия ушла из наших рук. Река Карун ушла. Сахарная мануфактура ушла. Дорога от Ахваза ушла. Банк пришел, трамвай пришел. Страна попала в руки иностранцев. Шах не обращает внимания на наши интересы. Возьмем же дело в собственные руки»⁶⁷.

Движение против табачной монополии показало, насколько выросло национальное самосознание иранского народа, выступавшего против иностранных капиталистов, против шахской власти, за свободу и независимость своей страны.

Движение против табачной монополии было не единственным проявлением возмущения иранского народа против системы колониальной эксплуатации, против мирового империализма. Концессии и захват важных политических и экономических привилегий империалистическими государствами в Иране в конце XIX в. обостряли борьбу иранских купцов и промышленников за свои права, против иностранных капиталистов и поддерживавшей их шахской власти. Особенно ухудшило положение иранских торговцев создание в Иране иностранных банков. Все основные финансовые операции были фактически сосредоточены в Шахиншахском и Учетно-ссудном банках, что вызывало недовольство местных банкиров и купечества⁶⁸. Иранские торговцы неоднократно объявляли бойкот иностранных товаров в знак протеста против деятельности банков и английских компаний. Так было в Ширазе и других городах южного Ирана, где торговля многими товарами, которая раньше находилась в руках местного купечества, перешла к англичанам⁶⁹.

«Иностранные концессии вызывали протесты со стороны почти всех сознательных групп и классов иранского общества, хотя исходные позиции и мотивы их были различны»⁷⁰, — пишет Лэмpton.

В конце XIX в. в разных концах Ирана неоднократно вспыхивали различные выступления против иностранного господства. В 1898 г. вспыхнуло восстание против английского господства в Мехране, в 1899 г. — в Бушире.

«Беспорядки и бунты, вызванные расшатанностью государственного строя, стали обычным явлением в провинциях Ирана: так было в Боруджерде, Исфахане и Тебризе, не говоря уж о мелких сравнительно стычках населения с властями в других

местах. Теперь отклик недовольствия населения слышится в столице»⁷¹.

В конце XIX в. в Иране в течение ряда лет ощущалась нехватка зерна, вызванная тем, что большая часть посевных площадей была засеяна техническими культурами. Помещики и торговцы, воспользовавшись этим, поднимали цены на хлеб. В. А. Косооговский пишет, что скупщики приобретали зерно по сравнительно дешевым ценам и когда его запасы истощались, продавали по «баснословно дорогим ценам. Скупщики эти, к несчастью, все люди сильные и преимущественно из вельмож и высшего духовенства»⁷². В 1900—1904 гг. на этой почве вспыхивали восстания в Тегеране, Тебризе, Исфахане. Они вылились в антиправительственные, антиимпериалистические выступления городских низов. На базарах и в других общественных местах распространялись листовки о взяточничестве шаха и его приближенных, об их пособничестве иностранцам. Особое недовольство вызывала проанглийская политика Амина ос-Солтане и губернатора Шираза Малек Мансур Шоа ос-Солтане.

Антианглийские выступления особенно часто вспыхивали на юге Ирана. В 1897 г. в г. Шуштере началось восстание, вызванное нехваткой хлеба, который англичане, не считаясь с нуждами населения, вывозили в Британскую Индию. Восставшие нападали на английские хлебные склады, угрожали английскому консульству. Местные иранские власти пытались подавить движение, но восставшие оказывали сопротивление. Только с помощью отряда бахтиар численностью около 7 тыс. человек, вызванного по предложению англичан, удалось подавить это восстание⁷³. В южных городах — Ширазе, Бушире и других часто вспыхивали так называемые голодные бунты.

На побережье Персидского залива отдельные вооруженные отряды племен нападали на английские телеграфные станции, громили склады английских товаров. Для борьбы с этими отрядами англичане периодически направляли на военных кораблях карательные экспедиции. Так, например, в 1898 г. в районе Джаска карательная экспедиция вела операции против повстанческих отрядов⁷⁴.

Антианглийские выступления происходили и в Иранском Белуджистане. Белуджские племена часто выступали против английского проникновения в их страну. Под видом строительства дорог, телеграфных бюро, складов англичане лишали племена их исконных территорий. Для устрашения племен англичане организовывали карательные экспедиции, которые вели себя в Иране подобно завоевателям — взрывали крепости, уничтожали целые селения непокорных им белуджей, отбирали у них имущество⁷⁵.

Рост антиимпериалистических выступлений в конце XIX — начале XX в. свидетельствовал о массовом недовольстве иранского народа политикой, проводившейся шахским правитель-

ством, и отражал его стремление к национальной независимости. В этом движении принимали участие самые различные слои иранского общества: духовенство, буржуазия, ремесленники, крестьяне, городская беднота.

Борьба против политики иностранного империализма и продажного шахского правительства сыграла важную роль в становлении национального самосознания иранского народа и явилась пробой сил перед более мощным и широким движением — иранской революцией 1905—1911 гг.

ПОДГОТОВКА К АНГЛО-РУССКОМУ СОГЛАШЕНИЮ
О РАЗДЕЛЕ СФЕР ВЛИЯНИЯ В ИРАНЕ

Экономические и политические позиции, завоеванные Англией в Иране, служили основой для ее общего стратегического плана подчинения этой страны своему господству. Однако английский капитализм вынужден был корректировать свои действия с главной противоборствующей силой в Иране — царской Россией.

Английские правящие круги все более приходили к убеждению о необходимости установления — на основе разделения сфер влияния в Иране — своего абсолютного господства в южных и юго-восточных районах.

В 1895 г. в Иран был назначен новый английский посланник — М. Дюранд, англо-индийский офицер, участник второй англо-афганской войны, помощник, а затем и министр по иностранным делам Индии. Его назначение в Иран явилось несомненным успехом «среднеазиатской» группировки и означало активизацию английской политики в Иране после провала табачной монополии. Большой интерес представлял разработанный им для министерства иностранных дел Великобритании меморандум об английской политике в Иране. Он считал, что исходя из тех позиций, которые обе страны имели в Иране, разделение сфер влияния в этой стране между Россией и Англией не представляет особых трудностей. Но исходя из того, что Россия возражала против разделения Ирана на сферы влияния и чтобы оказать давление на нее, Дюранд выдвинул идею образования мусульманского государства совместно с 60 млн. индийских мусульман под эгидой Англии. Практически этот план предполагал ликвидировать Иран как самостоятельное государство. Из меморандума вытекала и другая важная идея, которая впоследствии стала ведущей в английской политике в Иране. М. Дюранд считал, что если возникнет какая-либо угроза для английских позиций в Иране, то Англия должна немедленно оккупировать юг и наладить связи с племенами: курдами, белуджами, бахтиарами и др.¹ Однако идея о создании объединенного мусульманского государства оказалась настолько грубо сработанной уловкой, что она вызвала протесты более трезво мыслящей части английского правительства. Дж. Гамильтон,

тогдашний министр по делам Индии, назвал идею М. Дюранда о создании мусульманского государства и противной интересам Англии в Азии и опасной с точки зрения мира во всем мире»².

Министерство иностранных дел Великобритании также подвергло критике меморандум Дюранда, но поддержало идею, что в случае угрозы с севера Англия должна перейти к активным действиям на юге Ирана³.

Против меморандума М. Дюранда выступило и иранское правительство, которое через своего представителя в Лондоне выразило недовольство действиями М. Дюранда.

Дискуссия по иранским делам в английском правительстве дала единственный важный результат: было признано необходимым и министерством иностранных дел в Лондоне, и англо-индийским правительством активно противостоять русскому влиянию во всех областях — политической, экономической, торговой. Это решение английского правительства и определило главные принципы политики Англии в Иране в конце XIX — начале XX в.

В начале XX в. наступает обострение в англо-русских отношениях из-за ряда успешных акций русского царизма в Иране (заключение соглашений о займе в 1900 г. и новом таможенном тарифе). Это вызвало целую бурю в английской печати, правительство обвинялось в нерешительной политике. Особенно были недовольны англо-индийские круги, настаивавшие на проведении жесткого курса в отношении Ирана⁴. Под влиянием этих настроений была разработана инструкция министра иностранных дел Г. Лансдауна посланнику в Тегеране А. Гардингу от 6 января 1902 г., в которой были четко сформулированы английские интересы в Иране, на охране которых Англия категорически настаивала под угрозой раздела страны. Ознакомившись с инструкцией, иранское правительство испугалось. Шах поспешил заверить Гардинга в своих «дружественных чувствах по отношению к Англии» и обещал, что иранское правительство никогда не допустит ущемления английских интересов в Иране⁵.

Чтобы закрепить свой успех при иранском дворе, Гардинг пригласил Мозаффар эд-Дин-шаха прибыть в Англию летом 1902 г., обещая наградить его высшим английским орденом — орденом Подвязки. Но время для визита было выбрано неудачно, заключение в апреле 1902 г. второго соглашения о займе с Россией снова всколыхнуло антииранские настроения в английском парламенте. Король Эдуард VII отказался наградить шаха орденом Подвязки и оскорбленный Мозаффар эд-Дин покинул Англию. Это вызвало острый кризис в английском правительстве. Гардингу, который обещал шаху орден, угрожали отставкой. Поставил вопрос о своей отставке и Г. Лансдаун, который санкционировал действия Гардинга. Эдуард VII был вынужден уступить: 2 февраля 1903 г. в Иран прибыло специальное посольство из Лондона для вручения шаху ордена Подвязки.

Блеск салюта в Тегеране в честь вручения английского ордена Мозаффар эд-Дину должен был, по расчетам британского правительства, способствовать укреплению позиций Англии при шахском дворе.

Путешествие шаха в Европу стоило больших денег. Полученные Ираном в России в апреле 1902 г. 10 млн. руб. были уже истрачены. Приближенные шаха вновь занялись поисками средств. Амин ос-Солтане обратился за помощью к А. Гардингу. Просимая сумма была не очень большой, и 4 апреля 1903 г. было подписано соглашение между Амин ос-Солтане, Ж. Наусом и Рабино о займе в Шахиншахском банке 300 тыс. ф. ст. из 5% годовых на 20 лет; гарантией займа служили доходы каспийских рыбных промыслов и таможен Фарса и Персидского залива⁶.

30 января 1902 г. был подписан англо-японский союзный договор, изменивший соотношение сил в мире. Этот союз, направленный прежде всего против России, являлся фактически дипломатической подготовкой к русско-японской войне.

Англо-японский договор был первым шагом Англии на пути выхода из «блестящей изоляции», он укрепил ее положение в Азии и создал новые условия для перехода к еще более активной политике не только на Дальнем, но и на Среднем Востоке. Пользуясь тем, что на Дальнем Востоке Япония повела решительную политику на развязывание войны и начиная с 1902 г. попросту гипнотизировала царизм угрозой военного столкновения, Англия все решительнее выступала в Афганистане, Иране и Тибете.

Иранский вопрос становится предметом особенно оживленного обсуждения в парламенте и в британской печати. Член палаты общин либерал Уолтон 9 января 1902 г. во время обсуждения тронной речи внес поправку с требованием защиты торговых и политических интересов Британской империи в Иране⁷. Обратив внимание депутатов на усиление русского влияния в северном Иране, Уолтон указал на необходимость для Англии держаться той же системы по отношению к югу и войти с Россией в соглашение о разграничении сфер влияния в Иране⁸. Его предложение было поддержано большинством депутатов. Более решительно высказался за соглашение Э. Грей: «Если в этой стране (Иране.— Л. К.) России суждено расширяться, то это должно произойти по соглашению с Англией. Прежде всего следует ознакомиться с намерениями России и установить, насколько они согласованы с британскими интересами»⁹.

Январские прения в парламенте по иранскому вопросу показали, что целью британской политики на Среднем Востоке по-прежнему остается соглашение с Россией о разделе сфер влияния. Однако характерная особенность этих прений заключалась в том, что депутаты высказались за соглашение с Россией, но без каких-либо уступок в южном Иране и Персидском заливе

(имелось в виду не допускать русские торговые суда в залив)¹⁰. Наиболее ярко эту мысль высказал Кренборн, заместитель министра иностранных дел, который заявил, что политика «неприкосновенности Персии имеет свои границы и не может быть подерживаема независимо от действий других держав, так как должно быть соблюдено равновесие власти и Англия не может уступить своего первенства в Персидском заливе, основанного на могуществе английского флота, и в провинциях, прилегающих к Индийской империи»¹¹.

Новый поворот в английской политике получил широкое освещение в английской печати, высказывавшейся за применение решительных мер против продвижения России в южный Иран¹².

В своей антирусской борьбе англичане стремились использовать внутреннее недовольство политикой шаха, которое зрело в Иране, и в частности в рядах шиитского духовенства и купечества. Английское правительство соглашалось на предоставление определенной суммы для организации и поддержки тайного движения духовенства¹³.

Иранская проблема вышла за рамки только дипломатической деятельности, ею заинтересовались английские военные круги, и она стала предметом обсуждения на специальном заседании в военном министерстве Великобритании. 27 августа 1902 г. Гардинг представил в военное министерство Англии записку по проблеме возможной английской политики в Иране в случае обострения отношений с Россией. При ее обсуждении полковник Робертсон, генерал-квартирмейстер английской армии, предложил с целью противодействия русской политике в Иране определить линию английского влияния в этой стране. Такая линия, по его мнению, могла проходить от Систана, через Керман, Йезд, Исфахан к Керманшаху. Эта английская зона должна была быть оформлена как протекторат или превращена в буферное государство¹⁴. Однако британские офицеры понимали, что активное противодействие русской политике в Иране может привести к войне, и, возможно, даже на два фронта — против России и ее союзницы — Франции. Генерал У. Никольсон высказал мнение, что Англия должна сохранить свое влияние в Систане, но опасался, что ввод английских войск в южные районы Ирана приведет к ослаблению военных сил в Индии. Военный министр С. Бродрик, подводя итоги обсуждений, отметил, что вряд ли возможен какой-либо альянс России с Францией на почве иранских дел: военные силы Великобритании достаточно сильны, чтобы отразить любое наступление России, и имеется тенденция преувеличивать опасность, грозящую английским интересам в Иране со стороны русского царизма¹⁵. В высказывании военного министра ясно прозвучала военная угроза России, и в то же время он откровенно признал, что обострение политической обстановки вокруг иранского вопроса создано искусственно с целью оказать давление на русское правительство.

В ноябре 1902 г. иранская проблема была снова подвергнута обсуждению, уже в министерстве иностранных дел Великобритании. В нем приняли участие принц Л. Баттенберг, глава военно-морской разведки, заместитель министра иностранных дел Т. Сандерсон, заместитель министра по делам Индии А. Голлей и директор департамента этого министерства У. Уорнер. Военное министерство было представлено генералом У. Никольсоном и полковником Е. Олтенем. На совещании было принято решение, что в случае войны с Францией и Россией Великобритания должна захватить Бендер-Аббас и ряд островов в Персидском заливе. Но в то же время на совещании было указано, что англичане должны учитывать следующее: «1. Мы не имеем достаточного количества войск, чтобы оккупировать всю персидскую территорию или даже большое количество персидских портов. 2. Мы рискуем увеличением опасности для Индии, если оккупируем порты или районы, из-за которых усилятся наши противоречия с Россией. 3. Шаги, которые мы можем предпринять, могут повлечь риск будущей интервенции других иностранных держав под видом сохранения порядка в Персии»¹⁶. Решение конференции свидетельствовало о том, что в английском правительстве существовала реальная оценка позиций Англии в Иране, и показывало, что в английских правящих кругах росла тенденция сближения с Россией и Францией.

Но решения конференции подверглись резким нападкам со стороны представителей «средневосточной» группировки. А. Гардинг считал, что только английская оккупация Исфахана и Систана может приостановить дальнейшее продвижение России в Иране. Дж. Керзон с ним соглашался и добавлял, что Великобритания должна оккупировать также Бушир и Мохаммеру¹⁷. Но несмотря на расхождения во мнениях, все соглашались с тем, что Систан и Персидский залив являются жизненно важными для Англии районами и должны быть защищены любой ценой¹⁸.

После неудачных попыток договориться с Германией по ряду международных вопросов, и в частности о Багдадской дороге и других, Англия окончательно вступила на путь решительного сближения с Францией, т. е. на путь антигерманской политики, которая в конечном счете привела к созданию в Европе антигерманской коалиции. В это время уже достаточно ярко обозначилась та дипломатическая борьба за Россию между Англией и Германией, которая становится основным фактором в международных отношениях в Европе после русско-японской войны. Эти обстоятельства и побудили Англию начать новые переговоры с Россией.

В октябре 1903 г., во время поездки русского министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа в Париж, Г. Лансдаун предложил начать переговоры по спорным вопросам. Ламздорф согласился. На обсуждение были поставлены маньчжурский, средне-

азиатский и иранский вопросы. По всем трем вопросам стороны не смогли договориться.

В Центральной Азии англичане требовали признания Афганистана и Тибета сферой английского влияния и настаивали на разделе Ирана. Русский посол в Лондоне Бенкендорф, который вел переговоры, согласился пойти на уступки Англии в Тибете и Афганистане, но категорически отказался от раздела Ирана.

Английская дипломатия предлагала раздел Ирана на сферы влияния и требовала признания английских позиций в Персидском заливе, за что Англия была согласна признать северный Иран русской сферой влияния.

Позиция, занятая на переговорах Россией, свидетельствовала, что она не намерена идти на раздел Ирана на сферы влияния. Поэтому переговоры были прерваны.

Новая неудача англо-русских переговоров привела к активизации сторонников антирусских тенденций в английском правительстве. А. Гардинг продолжал развивать в Иране деятельность, направленную против России. С этой целью он организовал военные отряды из представителей бахтиар, луров и арабов. Созданные на английские деньги, вооруженные английским оружием, они, по мнению английского посланника, должны были защищать английские интересы в Иране от возможных происков русского царизма. Кроме того, А. Гардинг предлагал использовать влияние шиитского духовенства в распространении антирусской агитации в Иране¹⁹.

Подписание мирного договора с бурами высвободило английские морские и сухопутные силы в Южной Африке. С этого времени замечается активизация английской политики в Иране, и особенно в Персидском заливе.

Демонстрацией военной силы и роста английского влияния в южных районах Ирана явился поход военных кораблей английского флота в Персидский залив, предпринятый по инициативе Дж. Керзона. Осенью 1903 г. целая эскадра, состоявшая из шести кораблей и возглавляемая Керзоном, посетила основные порты Персидского залива²⁰.

Спровоцировав Японию на войну с Россией, английская дипломатия стала выжидать момент, чтобы воспользоваться плодами японских побед.

Русско-японская война, начавшаяся с внезапного нападения на Россию, застала самодержавие на полпути осуществления экономической программы в Иране, к которой царизм приступил еще в 1895 г.²¹. Проведение активной политики в Иране нуждалось в больших затратах, что не могло не отразиться на отсталой русской экономике. Поражение в русско-японской войне в значительной степени ослабило позиции царизма и подорвало международный авторитет России. Кроме того, война крайне отрицательно сказалась на экономике страны. Россия не могла обойтись без новых внешних займов Лондона и Парижа. Иран

же требовал все новых и новых вложений России, которые она уже не могла дать. Еще на особом совещании русского правительства по вопросу о финансово-экономической политике России в Иране, состоявшемся 7 июля 1904 г., министр финансов В. Н. Коковцев призвал ограничить денежную помощь Ирану и разрешить ее только в исключительных случаях²². Впервые на совещании была высказана мысль об ограничении русской предпринимательской деятельности «пределами Северной Персии не далее линии, проходящей через Исфахан; к югу от этой линии конкуренция с иностранными державами, особенно с Англией, представляется чрезвычайно затруднительной, и это могло бы неблагоприятно повлиять на наши отношения к этим державам»²³. Фактически совещание признало существование сфер влияния в Иране, против чего так долго возражала Россия.

Международная обстановка складывалась так, что Россия и Англия шли на сближение.

Царизм, потерпев поражение в русско-японской войне и ослабленный в результате революции 1905 г., вынужден был пойти на соглашение с Англией о разделе сфер влияния в Иране. Неустойчивость внутреннего положения в Иране, начавшаяся там революция, также требовали единства действий Англии и России. 31 августа 1907 г. между Англией и Россией было подписано соглашение о разделе сфер влияния в Иране, Афганистане и Тибете.

Соглашение явилось несомненной победой английской империалистической политики. Английская дипломатия добилась того, к чему были направлены ее усилия в конце XIX — начале XX в. Соглашение официально закрепляло колониальные завоевания английского империализма в Иране. Южные и юго-восточные районы Ирана были признаны абсолютной английской сферой влияния. Англия добилась беспрепятственного права на получение концессий и расширение торговли в так называемой нейтральной зоне (расположенной к югу от линии Касре-Ширин, Исфахан, Иезд). Англия получила контроль над доходами иранского правительства и право его кредитования. Подтверждалось наличие специальных интересов Англии в Персидском заливе²⁴. Соглашение создавало благоприятные возможности для деятельности английских капиталистов и финансистов в Иране и обеспечивало им полную защиту со стороны английского правительства.

Политика, проводившаяся в Иране империалистическими государствами, и в частности Англией, неизбежно вела Иран к потере национального и государственного суверенитета, превращению его в полуколонию. Иранская экономика была дезорганизована, голод и нищета стали постоянными спутниками широких трудящихся масс страны. Среди различных слоев населения страны зрело недовольство политикой империалистических государств и потворствующего им шахского правительства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Коренные изменения произошли в отношениях между капиталистическими державами в эпоху империализма. Обострилась борьба за передел мира, за новые сферы влияния, рынки сбыта и источники сырья. Англия, значительно опередив многие капиталистические страны по уровню своего экономического развития, сумела захватить обширные колониальные владения почти на всех континентах. Британский империализм рассматривал колонии как главное средство обеспечения экономического развития, внутренней стабильности и внешнеполитического могущества. Поэтому борьба за сохранения старых колониальных владений и приобретение новых делается ведущей в политике английского империализма в конце XIX — начале XX в.

Ближний и Средний Восток в силу его важного стратегического положения и наличия богатых природных ресурсов становится объектом особенно острых межимпериалистических противоречий.

Главным соперником Англии на Среднем Востоке, и в частности в Иране, выступает царская Россия. Иран ввиду его географического положения, стратегического и экономического значения на протяжении всего XIX в. является центром англо-русского соперничества, принявшего наиболее ожесточенные формы к началу XX в. Экономическая отсталость царской России, ее финансовая зависимость от капиталистических государств, и в частности, от Англии, оказали заметное влияние на отношения между двумя странами, облегчая английскому империализму проведение активной наступательной политики в Иране.

В борьбе за экономическое и политическое преобладание в Иране английский империализм ввел качественно новые, характерные для монополистической стадии развития капитализма способы и методы, ставшие классическими формами империалистической эксплуатации слаборазвитых стран.

В конце XIX — начале XX в. английский империализм значительно преуспел в закабалении Ирана. Наиболее важными итогами политики Англии в Иране были подчинение своим политическим и экономическим интересам южных районов страны, захват таких важных областей экономики Ирана, как финансы, нефтяные ресурсы и другие, утверждение торговой монополии в его южных и западных районах, установление политического господства в Персидском заливе. Главным последствием поли-

тики Англии в Иране явился глубокий социально-экономический и политический кризис, который охватил все слои населения страны, все сферы ее хозяйственной и политической деятельности.

Империалистическая политика Англии оказала негативное влияние на все стороны социально-экономического развития Ирана, его внутривнутриполитического положения.

В результате проникновения иностранного империализма в Иран подрывались основы традиционных производственных отношений, тормозилось становление нового способа производства. Английский империализм способствовал ускорению процесса разложения и загнивания политической структуры Ирана.

Колониальная политика, проводившаяся Англией в Иране, в особенности в южных районах страны, способствовала дестабилизации обстановки в стране. Англичане поддерживали и разжигали антиправительственные настроения духовенства, торговой буржуазии и других слоев иранского общества. Важную ставку делали они на сепаратистские настроения крупных феодалов и в особенности вождей племен.

Позиции, которые были завоеваны английским империализмом в рассматриваемые годы, надолго закрепили за ним господствующее положение в экономической и политической жизни Ирана и способствовали его превращению в полуколониальную зависимую страну.

Но в Иране зрели противоречия между империализмом и растущим стремлением иранского народа к национальной независимости. Антифеодальная, антиимпериалистическая революция 1905—1911 годов в Иране явилась ответом иранского народа на политику империалистических держав и поддерживавшей их феодальной реакции. Она открыла новый этап демократической, антиимпериалистической борьбы иранского народа.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Шахский фирман об охране жизни и имущества подданных и свободе промышленной и торговой деятельности¹

Так как Всевышнему угодно было сделать мою священную особу источником Его милостей, справедливости, силы и власти, а также вверить мне охрану жизни и достоинства персидского народа, то в благодарность за столь великий дар я считаю своим долгом для выполнения лежащей на мне обязанности не щадить никаких усилий для соблюдения справедливости и равно для охраны жизни и имущества населения этой страны от посягательств притеснителей и буду прилагать всевозможные старания к этому, чтобы жители, считая себя полноправными лицами и владельцами своего имущества, могли спокойно заниматься делами, содействующими распространению цивилизации и подъему благосостояния.

Посему для сведения и успокоения всех моих подданных и в доказательство моей монаршей заботливости объявляю настоящим высоким фирманом во всеобщее сведение персидского народа, что все мои подданные могут считать себя по отношению к своей личности и достоинству совершенно свободными и полноправными и без всякого страха и опасения располагать своим имуществом, составлять общие капиталы, организовывать компании для устройства фабрик и заводов, постройки дорог и вообще всякого рода предприятий, имеющих целью распространение цивилизации и увеличение благосостояния. Я буду весьма доволен осуществлением этих предприятий, охрана коих будет лежать на моей личной обязанности, и поэтому никто не будет иметь права налагать руку, захватывать или вмешиваться в имущественные и другие личные дела подданных Персии, равно как подвергать их взысканиям и наказаниям, за исключением тех случаев, когда распоряжения будут касаться приведения в исполнение постановлений гражданских или духовных судов.

Дан в месяце Рамазане 1305 года

Фирман министра иностранных дел Ирана о запрещении иранским подданным продавать иностранцам недвижимое имущество от 29 рамазана 1305 г. (29 мая 1888 г.)²

Всем персидским подданным и купцам воспрещено закладывать, продавать, а также отдавать в аренду иностранным подданным имущества, бани, караван-сарай, лавки, дома, водопроводы, рудники, копи, находящиеся в пределах Персии. В случае нарушения этого правительственного распоряжения вся уступленная недвижимость будет конфискована в пользу казны. Равным образом подданным Персии запрещено в торговых и других сделках их с иностранцами передавать в собственность последним, взамен уплаты долга, правительственное жалование и пенсии, выдача которых будет прекращена в случае уступки их подданным иностранных держав, причем последним не будет выдано ни одного динара.

Вообще всем лицам, состоящим на государственной службе, строго воспрещено делать займы у иностранных подданных и купцов.

Имея в виду расширение торговли, заселения своего края, равно как и развитие хлебопашества в Хузестане и в Ахвазе, персидское правительство постановило следующее: все иностранные торговые пароходы без различия наций, равно как и плававшие до сего времени по реке Каруну парусные суда, могут заниматься перевозкою по этой реке товаров на протяжении от Мохаммеры до плотины Ахваз при следующих, однако, условиях: 1) пароходы и суда не должны подниматься выше названной плотины, так как право на плавание выше плотины Ахваз принадлежит исключительно пароходам и парусным судам, принадлежащим персидскому правительству и его подданным; 2) они, т. е. иностранные пароходы и парусные суда, должны будут уплачивать в Мохаммере установленные персидским правительством пошлины и не перевозить запрещенные этим правительством предметы; 3) они не должны стоять более чем понадобится для загрузки и выгрузки товаров.

Концессия на основание банка в Иране, полученная английским подданным Ю. Рейтером 30 января 1889 г.⁴

Разногласия, существовавшие долгое время между Его Величеством шахом Персии и бароном Юлиусом Рейтером, наконец преодолены, и концессия, предоставленная Рейтеру 25 июля 1872 г., аннулируется на следующих взаимоприемлемых условиях:

Ст. 1. Правительство Его Императорского Величества шаха Персии предоставляет барону Юлиусу Рейтеру, его партнерам или представителям концессию на основание государственного банка в Персидской империи под названием Имперский Банк Персии (Imperial Bank of Persia). Концессия предоставляется на 60 лет, считая с даты подписания настоящего соглашения Его Императорским Величеством шахом. Основным местонахождением Банка будет Тегеран, но Банк имеет право основать свои филиалы в других городах Персии и за границей. Для развития торговли и увеличения богатств страны Имперский Банк Персии может основывать кредитные учреждения, которые от его имени или от имени третьих лиц будут осуществлять финансовые, промышленные и торговые операции при условии, что они не будут противоречить договорам, законам, обычаям или религии страны и Персидское Правительство будет заранее проинформировано об этом.

Имперский Банк Персии не имеет права принимать в залог или покупать недвижимость такую как земли, деревни и т. п., на территории Империи за исключением земель, необходимых ему для строительства зданий в Тегеране и провинциях.

Банку также запрещается учитывать векселя или выдавать авансы под правительственные бумаги, которые были выпущены другими учреждениями.

Ст. 2. Капитал Имперского Банка Персии определен в 100 млн. фр. или 4 млн. ф. ст. Выпуск акций будет производиться Банком отдельными сериями. Банк может начать свою деятельность по окончании подписки на первую серию акций на сумму 25 млн. фр. или 1 млн. ф. ст. Подписка будет производиться в Тегеране, Берлине, Лондоне, Париже, Санкт-Петербурге и Вене, если правительства этих государств разрешат ее. Стоимость акций будет выплачиваться Банком их владельцам.

По соглашению с Правительством Банк может увеличить свой капитал и количество выпускаемых акций.

Ст. 3. Имперскому Банку Персии, как государственному, предоставляется исключительное право на выпуск банкнот, оплачиваемых по первому предъявлению их владельцами. Без разрешения Персидского Правительства он не может выпустить банкнот более чем на 20 млн. фр., или 800 тыс. ф. ст. Для развития системы кредита и с целью ограничения количества серебряных монет и увеличения золотых монет, находящихся в обращении, Имперский Банк

Персии устанавливает единый валютный курс на основе тумана. По истечению 10 лет со дня основания Банка правительство Его Императорского Величества и Директора Банка разработают более действенные и подходящие для осуществления этого мероприятия. Однако, принимая во внимание сложившуюся в стране финансовую ситуацию, выпускаемые Имперским Банком Персии банкноты будут обеспечиваться главным образом серебряными кронами. Эти банкноты будут приниматься всеми представителями и служащими Императорского Правительства и считаться законными во всех финансовых операциях на территории Персии.

Если Банк будет не в состоянии оплатить свои банкноты, их обращение в стране прекращается и Банк должен будет выкупить все банкноты. Для гарантии обеспечения выпущенных банкнот Банк обязуется в течение первых двух лет со дня начала своей деятельности обеспечивать наличными средствами половину стоимости выпущенных им банкнот, находящихся в обращении, а после двухлетнего периода не менее одной трети.

Разница между наличными средствами, имеющимися в Банке, и стоимостью всех выпущенных им банкнот, будет обеспечиваться движимой и недвижимой собственностью Банка, документы на которую будут храниться в его учреждениях в Персии. Имперский Банк Персии оплачивает банкноты в местах их выпуска, однако банкноты, выпущенные его отделениями, могут быть оплачены и в Тегеране. Банкноты выпускаются на персидском языке. Банкноты достоинством менее двух туманов не могут быть выпущены без разрешения Правительства. Банкноты должны иметь знак или штамп, удостоверяющий их проверку Персидским Правительством, а также подпись директора, управляющего и главного кассира того отделения Банка, где они были выпущены.

Правительство Его Императорского Величества шаха обязуется не выпускать бумажные деньги и не предоставлять подобные привилегии другому банку или учреждению в течение всего срока действия данной концессии.

Ст. 4. Императорское Правительство не предоставляет обеспечения капиталов банка. Оно может, если пожелает, приобрести акции Банка, или оказать содействие персидским подданным в приобретении акций на сумму до $\frac{1}{5}$ уставного капитала, или отказаться от того и другого.

Количество и достоинство банкнот, которые выпускаются банком в соответствии с размерами капитала регламентируется ст. 3 настоящего соглашения. Создание Банка и управление им, назначение управляющих и служащих Банка в Персии или за границей, финансовое управление Банком, его доходы и расходы полностью находятся в руках концессионеров и сотрудников Банка или его представителей со всеми вытекающими из этого последствиями.

Правительство Его Императорского Величества шаха назначает Верховного Имперского Комиссара для контроля за деятельностью Банка. Верховный Комиссар имеет право знакомиться с делами Банка и следить за тем, чтобы его деятельность проходила в соответствии с концессионным договором. Комиссар будет присутствовать на общих собраниях акционеров Банка и на заседаниях Совета правления Банка в Тегеране, если он будет приглашен. Верховный Комиссар контролирует выпуск банкнот в строгом соответствии со ст. 3 настоящего соглашения. Он осуществляет контроль за отношениями между Банком и Имперским Казначейством. Он не имеет права вмешиваться в управление Банком. За деятельность Верховного Комиссара Императорское Правительство не несет никакой ответственности.

Ст. 5. Поскольку Банк был создан с целью содействия благосостоянию народа и государства, Правительство Его Императорского Величества обеспечивает охрану Банка и его филиалов. Правительство оказывает всевозможную помощь Банку в приобретении необходимых ему земельных участков для постройки на них зданий банка и его филиалов и содействует установлению справедливых взаимоотношений между Банком и землевладельцами.

Здания, где размещается Банк и его филиалы, не облагаются никакими налогами или сборами. То же распространяется и на его ценные бумаги, рас-

писки, казначейские билеты, чеки и на другие финансовые документы, выпущенные Банком. В случае, если Императорское Правительство выпустит налоговую марку, Банк не должен принимать векселя или другие денежные документы, имеющие хождение в Персии, без этой марки.

Ст. 6. Имперский Банк Персии будет оказывать содействие платежам Императорского Казначейства в Персии или за границей. За каждую такую услугу Банка Правительству Банку выплачиваются комиссионные, размеры которых будут определяться по обоюдному соглашению. После организации Банка и образования его капитала Имперский Банк Персии обязуется выдать Правительству Его Императорского Величества шаха денежную ссуду в размере 1 млн. фр. или 40 тыс. ф. ст. из расчета 6% годовых сроком на 10 лет. Погашение процентов и долга, согласно желанию Его Императорского Величества, будет производиться из 6%-ных отчислений от чистого дохода Банка, гарантируемых Правительству согласно ст. 7 настоящего договора. Кроме того, Банк будет оказывать помощь Императорскому Правительству в предоставлении займов и ссуд, которые будут предоставляться на условиях, заранее согласованных между Императорским Правительством и Банком. В противном случае эти ссуды или займы будут рассматриваться как обеспечение под выпущенные Банком банкноты.

Правительство будет выплачивать эти ссуды или займы в точно оговоренные сроки. Проценты будут регулярно выплачиваться в конце каждого персидского года, т. е. до 20 марта. Первая из ссуд, которую Банк выдаст Правительству, помимо вышеупомянутой суммы в 1 млн. фр., составит 5 млн. фр. или 200 тыс. ф. ст., по существующему валютному курсу из расчета 8% годовых.

Ст. 7. В конце каждого персидского финансового года (20 марта) Имперский Банк Персии должен выдать Правительству Его Императорского Величества шаха или перевести на его счет 6% от чистой годовой прибыли Банка. Если эта сумма окажется менее 100 тыс. фр. или 4 тыс. ф. ст., Банк обязуется доплатить Правительству до указанной суммы. Банк не имеет права делать какие-либо вычеты из своих доходов за текущий год до выплаты Правительству полагающейся суммы.

Ст. 8. Залог в 40 тыс. ф. ст., который был внесен в 1872 г. в Английский Банк бароном Юлиусом Рейтером, будет служить для Персидского Правительства гарантией создания Имперского Банка. На следующий день после основания Банка Персидское Правительство возвратит упомянутому барону вышеназванную сумму в 40 тыс. ф. ст. Если Имперский Банк не будет основан в течение 9 месяцев со дня подписания настоящего договора Его Императорским Величеством, упомянутая гарантия будет передана Персидскому Правительству, а настоящая концессия аннулируется, за исключением случаев войны в Европе между великими державами или вовлечения Персии в войну или возникновения любой другой ситуации, происшедшей по воле Бога.

Ст. 9. Во время создания Имперского Банка Персии его администрация должна опубликовать устав Банка, которым будет регулироваться его деятельность. Этот устав должен находиться в полном соответствии с условиями настоящей концессии. Устав может быть изменен только решением общего собрания акционеров Банка, но изменения должны вноситься в строгом соответствии с условиями настоящего договора.

Ст. 10. Его Императорское Величество шах и Его Правительство гарантируют права, предоставленные Банку настоящей концессией, Банк обязан уважать законы страны. В случае разногласий между Персидским Правительством и Банком или между Банком и отдельными лицами, каждая из сторон должна выбрать одного или двух арбитров и решение этих арбитров будет окончательным. Если же мнения арбитров разойдутся, последние должны назначить третейского судью, решение которого будет окончательным.

Ст. 11. Если Имперский Банк примет на себя все необходимые затраты по разведке полезных ископаемых страны для последующей их добычи, Персидское Правительство предоставляет Банку на весь период действия настоящей концессии исключительные привилегии на разработку и эксплуатацию на всей территории страны месторождений железа, меди, свинца, ртути, угля,

нефти, марганца, буры и асбеста, принадлежащих государству и не предоставленных другим странам.

В качестве приложения к настоящей концессии Персидское Правительство вручает барону Рейтеру официальный перечень месторождений полезных ископаемых, которые были уже предоставлены Правительством на день подписания данного документа. Месторождения золота, серебра, драгоценных камней и др. принадлежат исключительно государству. Если какой-либо служащий Банка обнаружит их, он обязан немедленно сообщить об этом Правительству Его Императорского Величества шаха. За исключением инженеров и мастеров, все неквалифицированные рабочие, нанимаемые Банком, должны быть набраны из подданных Его Императорского Величества шаха. Персидское Правительство обязуется всеми доступными ему средствами содействовать Банку в найме рабочей силы по существующим в стране расценкам заработной платы. Все месторождения полезных ископаемых, разработку которых Банк не сможет начать в течение 10 лет со времени его создания, будут считаться свободными, и Правительство может распоряжаться ими по своему усмотрению, не принимая в расчет возможные протесты со стороны Банка.

Ст. 12. Земля, необходимая для разработки этих месторождений и строительства коммуникаций до ближайших транспортных линий, должна быть предоставлена Имперскому Банку Персии из фонда государственных земель. Императорское Правительство будет содействовать Банку всеми возможными средствами в приобретении на самых благоприятных условиях необходимых для него частновладельческих земель для прокладки коммуникаций. Материалы, требующиеся для разработки полезных ископаемых, будут доставляться в Персию без обложения каким-либо налогами. Земли и строения, находящиеся в районах месторождений, освобождаются от всех налогов и сборов.

Ст. 13. Персидскому Правительству будет ежегодно отчисляться 16% чистой прибыли от добычи всех полезных ископаемых, осуществляемой Имперским Банком Персии. По истечению срока настоящей концессии земли, на которых производится добыча полезных ископаемых, со всеми строениями и оборудованием должны быть возвращены Персидскому Правительству в соответствии с правом наиболее благоприятствуемой нации.

Ст. 14. В обмен на права, предоставленные настоящим договором, барон Юлиус Рейтер официально и полностью отказывается от всех прав и привилегий, предоставленных ему в соответствии с предыдущей концессией от 25 июля 1872 г., которая считается аннулированной после подписания настоящего договора.

30 января 1889 г.

Соглашение между Правительством Его Императорского Величества шаха Персии, с одной стороны, и Уильямом Ноксом д'Арси — с другой, от 29 мая 1901 г.^{4а}

Соглашение было заключено на следующих условиях:

Статья 1. Правительство Его Императорского Величества шаха предоставляет и гарантирует концессионеру особые и исключительные права на разведку, добычу и эксплуатацию нефтяных месторождений, торговлю нефтью, добычу и продажу природного газа, асфальта и озокерита на всей территории Персидской империи сроком на 60 лет с даты подписания данного соглашения.

Статья 2. Эти права включают также и право проложения одного или нескольких нефтепроводов, необходимых для транспортировки нефти от источника к Персидскому заливу, а также нужных для этого дополнительных ответвлений. Концессионер имеет право сооружения колодцев, резервуаров, насосных станций и других необходимых вспомогательных служб.

Статья 3. Персидское правительство безвозмездно предоставляет концессионеру принадлежащие государству земли, необходимые для проведения вышеоговоренных работ.

Что касается обработанных земель, принадлежащих государству, то концессионер может приобрести их по сходной для данной провинции цене.

Правительство также предоставляет концессионеру право приобретать земли, находящиеся в частном владении, по ценам, существующим в соответствующей местности или районе, осуществляя на них строительство требующихся объектов с разрешения владельцев. Святые места с расположенными вокруг них землями в радиусе 200 персидских аршин исключаются из деятельности концессии.

Статья 4. Три нефтяных месторождения, расположенные в Шуштере, Касре-Ширине, в провинции Керманшах и около Бушра, находящиеся в частном владении, с которых ежегодно правительству поступало 2 тыс. туманов, включаются в концессию в соответствии со ст. 1 настоящего договора, при условии, что вне зависимости от 16%, уплачиваемых согласно ст. 10, шахскому правительству будет ежегодно выплачиваться 2 тыс. туманов.

Статья 5. Направление нефтепроводов определяется концессионером и его инженерами.

Статья 7. Все земли, предоставленные настоящим договором концессионеру, не распространяются на провинции Азербайджан, Гилян, Мазандеран, Астрабад, Хорасан, но при условии, что персидское правительство не предоставит никому другому право на строительство трубопровода к южным рекам или к южному побережью Персии.

Статья 7. Все земли, предоставленные настоящим договором концессионеру, а также те, что могут быть им приобретены согласно ст. 3 и 4 настоящего договора, и все ввозимые им материалы освобождаются от пошлин и налогов на срок действия концессии. Все оборудование, необходимое для разведки, эксплуатации и разработки месторождений, а также для строительства нефтепровода, ввозимое в Персию, освобождается от налогов и таможенных пошлин.

Статья 8. Концессионер немедленно отправляет в Персию одного или нескольких экспертов для проведения разведывательных работ в районах предполагаемых месторождений нефти, и в случае обнаружения нефти концессионер для определения ее запасов направляет в Персию необходимый технический персонал и оборудование для бурения скважин.

Статья 9. Персидское правительство предоставляет концессионеру право на основание одной или нескольких компаний для осуществления концессии. Устав и капитал компаний определяется концессионером, им же назначается на определенных условиях директор компании. Концессионер официально уведомляет через Верховного комиссара персидское правительство о каждой организованной компании и направляет ее устав и информацию о месте ее действия. Компании получают все права, дарованные концессионеру, и берут на себя все его обязанности.

Статья 10. Каждая вновь созданная компания обязуется не позднее чем через один месяц с даты своего официального оформления выплатить персидскому правительству 20 тыс. ф. ст. деньгами и на 20 тыс. ф. ст. предоставить акции компании, а также ежегодно выплачивать персидскому правительству сумму, равную 16% чистого годового дохода компании или компаний, которые могут быть созданы на основании вышеизложенных статей.

Статья 11. Персидское правительство имеет право назначать Верховного комиссара (Генерального директора), который осуществляет связь с концессионером и директорами компаний; последние обязаны снабжать его информацией о их деятельности. В свою очередь, Верховный комиссар снабжает их необходимыми сведениями в целях более полного осуществления концессии. Для охраны интересов персидского правительства Верховный комиссар с согласия концессионера организует наблюдение за действиями компаний. Концессионер платит Комиссару жалование в 1 тыс. ф. ст. в год с даты оформления первой компании.

Статья 12. Рабочие, используемые на работе в компании, должны быть подданными Его Величества шаха, за исключением технического персонала, как-то: управляющие, инженеры, бурьльщики и др.

Статья 13. В местах, где жители добывали нефть и использовали ее для

своих нужд, компания обязана бесплатно обеспечить их тем количеством нефти, которое они назовут, и это будет подтверждено местными властями.

Статья 14. Персидское правительство обязуется обеспечить безопасность и защиту агентов и служащих компании, а также и ее объектов, аппаратуры, машин, установок и т. п. Шахское правительство выполнит эти обязанности только при том условии, если концессионер и компания не будут ему предъявлять требования, могущие причинить ущерб персидскому правительству.

Статья 15. По истечении срока настоящей концессии все здания, оборудование, машины, используемые компанией, переходят в собственность правительства, и компания не имеет в этом случае права на возмещение.

Статья 16. Если в течение двух лет с даты подписания концессии не будет создана, согласно статье 9 настоящего соглашения, первая из компаний, концессия становится недействительной и ликвидируется.

Статья 17. В случае возникновения между сторонами настоящего концессионного договора каких-либо несогласий или противоречий в отношении интерпретации прав и обязанностей одной из двух высоких договаривающихся сторон, такие споры передаются на рассмотрение двух арбитров из Тегерана, каждый из которых назначается одной из сторон, и третейского судьи, избираемого арбитрами до разбора дела. В случае расхождения во мнениях арбитров решение третейского судьи является окончательным.

Статья 18. Данный договор о концессии составлен в двух экземплярах на французском языке и переведен на персидский без изменений. В случае возникновения разногласий в отношении смысловой интерпретации основным является французский текст.

Концессия на покупку, продажу и производство тутуна и танбаку⁵

Условья, на основании которых была дарована концессия, следующие:

Статья 1. Владельцы концессии обязуются ежегодно уплачивать в государственную казну 15 тыс. ф. ст. независимо от того, получает ли компания доходы или несет убытки.

Статья 2. С целью определения количества производимого в стране табака и тутуна владельцы концессии регистрируют всех производителей табака. Правительство обязуется разослать распоряжения на места, приказывающие зарегистрироваться всем производителям тутуна и танбаку. Единственное право на продажу, производство и другие действия с тутуном, танбаку, сигарами, сигаретами, нюхательным табаком и т. п. принадлежит только владельцам концессии, и никто, кроме них, не может давать разрешений на это. Производители и продавцы тутуна и танбаку, для которых это является их главным занятием, могут производить свои операции только после получения письменного разрешения концессионеров.

Статья 3. После вычета всех расходов и распределения 5% прибыли между владельцами акций концессионеры ежегодно вносят 1/4 часть оставшейся суммы в государственную казну Ирана. Иранское правительство имеет право проверять годовые книги компаний.

Статья 4. Все оснащение заводов и необходимое оборудование, которое компания ввезет в страну, освобождается от таможенных пошлин, налогов и других взиманий.

Статья 5. Транспортировка тутуна и танбаку по стране без разрешения владельцев концессии запрещается, за исключением случаев перевозки табака для личного употребления.

Статья 6. Владельцы концессии обязуются весь тутун и танбаку, производимые в стране, покупать за наличные деньги по обычно принятой цене. В настоящее время они должны купить весь произведенный в стране табак по цене, согласованной между производителями и концессионерами. В случае отсутствия согласия сторон необходимо обращаться в третейский суд, решение которого обязательно.

Статья 7. Правительство обязуется не увеличивать налогов, поборов, таможенных пошлин, установленных на тутун, танбаку, сигары, сигареты, нюхательный табак, до истечения 50 лет со дня заключения этой концессии. Владельцы концессии обязуются, со своей стороны, выплачивать иранскому правительству все те налоги, которые оно получало до этой концессии, в том же самом размере.

Статья 8. Уклоняющиеся от выполнения статей концессии подвергаются наказанию. В случае наличия у них тутуна или других табачных изделий для продажи они облагаются правительством штрафом и строго наказываются. Иранское правительство обязуется оказывать действительную защиту и поддержку агентам и владельцам концессии. В свою очередь, владельцы концессии обязуются не нарушать правил концессионного договора.

Статья 9. Владельцы концессии имеют право передать концессию по своему желанию одному или нескольким лицам, но предварительно известив об этом иранское правительство.

Статья 10. Производители или продавцы тутуна и танбаку обязаны известить агентов компании о количестве имеющегося у них товара, чтобы владельцы концессии смогли выполнить свои обязанности, утвержденные в статье 6, и быстро купить тутун и танбаку.

Статья 11. Владельцы концессии не имеют права покупать землю, за исключением той, которая необходима под строительство складов, амбаров и других объектов для осуществления концессии.

Статья 12. Производители табака на основании условий концессии, разработанной совместно с иранским правительством, имеют право получить аванс согласно количеству произведенного продукта.

Статья 13. Если в течение года после подписания концессии компания не приступит к деятельности, то концессия аннулируется, за исключением случаев войны или действий, препятствующих осуществлению концессии.

Статья 14. В случае разногласий между правительством Ирана и владельцами концессии стороны обращаются в третейский суд. Если решение суда окажется неудовлетворительным для сторон, то обращаются к третейскому суду одного из представителей государств США, Германии или Австрии, проживающих в Тегеране, и его решение является окончательным.

Статья 15. Этот концессионный договор между правительством Ирана и майором Тальботом в двух экземплярах подписан Его Величеством царствующим шахиншахом и зарегистрирован министром иностранных дел.

Персидский текст договора правомочен,

28 раджаба 1308 г.

*Письмо хаджат-оль-ислама, хаджи Хасана аль-Хусейна, проживающего в Кербеле, шаху*⁶

Во имя Аллаха милостивого и милосердного
Через посредство Его Величества Наиб ос-Солтане, да продлит Всевышний его счастье, осмеливаюсь доложить Его Величеству Августейшему шахиншаху, да увековечит господь Его Царствование.

Хотя я, занятый исключительно молитвами, не позволял себе до настоящего времени утруждать Ваше благословенное и просвещенное Величество какими-либо просьбами, тем не менее ввиду совершившихся недавно событий, идущих вразрез с интересами правительства, приемлю смелость доложить о нижеследующем.

Разрешение иностранцам вмешиваться во внутренние дела государства, их общение с мусульманами, учреждение банка и табачной монополии, проведение железной дороги и пр., составляя нарушение положений славного Корана и божественных законов, ослабляют власть правительства, нарушают государственный порядок и приводят народ в бедность.

Последствиями всего этого являются происшествия в Ширазе, убийство и ранения многих мусульман на святой могиле Его Святейшества Ахмеда сына Мусы.

Едва ли Вашему Величеству известно об этих прискорбных событиях, иначе, при стремлении доставить народу и правительству благоденствие и преуспевание, Вы едва ли пожелали бы, в годы столь прославленного царствования, милостиво дарованного Вам Богом, допустить в настоящее время то, что в будущем может омрачить славу и блеск многих предшествующих годов.

Усерднейше прошу Ваше Величество оказать милостивое внимание находящемуся ныне в изгнании в святых местах хаджи Сенд Али Акбару. Все духовенство и народ будут неустанно молиться за благоденствие Вашего Величества.

Конец июля 1891 г.

*Обращение тебризского населения к Наср эд-Дину-шаху*⁷

Помощь от Бога и ближайшая победа
(строка из Корана)

Жалоба и просьба, с коими мусульмане обращаются к представителю ислама и мусульман, моджтехиду Тебризскому, да увековечит господь его жизнь, а также ко всем моджтехидам и муллам города Тебриза и к Главноначальствующему в крае Амир Незаму, да увековечится его слава.

Умоляем Вас направить настоящую нашу жалобу Его Величеству шаху, повелителю ислама, великому Царю Царей, тени Аллаха на земле, да будет принесена за него в жертву душа вселенной. По получении ответа на данную жалобу просим сообщить его мусульманам, дабы они могли узнать, как им поступить.

Дерзаем бить челом Вашему Августейшему Величеству, повелителю ислама, да будет принесена в жертву за Вас душа вселенной, и осмеливаемся обратить внимание Ваше на нижеследующее:

Его Святейшество, печать пророков, пречистый Мухаммед, да ниспослет господь свои молитвы на него и на его потомство, исполнив и передав возложенное на него свыше пророчество и будучи близок к переселению из мира темного в мир вечный, завещал народу своему так: «О, люди! Оставляю Вам два дара: священную книгу и почитание моего семейства, члены коего имеют быть почитаемы одинаково впредь до возвращения их мне, пред престолом Всевышнего».

Смысл этого священного предания таков, что Мухаммед оставил нам ниспосланную Аллахом книгу — Коран и поручил нам почитать его потомство, т. е. 12 имамов, вечный им мир. Что касается почитания пречистого потомства, то известно, как оно осуществлялось халифами из династий Аббасидов и Омейядов, да проклянет их Аллах!

Некоторые они истребили ядом, многих же мечом. Последний из имамов, верховный судья ислама, да ускорит господь его появление среди нас, убоясь гонений жестокосердных, скрылся впредь до дня Страшного суда. У мусульман остался лишь Коран, который благодаря нынешнему заблуждению слуг нашего повелителя также может быть отнят у нас. Вот уже сорок с лишком лет, как Вы царствуете, соблюдая правосудие, милосердие, милость и любовь к мусульманам.

Не понимаем, какова причина отклонения некоторых правительственных чиновников с пути истины и стремления их притеснениями и неправдами отнять у нас наш всехвальный Коран! Разве не сам великий Аллах сказал в святом Коране: «Никогда Аллах не допустит, чтобы мусульмане подчинялись неверным».

Ни под каким видом Аллах не допустит этого. Шарият запрещает, например, чтобы поверенный неверного, имеющего претензию к мусульманину, мог быть из неверных, даже в том случае, если бы поверенный этот был родным братом или сыном истца; поэтому такая претензия может быть предъявлена лишь лично, или даже его поверенным-мусульманином. На основании того же положения Корана никто из неверных не может быть поверенным

одного из тяжущихся между собою мусульман, ни истца, ни ответчика. Если муж и жена неверные, то жена, приняв мусульманскую веру, имеет право выйти замуж за мусульманина в случае отказа ее первого мужа принять ислам. Но жене мусульманна, принявшего ложную веру, отнюдь не вменяется в обязанность следовать за своим мужем — она освобождается от всяких супружеских обязанностей по отношению к нему. Если таков смысл шариата, данного Мухаммедом, да ниспошлет Аллах свои молитвы на него и на потомство его, а именно, что неверный никоим образом не может иметь власти над мусульманином, то как могло случиться, чтобы наш повелитель продавал всех мусульман, как презренных рабов, неверным!

Так, например, почему мы должны лишиться табака — этой собственности нашей по праву и быть принужденными силою продавать по дешевой цене нашу чистую и неоскверненную законную собственность неверным и вновь покупать ее у неверных по той же цене, но опоганенную?

Не служит ли это обстоятельство явным доказательством власти неверных над правоверными? Требуется ли еще более веские доказательства того, что порабощение мусульман, с одной стороны, и сила и могущество неверных, с другой, доходят до крайних пределов? Может ли подобное распоряжение Повелителя мусульман отменить повеление Корана? Поэтому народ, обращаясь к Вам как к своему правосудному повелителю, питающему более чем родительскую любовь к своим подданным — мусульманам, ныне же вследствие каких-то недоразумений предложившему свои светлые воззрения на притеснение и на отступление от истинной веры, молит Вас, повелитель, не допускать более ни этого отступления, ни порабощения мусульман, ни отмены их шариата.

Мусульманский народ готов по мере сил и возможностей принести своему мусульманскому повелителю в жертву и имущество, и жизнь свою, но не может допустить, чтобы повелитель правоверных попирали его религию. Всякий народ поступает и действует сообразно своей религии, жертвуя имуществом и жизнью в случае необходимости в пользу своего повелителя.

Словом, мольба народа следующая: он готов платить налог, готов принести душу свою в жертву Наср эд-Дни — повелителю, дарующему победу вере, лишь бы он, повелитель, охранял его от притеснений со стороны неверных. Ввиду того, что ныне повелитель правоверных, продав ислам неверно, а мусульман неверным, желает уничтожить наш шариат, то мы несколько не желаем подчиняться таковому распоряжению. В Коране сказано: постановления религии не должны быть нарушены. И далее: «Господи, не обременяй нас непомерно тяжестью». Поэтому мы не можем отступить от своей веры и ее правил. Правительственные власти, упуская из виду насущные интересы народа, продают верноподданных мусульман неверным, у которых они будут в полном презрении.

Купля и продажа танбаку и табаку становятся для нас запрещенными, так как в Коране сказано: «Вам разрешается употреблять лишь вещи, купленные и проданные без малейшего принуждения». Следовательно, где есть принуждение, там возникает религиозный запрет, а посему нам придется воздержаться от танбаку и табаку.

Трудно допустить, чтобы Наср эд-Дин — защитник религии, правосудный и любящий нас повелитель согласился бы с таким положением. Едва ли он захочет, чтобы его сорокалетнее славное царствование омрачилось, чтобы правосудие его, стоявшее доселе выше правосудия самого Ануширвана, было переименовано историею в кривосудие, каковое название осталось бы за ним на вечные времена. Едва ли он пожелает, чтобы было сказано в истории, что Наср эд-Дин — защитник веры в конце своего правления стал защитником безверия, что он погряз Коран и отменил шариат.

Если правосудный наш повелитель силою пожелал бы подчинить нас неверным, то мы вынуждены будем послушаться и выйти из повиновения милостивейшего нашего повелителя, к чему он сам принуждает нас. Наша религия ускользает из наших рук — мы должны отстаивать ее. История с девочкою (Содгбулакское дело) еще свежа, и всем памятно, как мусульмане отстаивали свою религию.

Лучше нам сразу быть убитыми, чем путаться в сетях и ухищрениях неверных, из которых выпутаться невозможно! Лучше пусть погибнут мусульмане, чем остаться им в презрении под властью неверных.

Поручаем себя Аллаху, лучшему заступнику.

19 августа 1891 г.

Перевод телеграммы Его Величества шаха Амир Незаму⁸
Амир Незам!

Ответную телеграмму Вашу на мою видел. Очень и очень был удивлен, что Вы не поняли нашей телеграммы, и что Вы просите извинить Вас от лежащих на Вас обязанностей. В телеграмме не было выражено недовольствия Вам; мы не поставили Вам в вину, что Вы не прибегли к вооруженной силе.

Мы пожелали выяснить, почему Вы, а также служащие и духовенство допустили, что это дело получило огласку, что привело к смуте и пересудам как здесь, так и за границей и нанесло ущерб престижу государства.

Вопрос, который надо было решать в частном и тайном порядке, не было необходимости предавать гласности.

Когда мы узнали об этом, то ради успокоения народа мы издали то самое постановление, о котором было объявлено третьего дня и вчера. Поистине желание народа, согласно нашему распоряжению, было удовлетворено, вследствие чего и разговоры об оном теперь излишни и не должны иметь места.

Что же касается послания нашего Вам и населению Азербайджана, то из них становится ясным, что мы никогда не желали, чтобы кому бы то ни было был нанесен хоть какой-то ущерб.

Вы же ни под каким предлогом не просите об отставке. Как мы уже телеграфировали Вам в месяце мохарраме, до последней минуты жизни Вашей Вы должны находиться у валиагда и исполнять возложенные на Вас обязанности. Заслуги Ваши известны, и мы ими довольны, и то, что Вы нам доложили, — верно. Телеграмму эту покажите валиагду и моджтехду.

30 августа 1891 г.

Копия с чернового письма Самаррского моджтехиды хаджи мирза Мохаммад Хасана Ширази Тебризскому моджтехиду хаджи Джавад-ага⁹

Надеюсь, что по воле Аллаха и пророка находитеесь в полном здравии и благополучии. Любезное письмо Ваше получил. Вы подробно сообщили в нем о том, что здоровье Ваше в хорошем состоянии, а также относительно вопроса о сопротивлении, а именно, что Вас два-три раза требовали на аудиенцию и что в последний раз и просили, и настаивали принять невозможное предложение — дать ход этому делу в Иране.

Вы отвечали, что «это дело важное, и по моему приказу не будет исполнено, а если и будет, я не дам разрешения. Пусть это сделает глава мусульман и старейший из нас — ходжат оль-ислам. Пусть он даст разрешение, а я приведу его в исполнение». И прекрасно сделал Вы, да вознаградит Вас Аллах добром в сем мире и в будущем. Повелитель мира да охранит Вас от всяких бед. Вы никогда не бойтесь вопросов подобного рода: во-первых, Аллах, во-вторых, Вы, а затем, пока есть в бренном теле моем жизнь, — я, эти притеснители не смогут осуществить свои замыслы. По настоящему вопросу мне ни слова не сообщили ни та, известная Вам личность [шах. — Л. К.], ни Амин ос-Солтане, ни прочие. Вторично пишу Вам, да не будет у Вас боязни подобного рода вопросов. Мне известно, что Вы их не опасаетесь, но еще раз повторю, сделайте необходимые подтверждения, отказа дабы не выдать, сию горсть ислама притеснителям.

Декабрь 1891 г.

Господин! Были некоторые распоряжения, которые я бы хотел передать Вам устно через одного человека, но так как они были довольно большими, я решил Вам написать. После того как Вы прочтете письмо, Вы напишете ответ, а это письмо отошлете обратно мне. Относительно табачного дела я должен сказать, что никто не обладает абсолютным умом, который может знать все. Это может только наш Пророк. Да прославится имя его! Иногда человек что-либо задумает и сделает, а потом раскаивается. В табачном деле я уже давно хочу взять обратно внутреннюю монополию от иностранной компании и об этом сделал соответствующие указания господину Амин ос-Солтане, чтобы он провел переговоры с иностранцами с целью изъять монополию из внутреннего обихода и сделать так, чтобы они не смогли к этому придраться и не затребовали бы крупной компенсации и чтобы народ мог отдохнуть от вмешательства иностранцев во внутренние дела, что очень вредно. Мы были заняты подготовкой этого, когда распространилось подлинное или поддельное обращение мирзы Ширази в Исфахане, и оно потом достигло Тегерана. И Вы, который являетесь мудрым и ученым улемом, не предупредив правительство, распространили среди народа обращение, чтобы он отказался от курения кальяна; в связи с этим начались волнения и беспорядки в столице. Было бы лучше, если бы Вы совместно с другими представителями духовенства или лично написали мне письмо и вместо того, чтобы сразу отказаться от кальяна, что и произошло, мы бы издал наш указ. После этого я приказал господам Амин ос-Солтане и Наиб ос-Солтане собрать на заседании представителей духовенства и министров и решить, что в этом договоре противоречит шариаду, и исключить это из него. На первом заседании присутствовали все, кроме Вас, так как Вы сказались больным. Я не понимаю смысла Вашего поведения. Почему Вы не присутствовали на заседании, на котором мы Вам приказывали быть? На другом заседании, где Вы присутствовали, Вы говорили о том, что не имеет отношения к делу. Например, о банке, железной дороге и т. п. Мы слышали Ваши высказывания и о табачной монополии. И я отдал приказ Амин ос-Солтане, чтобы он сообщил Вам о запрещении монополии внутри страны. Мы получили письменно посредством телеграфа благодарности от всех, кроме Вас. Значение этого я тоже не понял. Что это означает? Для предотвращения смуты было бы самым правильным, чтобы после отмены табачной монополии Вы сразу же пошли бы в мечеть и с кафедры объявили народу нашу милость и разрешили употребление табака, ибо, как говорят муллы: «Препятствие исчезло и нужное достигнуто». И почему Вы так не сделали, никак не пойму. Как будто бы правительство ничего не сделало для запрещения монополии. Вы так не должны были себя вести. Вы занимаетесь демагогией и таким образом создаете себе авторитет. И вместо восхваления нашего правительства Вы выступаете против него и высших государственных чиновников. Что все это значит? Я вас знал как скромного, справедливого, преданного нам муллу. Теперь вижу обратное: Вы поступаете как тебризский моджтехид, Ага Неджафи Исфахани и другие. Разве Вы не знаете, что никто не может выступать против правительства. И не дай бог! Если не будет правительства, то тегеранские банды отрубят всем Вам головы и Ваши жены и дети попадут в руки турецких и английских солдат, афганцев или туркмен. Мне Вас жаль, что с таким умом и знаниями Вы стали орудием в руках нескольких ахундов и отбросов общества в городах и выполняете все их желанья. Короче, я написал Вам письмо, так как это крайне необходимо. Остальное Вы знаете сами. Но один совет необходим. И какую удивительную службу Вы для народа сослужили. Те, которые раньше не курили опиум, сейчас курят. Человек, который курит, не откажется от курения и будет курить опиум, или гашиш, или другую подобную гадость, которую достанет, пока не заболит или сойдет с ума. По этой причине много заболеваний. И делу конец.

Январь 1892 г.

Введение

¹ В. И. Ленин. Доклад на II съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г.— Т. 39, с. 328.

² Отчетный доклад ЦК КПСС XXIII съезду КПСС.— Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 1. М., 1970, с. 285.

Глава I

¹ В. И. Ленин. Империализм и раскол социализма.— Т. 30, с. 174.

² В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Т. 27, с. 404—405.

³ Там же, с. 362.

⁴ Дж. Харвей, К. Худ. Британское государство. М., 1961, с. 290.

⁵ В. И. Ленин. Империализм и раскол социализма.— Т. 30, с. 173.

⁶ Ф. Энгельс. Англия в 1845 и 1885 годах.— Т. 21, с. 203.

⁷ В. Н. Виноградов. У истоков лейбористской партии (1889—1900 гг.). М., 1965, с. 13.

⁸ «The Economist». 13.2.1875, № 1, (642), с. 175.

⁹ В. Н. Виноградов. У истоков лейбористской партии (1889—1900 гг.), с. 13.

¹⁰ Э. Галеви. История Англии в эпоху империализма. М., 1937, с. 12.

¹¹ Ю. Кучанский. Положение рабочего класса в Англии (1832—1956 гг.). М., 1958, с. 99.

¹² В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Т. 27, с. 375.

¹³ Ф. Энгельс. Английские выборы.— Т. 18, с. 477.

¹⁴ В. Керженцев. Англия и англичане. Очерки современной Англии. Пг., 1918, с. 50.

¹⁵ В. Майский. Ллойд-Джордж. Пг., 1916, с. 7.

¹⁶ Н. J. Laski. Parliamentary Government in England. L., 1950, с. 201.

¹⁷ См.: Н. А. Ерофеев. Очерки по истории Англии 1815—1917 гг. М., 1959, с. 157, 158, 159.

¹⁸ Ф. А. Ротштейн. Международные отношения в конце XIX века. М.—Л., 1960, с. 20.

¹⁹ Г. Л. Бондаревский. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX—начало XX в.). М., 1968, с. 23.

²⁰ G. Curzon. Persia and the Persian Question. L., 1892; Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question. L., 1889.

²¹ Ч. Мак-Грегор. Оборона Индии.— «Сборник материалов по Азии». Вып. 43. СПб., 1891, с. 177.

²² Там же, с. 115.

²³ G. Curzon. Persia and the Persian Question. Т. 2, с. 18.

²⁴ Пальм Датт. Индия сегодня. М., 1948, с. 256.

* Ссылки на сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса даны по 2-му изданию Сочинений, ссылки на сочинения В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

- ²⁵ Цит. по: Е. Л. Штейнберг. История британской агрессии на Среднем Востоке. М., 1951, с. 113.
- ²⁶ G. Cecil. Life of Robert Marquis of Salisbury. L., 1921. Т. 2, с. 72.
- ²⁷ R. Churchill. The Anglo-Russian Convention of 1907. L., 1939, с. 14.
- ²⁸ Е. Л. Штейнберг. Английская версия о «русской угрозе Индии» в XIX—XX вв.—«Исторические записки». 1950, № 33, с. 47.
- ²⁹ П. М. Шаститко. К вопросу о мифической «русской угрозе» Индии.—Против фальсификации истории колониализма. М., 1962, с. 182—196.
- ³⁰ Махмуд Махмуд. Тарих-е ревабет-е сянси-йе Иран ва Энглис дар гарн-е нуздахом-е милади. Тт. 1—8. Техран, 1331; А. Данешпур. Ним-е гарн-е бардеги-йе эктесадн. Техран, 1328.
- ³¹ C. V. Aitchison. Collection of Treaties, Engagements and Sanads. Delhi, 1933, с. 87—88.
- ³² I. Ahmad. Anglo-Iranian Relations. 1905—1919. N. Y., 1974, с. 1.
- ³³ История дипломатии. Т. 2. М., 1963, с. 17.
- ³⁴ H. Rawlinson. England and Russia in the East. L., 1875, с. 296.
- ³⁵ «The Times», November 17, 1875.
- ³⁶ H. Rawlinson. England and Russia in the East, с. 296.
- ³⁷ Там же, с. 297.
- ³⁸ «The Times», February 20, 1877.
- ³⁹ R. L. Greaves. Persia and the Defence of India. 1884—1892. L., 1959, с. 142.
- ⁴⁰ Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary record. 1535—1914. Ed. by J. C. Hurewitz. T. 1. N. Y., 1972, с. 221.
- ⁴¹ Там же, с. 220.
- ⁴² Там же, с. 220—221.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же, с. 221.
- ⁴⁵ Diplomacy in the Near and Middle East. Ed. by J. C. Hurewitz, с. 222.
- ⁴⁶ Г. Л. Бондаревский. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива, с. 15.
- ⁴⁷ R. L. Greaves. Persia and the Defence of India. 1884—1892, с. 26.
- ⁴⁸ Г. Л. Бондаревский. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива, с. 35.
- ⁴⁹ The Middle East and North Africa in World Politics. A Documentary Record. T. 1. European Expansion. 1535—1914. Comp., transl. and ed. by J. C. Hurewitz. New-Heaven—London, 1975, с. 491.
- ⁵⁰ Diplomacy in the Near and Middle East. Ed. by J. C. Hurewitz, с. 224.
- ⁵¹ В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарско-крестьянская революция.—Т. 20, с. 174.
- ⁵² АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 2308, л. 114.
- ⁵³ Англо-русское соперничество в Персии.—«Красный Архив». 1933, № 1(56), с. 53.
- ⁵⁴ Так определил задачи России в Иране начальник Азиатского департамента И. А. Знновьев.—«Красный Архив». 1935, № 2—3 (69—70), с. 13.
- ⁵⁵ А. Ф. Остальцева. К вопросу об империалистических противоречиях между Англией и Россией во время заключения соглашения 1907 г.—«Научные доклады высшей школы». Исторические науки. 1958, № 4, с. 146.
- ⁵⁶ British Documents on the Origins of the War. 1894—1914. T. 4, № 271. L., 1929.
- ⁵⁷ Цит. по: А. Ф. Остальцева. К вопросу об империалистических противоречиях между Англией и Россией во время заключения соглашения 1907 г., с. 154.

Глава 2

- ¹ История дипломатии. Т. 2. М., 1963, с. 23.
- ² В. С. Глуходед. Проблемы экономического развития Ирана. М., 1968, с. 5.

³ The Economic History of Iran 1800—1914. Ed. by Ch. Issawi. Chicago—London, 1971, с. 359—361.

⁴ См.: В. С. Глуходед. Проблемы экономического развития Ирана; Р. А. Сеидов. Иранская буржуазия в конце XIX—начале XX в. М., 1974; А. И. Демин. Современная иранская деревня. М., 1977 и др.

⁵ Р. А. Сеидов. Иранская буржуазия в конце XIX—начале XX в., с. 131.

⁶ Там же, с. 101, 111, 112.

⁷ Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record. 1535—1914. Ed. by J. C. Hurewitz. T. 1. N. Y., 1972, с. 222.

⁸ F. E. Grow. Persia. English Enterprise in Persia in the Nineteenth Century. T. 41, 1897, с. 127.

⁹ Р. Сефевн. Иран-е эктесадн. Техран, 1929, с. 144.

¹⁰ R. Sykes. A History of Persia. T. 2. L., 1930, с. 368.

¹¹ Там же.

¹² Хрестоматия по новой истории. Т. 2. 1815—1870. М., 1965, с. 501.

¹³ Там же.

¹⁴ Diplomacy in the Near and Middle East. Ed. by J. C. Hurewitz, с. 170.

¹⁵ П. А. Риттих. Политико-статистический очерк Персии. СПб., 1896, с. 86.

¹⁶ Diplomacy in the Near and Middle East. Ed. by J. C. Hurewitz, с. 222.

¹⁷ А. Попов. Англо-русское соперничество на иранских путях.—«Новый Восток». 1926, № 12, с. 94.

¹⁸ Н. Н. Бобынин. Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля (1901—1923 гг.). Тифлис, 1923, с. 53.

¹⁹ П. А. Риттих. Политико-статистический очерк Персии, с. 86.

²⁰ Дж. Керзон. Персия и персидский вопрос.—«Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии». Вып. 52. СПб., 1893, с. 226.

²¹ «Новое время». 28.III.1902; см. также АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 4693, л. 2.

²² В своем меморандуме Керзон сообщает, что 30% всех телеграмм шло между метрополией и ее австралийскими колониями, а на связь между Англией и Индией падало свыше 60% всех телеграмм.—Diplomacy in the Near and Middle East. Ed. by J. C. Hurewitz, с. 222.

²³ L. de Villemorin. La Politique étrangère en Perse. P., 1894, с. 55.

²⁴ G. Curzon. Persia and the Persian Question. T. 2, с. 646.

²⁵ M. Smith. The Strategy of Russia in Central Asia from a Persian View.—«Journal of the Royal United Service Institute». L., T. 79, 1874, с. 213.

²⁶ Махмуд Махмуд. Тарих-е ревабет-е сянси-йе Иран ва Энглис дар гарн-е нуздахом-е милади, с. 625.

²⁷ Diplomacy in the Near and Middle East. Ed. by J. S. Hurewitz, с. 491.

²⁸ Первый проект строительства железной дороги в Иране возник у правительства Британской Индии еще в 1850 г. Дорогу предполагалось провести через Турцию и Иран в Индию, но этот проект не осуществился.

²⁹ F. Kazemzadeh. Russia and Britain in Persia, 1864—1914. A Study in Imperialism. New Heaven, London, 1968, с. 101—102.

³⁰ И. Теймури. Асп-е бихабари йа эмтиазат дар Иран. Техран, 1332, с. 107.

³¹ М. Павлович. Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего. М., 1919, с. 5.

³² Там же, с. 4.

³³ Об условиях концессии см.: А. Данешпур. Банк-е шахеншахи ва эмтияз. Техран, 1967, с. 9; АВПР, ф. «Персидский стол», д. 2993, л. 22—34; F. Kazemzadeh. Russia and Britain in Persia, с. 105—109.

³⁴ G. Curzon. Persia and the Persian Question, с. 614.

³⁵ М. Павлович. Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего, с. 3.

³⁶ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 2993, л. 107.

³⁷ А. Данешпур. Банк-е шахеншахи ва эмтияз, с. 5.

³⁸ См. N. R. Keddie. The Roots of Ulama's Power in Modern Iran. — «Studia Islamica». Т. 20, L., 1969, с. 34.

³⁹ F. Kazemzadeh. Russia and Britain in Persia, с. 110.

⁴⁰ Наср эд-Дин-шах был очень пышно принят при Петербургском дворе. Во время бесед с царем и министрами шаху было дано обещание построить железные дороги в Иране на русские капиталы. Причем были обещаны льготные условия. Как видно из последующих событий, это была простая дипломатическая уловка с целью добиться отмены концессии Рейтера.

⁴¹ Газета «Иран» сообщала по этому поводу: «Концессия, данная барону Ю. Рейтеру на постройку железной дороги от Решта до Бушнра, ликвидируется. Причина ликвидации заключается в том, что уже прошел срок, в который следовало приступить к работам». — «Иран», 10.XII.1873, № 194. Цит. по АВПР, ф. «Персидский стол», д. 2993, л. 185.

⁴² Л. Г. Истягин. Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне первой мировой войны. М., 1979, с. 13—14.

⁴³ АВПР. Ф. «Миссия в Персии», д. 1890, л. 8 об.

⁴⁴ Там же, д. 4454, л. 152.

⁴⁵ П. П. Бушев. Герат и англо-иранская война 1856—1857 гг. М., 1959, с. 124—127.

⁴⁶ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 2308, л. 110.

⁴⁷ Там же. Ф. «Миссия в Персии», д. 1890, л. 9 об.

⁴⁸ В 1896 г. произошла новая смена правителя Хузестана. Шейх Мизаль был не без помощи англичан убит, и его место занял шейх Хазаль. Он пользовался громадным влиянием благодаря своей власти и богатству. Англичане активно поддерживали усилия Хазалья стать независимым от иранского правительства. Шейх Хазаль многое сделал для укрепления английского влияния в этом районе. Также большую помощь англичанам в Мохаммере оказал официальный представитель иранского правительства Аманулла-хан, «большой друг англичан и ревностный защитник их интересов, за охрану которых он получал ежегодно от своих друзей определенное содержание».

В Мохаммере англичане организовали свое вице-консульство, район деятельности которого простирался до Ахваза (АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 3869, л. 71).

⁴⁹ F. Kazemzadeh. Russia and Britain in Persia, с. 154.

⁵⁰ R. L. Greaves. Persia and the Defence of India. 1884—1892, с. 50—51.

⁵¹ Там же, с. 51.

⁵² М. В. Попов. [Рец. на:] R. L. Greaves. Persia and the Defence of India, 1884—1892. — «Народы Азии и Африки». 1961, № 6, с. 183.

⁵³ R. L. Greaves. Persia and the Defence of India. 1884—1892, с. 51.

⁵⁴ И. Низамутдинов. Сенстанский вопрос. Из истории вмешательства Англии в ирано-афганские дела. — «Ученые записки Ташкентского государственного педагогического института». Вып. 14. Ч. 2. Таш., 1959, с. 42, 64; Н. А. Халфнн. Из истории «Сенстанского вопроса». — «Труды Среднеазиатского ун-та». Вып. 68. Кн. 9. Таш., 1955.

⁵⁵ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 2984, л. 22.

⁵⁶ F. Kazemzadeh. Russia and Britain in Persia, с. 161.

⁵⁷ Г. А. Хидояттов. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60—70-х гг.). Таш., 1969, с. 198—199.

⁵⁸ Diplomacy in the Near and Middle East. Ed. by J. C. Hurewitz.

⁵⁹ F. Kazemzadeh. Russia and Britain in Persia, с. 157.

⁶⁰ Там же, с. 158.

⁶¹ Л. Г. Истягин. Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне первой мировой войны, с. 18.

⁶² R. L. Greaves. Persia and the Defence of India. 1884—1892, с. 89.

⁶³ Л. Г. Истягин. Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне первой мировой войны, с. 18.

⁶⁴ З. З. Абдуллаев. Начало экспансии США в Иране. М., 1963, с. 8—11.

⁶⁵ F. Kazemzadeh. Russia and Britain in Persia, с. 174.

⁶⁶ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 2984, л. 185.

⁶⁷ Там же, д. 4015, л. 10.

⁶⁸ Там же. Ф. «Миссия в Персии», д. 1813, л. 46.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ F. Kazemzadeh. Russia and Britain in Persia, с. 177—178.

⁷¹ АВПР. Ф. «Миссия в Персии», д. 1835, л. 1—8.

⁷² Маджале-йе барресиха-йе тарихи. Техран. 1971, № 4(35), с. 149—154.

⁷³ Мальком-хан — один из видных представителей буржуазного национализма в Иране, создатель прогрессивного общества «Адамийат» (1858) выступал за установление в Иране конституционной монархии, за проведение буржуазных социально-экономических реформ, за свободу личности, гарантию частной собственности. Он ошибочно считал, что экономическое развитие Ирана зависит только от привлечения в страну иностранного капитала, предоставления концессий, монополий иностранцам.

Мальком-хан участвовал в создании в Лондоне Иранской инвестиционной корпорации. Планы корпорации были очень обширны и затрагивали многие области иранской экономики: строительство дорог, рынков, освещение городов, ирригационные работы, строительство частных и общественных зданий, создание трамвайных линий и т. д. Но в этой корпорации приняли участие финансисты довольно сомнительной репутации и она через некоторое время распалась.

В 1889 г. Мальком-хан добился у шаха разрешения на проведение лотереи в Иране, которую он намеревался организовать с помощью Иранской инвестиционной корпорации. Против концессии выступила русская миссия.

⁷⁴ Маджале-йе барресиха-йе тарихи. 1971, № 4(35), с. 157.

⁷⁵ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 2993, л. 15 об., 16.

⁷⁶ Там же, л. 29.

⁷⁷ F. Kazemzadeh. Russia and Britain in Persia, с. 179.

⁷⁸ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 2993, л. 29 об.

⁷⁹ Там же, л. 9 об.

⁸⁰ Там же, д. 2993, л. 34 об.

⁸¹ Махмуд Махмуд. Тарих-е ревабет-е сияс-йе Иран ва Энглис дар гар-е нуздахом-е милади, с. 1233.

⁸² Л. М. Кулагина. Экспансия иностранного империализма в Иран и превращение его в полуколоннию. — Очерки новой истории Ирана. М., 1978, с. 131—132.

⁸³ Мас'уд Мирза Зелли-Солтан был старшим сыном Наср эд-Дин шаха; его мать не была каджарской принцессой, и поэтому он не стал наследником престола. Шах, который не очень любил наследника Мозаффар эд-Дина, всю свою привязанность отдавал Зелли-Солтану. Он щедро передавал ему в управление провинцию над провинцией, и постепенно Зелли-Солтан сосредоточил в своих руках власть почти над третью Ирана с центром в Исфахане. Зелли-Солтан имел несколько хорошо вооруженных с помощью англичан полков. Его войска были лучшими в стране.

⁸⁴ R. L. Greaves. Persia and the Defence of India. 1884—1892, с. 154.

⁸⁵ H. A. Nicolson. A Study in the Old Diplomacy. L., 1930, с. 71—73.

⁸⁶ Генри Друммонд Вольф был типичным представителем новых империалистических кругов Англии, стремившихся закабалить страны Востока с помощью вывоза капитала и заключения неравноправных экономических договоров. На эту его черту указывает и Ф. Каземзаде: «Хорошо образованный, умный, диничный, с бьющей через край энергией... Вольф был тесно связан с Сити и с Вестминстером. Он сделал дипломатическую карьеру. Был в палате общин. Его друзьями были Ротшильды, Сассуны, Ю. Рейтер, лорд Р. Черчилль. Он являлся воплощением империалистического духа, верил в примат экономики над политикой, считал, что правительство и дипломатия существуют для активизации экономической политики, и выступал за расширение английского финансового капитала по всему миру». F. Kazemzadeh. Russia and Britain in Persia, с. 184).

⁸⁷ См.: R. L. Greaves. Persia and the Defence of India. 1884—1892, с. 121.

⁸⁸ См.: И. Сафан. Намеха-йе тарихи. Техран, 1969, с. 9—10.

- ⁸⁹ F. Kazemzadeh. Russia and Britain in Persia, с. 192—194.
⁹⁰ АВПР. Ф. «Миссия в Персии», д. 1835, л. 13.
⁹¹ Цит. по: F. Kazemzadeh. Russia and Britain in Persia, с. 195.
⁹² АВПР. Ф. «Миссия в Персии», д. 1813, л. 67. См. также: И. Сафаяи. Аснад-е сянси-йе доуран-е Каджарийе. Тегран, 1967, с. 134—139. В ряде советских работ (История Ирана. М., 1977, с. 259; История стран Азии и Африки в новое время. М., 1971, с. 495 и др.) ошибочно утверждается, что концессия на судоходство по р. Карун была предоставлена английской компании «Братья Линч», ведущей торговлю по рекам Тигру и Евфрату, в г. Мохаммере и Бушире.
⁹³ И. Сафаяи. Аснад-е сянси..., с. 116.
⁹⁴ «Иран», 1888, № 669. Цит. по: АВПР. Ф. «Миссия в Персии», д. 1813, л. 72.
⁹⁵ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 2980, л. 183.
⁹⁶ Там же, л. 209.
⁹⁷ Там же. В дальнейшем в связи с усилением позиции Англии на юге Ирана англичанам удавалось успешно обходить эти правила.
⁹⁸ «The Chamber of Commerce Journal». Т. 8. № 85, 5.III.1889, с. 52—55.
⁹⁹ Там же.
¹⁰⁰ Там же.
¹⁰¹ Там же, с. 55.
¹⁰² Там же.
¹⁰³ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 2993, л. 239.
¹⁰⁴ АВПР. Ф. «Миссия в Персии», д. 1890, л. 190.
¹⁰⁵ Там же, л. 19.
¹⁰⁶ Blue Books. Persia. Report by Major-General F. E. Gordon on Journey from Tehran to Isfahan. L., 1891, с. 11.
¹⁰⁷ АВПР. Ф. «Миссия в Персии», д. 1890, л. 20.
¹⁰⁸ АВПР. Ф. «Миссия в Персии», д. 1890, л. 21.
¹⁰⁹ Там же.
¹¹⁰ Там же, л. 69.
¹¹¹ «Foreign Office», 1891, Miscellaneous Series № 207. Reports on Subjects of General and Commercial Interests. Persia, с. 13.
¹¹² «Foreign Office», 1890. Tribes Administration. Report of the Persian Gulf Political Residency. Serial № 35, с. 3.
¹¹³ Махмуд Махмуд. Тарих-е ревабет-е сянси-йе Иран ва Энглис дар гарн-е нуздахом-е миллади, с. 1233—1234.
¹¹⁴ R. L. Greaves. Persia and the Defence of India. 1884—1892, с. 166.
¹¹⁵ Описание этих поездок появилось в «Blackwood's Edinburgh Magazine» в апреле, мае, июне и июле 1889.
¹¹⁶ АВПР. Ф. «Миссия в Персии», д. 1890, л. 68.
¹¹⁷ В. В. Трубецкой. Бахтиары. М., 1966, с. 41.
¹¹⁸ Там же, с. 43—44.
¹¹⁹ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 4544, л. 6.
¹²⁰ Там же, д. 3869, л. 79.
¹²¹ Там же, л. 78 об.
¹²² Там же, л. 213 об.
¹²³ В. В. Трубецкой. Бахтиары, с. 44.
¹²⁴ Там же, с. 44.
¹²⁵ Компания «Братья Линч» заплатила ханам племен около 4 тыс. ф. ст. (АВПР. Ф. «Миссия в Персии», д. 1890, л. 71).
¹²⁶ Ch. Harding. Old Diplomacy. L., 1947, с. 64.
¹²⁷ АВПР. Ф. «Миссия в Персии», д. 1890, л. 81.
¹²⁸ R. L. Greaves. Persia and the Defence of India. 1884—1892, с. 166.
¹²⁹ В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Т. 27, с. 362.
¹³⁰ F. Kazemzadeh. Russia and Britain in Persia, с. 220.
¹³¹ И. Сафаяи. Аснад-е сянси-йе доуран-е Каджарийе, с. 140.
¹³² Определенную помощь в получении концессии оказал Мальком-хан. В Лондоне он свыше 16 лет поддерживал связи с Юлусом Рейтером, кото-

рый уплатил ему около 20 тыс. ф. ст. и обещал 30 тыс. ф. ст. за содействие в получении банковской концессии. Но, как заявил Мальком-хан, Ю. Рейтер ничего не заплатил ему после открытия Шахиншахского банка в Иране.

¹³³ The Middle East and North Africa in World Politics. A Documentary Record. T. 1. European Expansion. 1535—1914. Comp., transl. and ed. by J. C. Hurewitz. New-Heaven—London, 1975, с. 458.

¹³⁴ Р. Сефевии. Иран-е эктесадии. Т. 2, с. 147.

¹³⁵ The Middle East and North Africa in World Politics. Comp., transl. and ed. by J. C. Hurewitz, с. 460.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ АВПР. Ф. «Миссия в Персии», д. 1889, л. 2.

¹³⁸ Для погашения долга в 40 тыс. ф. ст. банк мог удерживать из 6%, отчислявшихся из прибылей банка иранскому правительству. Кроме того, иранское правительство предоставило банку право получать от арендатора рыбных промыслов на иранском берегу Каспийского моря Лианозова арендную плату в размере 60 тыс. туманов (15 тыс. ф. ст.) в год в течение четырех лет.

¹³⁹ Тарих-е си сал-е банк-е мелли-йе Иран. 1307—1337. Тегран, л. 1338, с. 33.

¹⁴⁰ АВПР. Ф. «Миссия в Персии», д. 1889, л. 4.

¹⁴¹ А. Данешпур. Банк-е шахеншахи ва эмтйаз, с. 12.

¹⁴² После предоставления банку королевской хартии его правление было перенесено в Лондон; местопребыванием директора банка по-прежнему оставался Тегран.

¹⁴³ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 4015, л. 123.

¹⁴⁴ Там же, л. 124—125.

¹⁴⁵ В Лондоне была образована компания «New Oriental Bank Corporation» с капиталом 2 млн. ф. ст., задачей которой являлось учреждение финансовых контор в разных странах Востока, в том числе в Иране. В 1888 г. она отправила в Тегран своего представителя Томсона для открытия своих отделений в Тегране, Исфахане, Иезде, Тебризе. После их открытия компания в ряде городов Ирана выпустила в обращение на 20 тыс. туманов банковых билетов разного достоинства — в 1, 10, 100 туманов — без разрешения иранского правительства, чем вызвала его протесты. Деятельность компании только что развертывалась, положение ее было очень непрочным вследствие недоверия иранских купцов и торговцев. Чтобы не подрывать авторитет Англии в торговых кругах и избежать конкуренции двух финансовых организаций в Иране, английское правительство потребовало их объединения.

¹⁴⁶ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 4015, л. 170.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Тарих-е сал-е банк-е мелли-йе Иран, с. 54.

¹⁴⁹ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 4015, л. 163.

¹⁵⁰ А. Данешпур. Банк-е шахеншахи ва эмтйаз, с. 10.

¹⁵¹ J. Rabino. An Economistic Note on Persia.— «Journal of the Royal Statistical Society». Т. 64. L., 1901, с. 279. Эти данные, опубликованные в английской печати, являются очень заниженными. В своем донесении русский консул сообщал из Ирана, что в личной беседе директор английского банка Ж. Рабино утверждал, будто в начале 1897 г. в обращении находились банкноты на сумму 700 тыс. туманов. Однако в дальнейшем выяснилось, что и эти данные уменьшены, так как, по мнению русских представителей в Иране, а также местных банковских домов и крупных поставщиков, в обращении было банкнот не менее чем на 1 млн. туманов (АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 4547, л. 99 об.).

¹⁵² А. Данешпур. Банк-е шахеншахи ва эмтйаз, с. 44.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Ф. «Департамент торговли и мануфактур», д. 183, л. 23.

¹⁵⁵ ЦГИАЛ. Ф. «Канцелярия Министра финансов», д. 292, л. 15.

¹⁵⁶ Там же, л. 89, л. 89.

¹⁵⁷ ЦГИАЛ. Ф. «Учетно-ссудный банк в Персии», д. 1419, л. 76.

¹⁵⁸ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 4547, л. 98 об.

- 159 Там же, л. 100 об.
160 Из тегеранского дневника полковника В. А. Косоговского. М., 1960.
- с. 140.
161 АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 677, ч. 1, л. 143 об.
162 ЦГИАЛ. Ф. «Учетно-ссудный банк в Персии», д. 1419, л. 75.
163 Ч. Исави приводит в своей работе интересные данные о курсе иранского крана по отношению фунта стерлингов более чем за столетие (1800—1914). Если в 1800 г. 1 ф. ст. равнялся 11 кранам, то к 1870 г.— 25 кранам, т. е. за 70 лет курс крана упал в 2,4 раза. В дальнейшие годы в связи с активным проникновением в Иран иностранного капитала падение курса крана было еще более стремительным. В 1905 г. за 1 ф. ст. в среднем платили от 55 до 64 кранов. За столетие курс крана упал в 5,5—6 раз. Такое обесценивание крана отрицательно сказалось на финансах и общем экономическом развитии Ирана. См.: *Economic History of Iran. 1800—1914*. Ed. by Ch. Issawi. Chicago—London, 1971, с. 343—345.
164 АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 4015, л. 178.
165 Там же, л. 179 об.
166 Там же, д. 877, ч. 1, лл. 296—297 об.
167 Там же, д. 4015, л. 248.
168 Тарх-е си сал-е банк-е мелли-йе Иран, с. 42.
169 Р. А. Сеидов. Иранская буржуазия в конце XIX—начале XX в., с. 102.
170 АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 3863, л. 109—110.
171 В 1897 г. англичанин, прекрасно зная, что финансы Ирана полностью истощены, настаивал на поездке шаха Мозаффар эд-Дина за границу. Главный лейб-медик шаха англичанин Аддок по требованию английского посланника настаивал на немедленной поездке шаха за границу на том основании, что будто бы эта поездка необходима для его здоровья. Английский банк, со своей стороны, предложил обеспечить шаха деньгами для этой поездки (АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 877, ч. 1, л. 69—70).
172 L. Griffin. Persia.—«The Imperial and Asiatic Quarterly Review and Oriental and Colonial Record». Т. 17, April, 1900, с. 232.
173 Н. Н. Бобынин. Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля (1901—1923 гг.), с. 58.
174 АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 877, ч. 1, л. 337—338.
175 Н. Н. Бобынин. Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля (1901—1923 гг.), с. 69.
176 АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 3869, л. 68 об.
177 Там же, л. 203, 208.
178 ЦГИАЛ. Ф. «Канцелярия Министра финансов», д. 292, л. 54.
179 См.: Кашф-е талбис йа доруйи ва нейранг-е Энглис. Б., 1917, с. 7.
180 Б. В. Ананьич. Российское самодержавие и вывоз капиталов. 1895—1914 гг. Л., 1975, с. 103.
181 J. Bhargier. Economic Development in Iran. 1900—1970. L., 1971, с. 240.
182 Р. А. Сеидов. Иранская буржуазия в конце XIX—начале XX в., с. 102.
183 Там же, с. 102.
184 F. Kazemzadeh. Russia and Britain in Persia, с. 221.
185 Там же, с. 216.
186 Там же, с. 219.
187 АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 2990, л. 188.
188 АВПР. Ф. «Миссия в Персии», 1888, д. 1813, л. 68—69.
189 См.: И. Сафаи. Аснад-е сияси, с. 130, 132, 137, 139.
190 М. Джемаль-заде. Гандж-е шайинган йа оузайе эктесадийе Иран. Б., 1916, с. 73.
191 N. Keddie. The Roots of the Ulama's Power in Modern Iran.—«Studia Islamica». Т. 20, с. 35.
192 Б. В. Ананьич. Российское самодержавие и вывоз капиталов 1895—1914 гг., л. 18.

- 193 После смерти Наср эд-Дин-шаха в казне было 48 млн. туманов (АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 4019, л. 5).
194 И. Сафаи. Аснад-е сияси, с. 197—210.
195 Там же, с. 211—212.
196 АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 4026, л. 79.
197 Из тегеранского дневника полковника В. А. Косоговского, с. 166.
198 Там же, с. 166—167.
199 В 1888 г. английский посланник Д. Вольф сделал официальное предложение о разделе сфер влияния в Иране. Он ездил специально в Берлин для встречи с прибывшим туда Александром III и изложил ему идею соглашения. Царь отказался обсуждать с Вольфом этот вопрос. И по официальным каналам это предложение было отклонено.
200 Г. Л. Бондаревский. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX—начало XX в.). М., 1968, с. 448.
201 Б. В. Ананьич. Российское самодержавие и вывоз капиталов. 1895—1914 гг., с. 20.
202 Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. М., 1952, с. 315—318.
203 Б. В. Ананьич. Российское самодержавие и вывоз капиталов. 1895—1914 гг., с. 21.
204 Там же.
205 Из тегеранского дневника полковника В. А. Косоговского, с. 168.
206 России удалось с помощью банкирских домов Берлина и Амстердама разместить через лондонский банкирский дом «Генри Шредер и К^о» только небольшой 4-процентный заем на сумму 2975 тыс. ф. ст. См.: Б. В. Ананьич. Россия и международный капитал, 1897—1914. Л., 1970, с. 31.
207 Б. В. Ананьич. Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895—1914 гг., с. 28.
208 British Documents on the Origins of the War. 1894—1914, L., 1929. Т. 4, № 326.
209 Платежи по русскому займу Ирану обеспечивались доходами всех таможен страны, за исключением таможен Фарса и побережья Персидского залива. (См.: Б. В. Ананьич. Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895—1914 гг., с. 26).
210 Цит. по: Б. В. Ананьич. Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895—1914 гг., с. 26—27.
211 АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 2990, л. 213.
212 Б. В. Ананьич. Россия и концессия Д'Арси.—«Исторические записки». 1960, № 66, с. 278.
213 ЦГИАЛ. Ф. 560, оп. 28, д. 526, л. 42об.
214 Б. В. Ананьич. Россия и концессия Д'Арси, с. 279.
215 Л. Элвелл-Саттон. Иранская нефть. М., 1956, с. 21.
216 АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 4169, л. 11. Д. Вольф написал письмо, в котором он, используя свои дружеские отношения с иранским премьер-министром, просил его оказать помощь в получении концессии.
217 К. Тьюгендхет, А. Гамильтон. Нефть—самый большой бизнес, с. 106.
218 Артур Гардинг был своим человеком среди руководителей «средне-восточной» группировки. Он сделал быструю дипломатическую карьеру в странах Ближнего и Среднего Востока. В 42 года он занял высокий в английской дипломатической иерархии пост посланника в Тегеране. Он был близким другом Дж. Керзона и Дж. Бродрика, ставшего в 1900 г. военным министром. (См.: Г. Л. Бондаревский. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива, с. 457).
219 Ф. Kazemzadeh. Russia and Britain in Persia, с. 355.
220 Амин ос-Солтане получал в случае подписания концессии вознаграждение в 50 тыс. туманов (АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 4169, л. 11).
221 А. Н. Hardinge. A Diplomatist in the East. L., 1928, с. 278—279.
222 Текст концессии см. Приложения, с. 159—161.

- 223 Diplomacy in the Near and Middle East. Ed. by J. C. Hurewitz, с. 249.
 224 Там же.
 225 Там же.
 226 F. Kazemzadeh. Russia and Britain in Persia, с. 357—358.
 227 Там же, с. 289.
 228 Б. В. Ананьич. Россия и концессия Д'Арсн, с. 282.
 229 F. Kazemzadeh. Russia and Britain in Persia, с. 367.
 230 Г. Л. Бондаревский. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива, с. 459—460.
 231 F. Kazemzadeh. Russia and Britain in Persia, с. 376.
 232 Г. Л. Бондаревский. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива, с. 461.
 233 Там же, с. 463.
 234 I коруп=500 тысяч.
 235 F. Kazemzadeh. Russia and Britain in Persia, с. 389.
 236 Там же, с. 390.
 237 F. Kazemzadeh. Russia and Britain in Persia, с. 396.
 238 Там же, с. 384.
 239 Б. В. Ананьич. Россия и концессия Д'Арсн, с. 288.
 240 Там же, с. 289.
 241 К. Тьюгендхэт, А. Гамилтон. Нефть — самый большой бизнес, с. 107.
 242 АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 4169, л. 27.
 243 К. Тьюгендхэт, А. Гамилтон. Нефть — самый большой бизнес, с. 107.
 244 Б. В. Ананьич. Россия и концессия Д'Арсн, с. 289.
 245 К. Тьюгендхэт, А. Гамилтон. Нефть — самый большой бизнес, с. 109.
 246 Там же, с. 111.
 247 Б. В. Ананьич. Россия и концессия Д'Арсн, с. 290.
 248 L. Fraser. India under Curzon and after, L., 1911, с. 116.
 249 Дж. Керзон. Персия и персидский вопрос, с. 84.
 250 Махмуд Махмуд. Тарих-е ревабет-е сияси-иран ва Энглис дар гарн-е нуздахом-е милди. Техран, 1959, с. 737.
 251 P. Sykes. Ten Thousand miles in Persia, or Light Years in Iran. L., с. 43.
 252 См.: Долина Герата и персидская граница от Герируда до Сенстана. Доклад полковника Стюарта 14.XII.1885 г.—«Сборник материалов по Азии». Вып. 21. СПб., 1886, с. 158—174.
 253 P. Sykes. Ten Thousand miles in Persia, or Light Years in Iran. L., 1902.
 254 А. Миллер. Политическое значение Кермана и Персидского Белуджистана.—«Сборник материалов по Азии». Вып. 80. СПб., 1907, с. 78.
 255 Там же.
 256 И. Ннзамутдинов. Сеистанский вопрос..., с. 42, 64.
 257 Там же, с. 31.
 258 P. Sykes. A History of Persia. L., 1930. Т. 2, с. 364.
 259 Корнилов. Нушки-Сеистанская дорога.—«Сборник материалов по Азии». Вып. 78. СПб., 1905, с. 26—27.
 260 Bell. The Defence of India and Its Imperial Aspect.—«Journal of the Royal United Service Institute». L., 1890, Т. 34, с. 944.
 261 P. A. Sykes. Fourth Journey in Persia. 1898—1901.—«IRGS». L., 1901, Т. 19, с. 169.
 262 Дж. Керзон. Персия и персидский вопрос, с. 85.
 263 Корнилов. Нушки-Сеистанская дорога, с. 26.
 264 А. Я. Миллер. Отчет о командировке в Керман.—«Сборник материалов по Азии». Вып. 77. СПб., 1904, с. 178.
 265 Н. А. Зарудный. Предварительный краткий отчет о поездке в Персию в 1900—1901 гг.—«Известия Российского географического общества». Т. 38. СПб., 1902, с. 129.

- 266 ЦГИАЛ. Ф. «Канцелярия Министра финансов», д. 526, л. 18.
 267 И. Ннзамутдинов. Сеистанский вопрос, с. 47.
 268 G. Curzon. Persia and the Persian Question, с. 188.
 269 «Новое время». 17.VII.1901.
 270 ЦГИАЛ. Ф. «Канцелярия Министра финансов», д. 526, л. 18.
 271 Там же, д. 525, л. 55.
 272 Там же, д. 526, л. 18, 56.
 273 Н. А. Зарудный. Предварительный краткий отчет о поездке в Персию в 1900—1901 гг., с. 137.
 274 Там же.
 275 АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 3869, л. 92—93.
 276 Ф. А. Ротштейн. Международные отношения в конце XIX века. М.—Л., 1960, с. 638.
 277 АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 3869, л. 85об.
 278 Там же, л. 86.
 279 Diplomacy in the Near and Middle East. Ed. by J. C. Hurewitz, с. 507.
 280 А. Данешпур. Ним-е гарн-е бардеги-и-эктесади. Техран, 1960, с. 104.

Глава 3

- 1 В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Т. 27, с. 363.
 2 В. И. Ленин. Тетради по империализму. Т. 28, с. 52.
 3 История Ирана. М., 1977, с. 176.
 4 А. Р. Иоаннисян. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ер., 1958, с. XXXV.
 5 Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record 1535—1914. Ed. by J. C. Hurewitz. Т. 1, N. Y., 1972, с. 6—7.
 6 А. Р. Иоаннисян. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия, с. XXXVII.
 7 История Ирана, с. 185—186.
 8 А. Р. Иоаннисян. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия, с. XXXVII.
 9 См.: The Economic History of Iran. 1800—1914. Ed. by C. Issawi, Chicago—London, 1971, с. 85.
 10 А. Р. Иоаннисян. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия, с. XXXVIII—XXXIX.
 11 История Ирана, с. 213.
 12 М. А. Игамбердыев. Иран в международных отношениях первой трети XIX века. Самарканд, 1961, с. 274.
 13 Там же, с. 275.
 14 Там же.
 15 См.: А. А. Тнхонова. Из истории английского проникновения в Персию в начале XIX в.—«Ученые записки Ярославского пединститута». Всеобщая история. Вып. 22. Ярославль, 1957, с. 271.
 16 Махмуд Махмуд. Тарих-е ревабет-е сияси-и-иран ва Энглис. Т. 1. Техран, 1949, с. 199.
 17 А. А. Зонненштраль-Пискорский. Международные торговые договоры Персии. М., 1931, с. 173—174.
 18 П. П. Бушев. Герат и англо-иранская война. 1856—1857 гг. М., 1959, с. 149.
 19 The Economic History of Iran, 1800—1914. Ed. by Ch. Issawi. Chicago—London, 1971, с. 72.
 20 Там же, с. 130.
 21 Там же, с. 83.
 22 Там же.
 23 G. Curzon. Persia and the Persian Question. Т. 2, L., 1892, с. 562—563.

- ²⁴ The Economic History of Iran 1800—1914. Ed. by Ch. Issawi, с. 131.
- ²⁵ A. Imtāh. Economic Elements in the Pax Britannica. Cambridge, 1958, с. 97—98.
- ²⁶ Н. Н. Бобынин. Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля (1901—1923 гг.). Тифлис, 1923, с. 233.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ The Economic History of Iran 1800—1914. Ed. by Ch. Issawi, с. 137.
- ²⁹ А. А. Зонненштраль-Пискорский. Международные торговые договоры Персии, с. 184.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же, с. 184—185.
- ³² ЦГИАЛ. Ф. «Учетно-ссудный банк», д. 265, л. 140б.
- ³³ The Economic History of Iran 1800—1914, с. 14—15.
- ³⁴ Blue Books. Persia Commercial (1880—1886) Report by Consul General Mr. Abbot on the Trade and Commerce of Azerbaijan, L., 1887, с. 1.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ ЦГИАЛ. Ф. «Департамент торговли и мануфактура», д. 183, л. 31.
- ³⁷ ЦГИАЛ. Ф. «Канцелярия Министра финансов», д. 89, л. 24.
- ³⁸ The Economic History of Iran 1800—1914. Ed. by Ch. Issawi, с. 359.
- ³⁹ Diplomacy in the Near and Middle East. Ed. by J. C. Hurewitz, с. 224.
- ⁴⁰ Н. Н. Бобынин. Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля (1901—1923 гг.), с. 77.
- ⁴¹ М. Л. Томара. Экономическое положение Персии. СПб., 1895, с. 31.
- ⁴² The Economic History of Iran. Ed. by Ch. Issawi, с. 83.
- ⁴³ Blue Books. Persian Commercial. № 7 (1885). Report by Mr. Dickson on the Trade of Persia. L., 1885, с. 4—5.
- ⁴⁴ Blue Books. Persia Commercial, Bushir. Report of Mr. Ross on the Trade of Bushir, L., 1885, с. 1873.
- ⁴⁵ The Economic History of Iran 1800—1914. Ed. by Ch. Issawi, с. 83.
- ⁴⁶ М. Л. Томара. Экономическое положение Персии, с. 162, 163.
- ⁴⁷ The Economic History of Iran 1800—1914. Ed. by Ch. Issawi, с. 123.
- ⁴⁸ Blue Books. Persia Commercial 1888—Report by Consul General Ross on the Trade and Commerce of the Persian Gulf for the Years 1877—1878. L., 1880, с. 243.
- ⁴⁹ А. Адамов. Торговля портов южной Персии. — «Сборник консульских донесений». Вып. 2. СПб., 1898, с. 135.
- ⁵⁰ The Economic History of Iran. 1880—1914. Ed. by Ch. Issawi, с. 85.
- ⁵¹ Там же, с. 85.
- ⁵² А. Круглов. Торговля Мохаммеры. — «Сборник консульских донесений». Вып. 1. СПб., 1889, с. 27—28.
- ⁵³ Там же, с. 29.
- ⁵⁴ Г. В. Маклин отмечает, что «присоединение закаспийских областей к России создало условия для безопасного развития земледелия на плодородных почвах Хорасана, строительство закаспийской железной дороги обеспечило рынки сбыта для его сельскохозяйственной продукции, которой невыгодна была дорогостоящая и длительная перевозка к заливу... Сельскохозяйственное развитие северной Персии, вызванное такими благоприятными условиями, как связь с русскими рынками, способствовало росту благосостояния этих провинций и росту покупательной способности их населения» (Blue Books. Trade with Persia. 1904. Report on the Condition and Prospects of British Trade in Persia. L., 1904, с. 7).
- ⁵⁵ Foreign Office. Annual Series. 1887, № 113. Persia. L., 1887, с. 1.
- ⁵⁶ Цит. по: The Economic History of Iran. 1800—1914. Ed. by Ch. Issawi, с. 112.
- ⁵⁷ Там же, с. 117.
- ⁵⁸ Дж. Керзон. Персия и персидский вопрос. — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии». Вып. 52. СПб., 1893, с. 220.
- ⁵⁹ Diplomacy in the Near and Middle East. Ed. by J. C. Hurewitz, с. 224.
- ⁶⁰ ЦГИАЛ. Ф. «Департамент торговли и мануфактур», д. 183, л. 4.
- ⁶¹ The Economic History of Iran. 1800—1914. Ed. by Ch. Issawi, с. 137.
- ⁶² ЦГИАЛ. Ф. «Департамент торговли и мануфактур», д. 183, л. 22.
- ⁶³ Н. Н. Бобынин. Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля (1901—1923 гг.), с. 167.
- ⁶⁴ М. Джемаль-заде. Гандж-е шайган ва оуза-йе эктесади-йе Иран. Б., 1916, с. 13.
- ⁶⁵ Н. Н. Бобынин. Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля. (1901—1923 гг.), с. 174.
- ⁶⁶ Там же, с. 181.
- ⁶⁷ М. Л. Томара. Экономическое положение Персии, с. 160.
- ⁶⁸ Н. Н. Бобынин. Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля. (1901—1923 гг.), с. 179.
- ⁶⁹ Там же, с. 187.
- ⁷⁰ ЦГИАЛ. Ф. «Департамент торговли и мануфактур», д. 183, л. 4.
- ⁷¹ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 877, ч. 1, л. 222.
- ⁷² Установление контроля над продажей оружия племенам было сделано по настоянию английских торговых фирм. В связи с развитием англо-иранской торговли в южных районах Ирана увеличилось количество случаев нападения вооруженных отрядов на торговые караваны и склады товаров. Даже специальная охрана не могла противостоять этим нападениям.
- ⁷³ The Economic History of Iran. 1800—1914. Ed. by Ch. Issawi, с. 238.
- ⁷⁴ Там же, с. 239.
- ⁷⁵ Там же, с. 241.
- ⁷⁶ Н. Н. Бобынин. Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля. (1901—1923 гг.), с. 210.
- ⁷⁷ The Economic History of Iran. 1800—1914. Ed. by Ch. Issawi, с. 238.
- ⁷⁸ Там же, с. 239.
- ⁷⁹ Н. Н. Бобынин. Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля (1901—1923 гг.), с. 138.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Там же, с. 150.
- ⁸² The Economic History of Iran. 1800—1914. Ed. by Ch. Issawi, с. 231.
- ⁸³ Н. Н. Бобынин. Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля. (1901—1923 гг.), с. 119.
- ⁸⁴ The Economic History of Iran. 1800—1914. Ed. by Ch. Issawi, с. 302.
- ⁸⁵ ЦГИАЛ. Ф. «Учетно-ссудный банк», д. 1254, л. 17.
- ⁸⁶ Ю. Агаев. Иностранный капитал в ковровой промышленности Ирана (конец XIX — начало XX в.). — «Известия АН АзербССР». Серия экономик. 1967, № 1, с. 74.
- ⁸⁷ Blue Books. Persia Commercial Report by Mr. Dickson on the Trade of Persia. L., 1882, с. 5.
- ⁸⁸ Н. Н. Бобынин. Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля. (1901—1923 гг.), с. 120.
- ⁸⁹ Там же, с. 124—125.
- ⁹⁰ The Economic History of Iran. 1800—1914. Ed. by Ch. Issawi, с. 359.
- ⁹¹ The Economic History of Iran. 1800—1914. Ed. by Ch. Issawi, с. 76.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 591, л. 230б.
- ⁹⁵ Blue Books. Persia Commercial. № 26 (1880). Report by Consul Churchill on the Trade and Commerce of the Persian Caspian Provinces of Ghilan, Mazenderan and Asterabad for the Year 1879. L., 1880.
- ⁹⁶ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 521, л. 230б.
- ⁹⁷ М. Л. Томара. Экономическое положение Персии, с. 100—119.
- ⁹⁸ И. Н. Березин. Путешествие по Северной Персии. Казань, 1952, с. 61.
- ⁹⁹ М. Л. Томара. Экономическое положение в Персии, с. 108—109.
- ¹⁰⁰ Там же, с. 110.
- ¹⁰¹ The Economic History of Iran. 1800—1914. Ed. by Ch. Issawi, с. 104.
- ¹⁰² Там же, с. 103.

- ¹⁰³ Там же.
¹⁰⁴ ЦГИАЛ. Ф. «Департамент торговли и мануфактур», д. 183, л. 7.
¹⁰⁵ М. Сенджабн. Расчетный баланс Персии за 1924—1927 гг.—«Революционный Восток», 1929, № 7, с. 115.
¹⁰⁶ The Economic History of Iran. 1800—1914. Ed. by Ch. Issawi, с. 154—161.
¹⁰⁷ В. С. Глуходед. Проблемы экономического развития Ирана. М., 1906, с. 17.
¹⁰⁸ Там же.
¹⁰⁹ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 4693, л. 1.
¹¹⁰ Там же, д. 3869, л. 100.
¹¹¹ Там же, д. 4543, л. 15.
¹¹² Там же, д. 877, ч. II, л. 138, 141об., 142.
¹¹³ П. А. Риттнх. Политико-статистический очерк Персии. СПб., 1896, с. 178.
¹¹⁴ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 377, ч. I, л. 258об.
¹¹⁵ АВПР. Ф. «Миссия в Персии», д. 1872, л. 13.
¹¹⁶ Там же, л. 13.
¹¹⁷ АВПР. Ф. «Миссия в Персии», д. 1872, л. 26.
¹¹⁸ Там же, л. 31.
¹¹⁹ Там же, л. 37.

Глава 4

- ¹ Вопрос о социально-экономическом развитии Ирана в период Каджаров, особенно в начале и середине XIX в., недостаточно изучен в советской литературе. Появление в последние десятилетия работ иранских авторов по социальной и политической истории Каджаров с использованием многочисленных архивных документов — Ф. Адамнат. Амр-е Кабир ва Иран (Техран, 1334); Г. Мазандерани. Эктесад-е мелли ва сийасат-е эктесад-и-е Иран (Техран, 1316) — дают большой материал для изучения этого периода в истории Ирана. Определенный вклад в изучение социально-экономической истории Каджаров внесли советские исследователи И. П. Петрушевский, М. С. Иванов, М. А. Кузнецова, Ш. Э. Тагиева, З. З. Абдуллаев, Р. А. Сендов и др.
² Н. А. Кузнецова. Политическое и социально-экономическое положение Ирана в конце XVIII — первой половине XIX в.— Очерки новой истории Ирана. М., 1978, с. 32.
³ Назем оль-Эслам Кермани. Тарих-е бидари-и-е ираниан йа тарих-е машрух ва хагнги-и-е машрутият-е Иран. Т. I. Техран, 1953, с. 159.
⁴ М. Л. Томара. Экономическое положение Персии, СПб., 1895, с. 26.
⁵ Р. А. Сендов. Иранская буржуазия в конце XIX — начале XX в. М., 1974, с. 103—107.
⁶ См.: Ю. Агаев. Иностраный капитал в ковровой промышленности Ирана (конец XIX — начало XX в.)— «Известия АН Азерб. ССР». Серия экономка. 1967, № 1, с.
⁷ Ш. Я. Кассис. Экономическое положение современной Персии. Киев, 1915, с. 18.
⁸ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 3869, л. 396.
⁹ М. Л. Томара. Экономическое положение Персии, с. 12—13.
¹⁰ М. Джемаль-заде. Гандж-е шайинган ва оуза-и-е эктесад-и-е Иран. Б., 1916, с. 17.
¹¹ Там же.
¹² Поездка по Восточной Персии лейб-гвардии Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. СПб., 1896, с. 42.
¹³ Р. А. Сендов. Иранская буржуазия в конце XIX — начале XX в., с. 17.
¹⁴ А. И. Демни. Современная иранская деревня. М., 1974, с. 17.
¹⁵ М. Павлович. Экономическое развитие и аграрный вопрос в Персии XX века. М., 1921, с. 18—21.
¹⁶ А. И. Демни. Современная иранская деревня, с. 92.

- ¹⁷ Н. А. Кузнецова. Политическое и социально-экономическое положение Ирана в конце XVIII — первой половине XIX в., с. 33.
¹⁸ И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. Л., 1949, с. 194.
¹⁹ Л. Ф. Тнгранов. Из истории общественно-экономических отношений в Персии. Тифлис, 1905, с. 9.
²⁰ См.: А. И. Демни. Современная иранская деревня, с. 23—24; Ш. А. Тагиева. Разложение феодального землевладения в Иране в конце XIX — начале XX в.— «Краткие сообщения Института народов Азии». Вып. 73, 1963, с. 29.
²¹ М. Джемаль-заде. Гандж-е шайинган ва оуза-и-е эктесад-и-е Иран, с. 138.
²² Р. А. Сендов. Иранская буржуазия в конце XIX — начале XX в., с. 15.
²³ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 3869, л. 368об.
²⁴ Там же, л. 368.
²⁵ А. И. Демни. Современная иранская деревня, с. 25.
²⁶ Там же, с. 27.
²⁷ Атрпет. Мамед-Али-шах. Александрополь, 1909, с. 141.
²⁸ В. Тардов. Основные черты земледелия и аграрных отношений в Центральной Персии.— «Новый Восток». 1930, № 28, с. 71.
²⁹ См.: Р. А. Сендов. Иранская буржуазия в конце XIX — начале XX в.
³⁰ М. П. Павлович. Восток в борьбе за независимость. М., 1980, с. 194.
³¹ Л. Ф. Тнгранов. Из истории общественно-экономических отношений в Персии, с. 9.
³² ЦГИА. Ф. «Канцелярия Министра финансов», д. 292, л. 41.
³³ АВПР. Ф. «Главный архив», 1876, д. 24, л. 98.
³⁴ Назем оль-Эслам Кермани. Тарих-е бидари-и-е ираниан, с. 115.
³⁵ Назем оль-Эслам Кермани. Тарих-е бидари-и-е ираниан, с. 154.
³⁶ Л. Ф. Тнгранов. Из общественно-экономических отношений в Персии, с. 160—161.
³⁷ См.: Н. К. Белова. Об отходничестве из северо-западного Ирана в конце XIX — начале XX века.— «Вопросы истории». 1956, № 10.
³⁸ См.: З. З. Абдуллаев. Промышленность и зарождение рабочего класса Ирана в конце XIX — начале XX в. Баку, 1963.
³⁹ Огромные средства расходовались Наср-эд-Дином на свои нужды. Только на содержание шахского гарема расходовалась 1/3 всего бюджета Ирана (см.: Мисль Рустем. Персия при Наср-Эдин-шахе (с 1882 по 1888 г.). СПб., 1897, с. 73).
⁴⁰ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 4015, л. 230—231.
⁴¹ Правда о персидских делах.— «СПб Ведомости». № 132, 1900.
⁴² ЦГИАЛ. Ф. «Департамент торговли и мануфактур», д. 183, л. 103.
⁴³ Там же.
⁴⁴ Там же.
⁴⁵ R. L. Greaves. Persia and Defence of India. 1884—1892, L., 1959, с. 143—144.
⁴⁶ См. Приложения, с. 155.
⁴⁷ АВПР. Ф. «Миссия в Персии», 1888, д. 1813, л. 38—39.
⁴⁸ Там же, л. 35.
⁴⁹ Там же, Ф. «Персидский стол», д. 877, ч. I, л. 141.
⁵⁰ N. Keddie. The Assassination of the Amin As-Sultan. 31 August, 1907.— «Iran and Islam», Edinburgh, 1971, с. 316.
⁵¹ АФПР. Ф. «Персидский стол», д. 877, ч. 2, л. 4.
⁵² Там же, д. 3869, л. 2.
⁵³ АВПР. Ф. «Миссия в Персии», 1888, д. 1813, л. 24.
⁵⁴ Мисль Рустем. Персия при Наср-Эдин-шахе (с 1882 по 1888 г.), с. 37.

- ⁵⁵ Там же, с. 61.
⁵⁶ ЦГИАЛ. Ф. «Канцелярия Министра финансов», д. 89, л. 208.
⁵⁷ Мисль Рустем. Персия при Наср-Эддин-шахе (с 1882 по 1888 г.), с. 83.
⁵⁸ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 877, ч. 1, л. 174.
⁵⁹ Ш. Я. Кассис. Экономическое положение современной Персии, с. 16.
⁶⁰ Мисль Рустем. Персия при Наср-Эддин-шахе (с 1882 по 1888 г.), с. 84.
⁶¹ Там же, с. 86.
⁶² АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 2448, л. 39.
⁶³ Ch. Hardinge. Old Diplomacy. 1880—1924. L., 1947, с. 66.
⁶⁴ Назем оль-Эслам Кермани. Тарих-е бидари-йе иранийан, с. 34.
⁶⁵ The Economic History of Iran. 1800—1914. Ed. by Ch. Issawi, с. 373.
⁶⁶ Там же, с. 371.

Глава 5

- ¹ N. R. Keddie. Religion and Rebellion in Iran. The Tobacco Protest of 1891—1892, L., 1966, с. 27—29.
² См.: Р. А. Сендов. Иранская буржуазия в конце XIX — начале XX в. М., 1974, с. 160—162.
³ E. A. Browne. The Persian Revolution of 1905—1909. Cambridge, 1910, с. 36—37.
⁴ Там же, с. 41—42.
⁵ Там же, с. 38.
⁶ См.: N. R. Keddie. Religion and Rebellion in Iran, с. 18.
⁷ E. A. Browne. The Persian Revolution of 1905—1909, с. 45.
⁸ F. Kazemzadeh. Russia and Britain in Persia. 1864—1914. A Study in Imperialism. New-Heaven — London, 1968, с. 249.
⁹ Там же.
¹⁰ Р. А. Сендов. Иранская буржуазия в конце XIX — начале XX в., с. 163; Ф. Каземзаде в своей работе сообщает, что шаху была дана взятка в 15 тыс. ф. ст. (F. Kazemzadeh. Russia and Britain in Persia, с. 251).
¹¹ См. Приложения, с. 161—163.
¹² И. Теймури. Гарардад-е сал-е 1891 «Режи». Техран, 1954, с. 38—40.
¹³ Р. А. Сендов. Иранская буржуазия в конце XIX — начале XX века, с. 164.
¹⁴ E. A. Browne. The Persian Revolution of 1905—1909, с. 47.
¹⁵ И. Теймури пишет, что «в Иране 5 млн. пользуются табаком. Из них есть люди, которые расходуют до 1 краиа в день на табак, и нет человека, кто бы расходовал менее 1 шахи. Если взять среднюю цифру в 2 шахи в день, то будет 25 тыс. туманов в день, 750 тыс. туманов в месяц и 9 млн. туманов в год» (И. Теймури. Гарардад-е сал-е 1891 «Режи», с. 14).
¹⁶ Л. В. Строева. Борьба иранского народа против английской табачной монополии в Иране в 1891—1892 гг. — «Проблемы по истории национально-освободительного движения в странах Азии». Л., 1963, с. 164.
¹⁷ E. A. Browne. The Persian Revolution of 1905—1909, с. 48.
¹⁸ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 4012, л. 70б.
¹⁹ F. Kazemzadeh. Russia and Britain in Persia, с. 256.
²⁰ Р. А. Сендов. Иранская буржуазия в конце XIX — начале XX в., с. 168.
²¹ F. Kazemzadeh. Russia and Britain in Persia, с. 257.
²² АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 4012, л. 5.
²³ F. Kazemzadeh. Russia and Britain in Persia, с. 258.
²⁴ И. Сафан. Аснад-е снаси-йе доуран-е Каджарий. Техран, 1967, с. 16.
²⁵ Приложения, с. 163—165.
²⁶ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 4012, л. 31—33.
²⁷ Там же, л. 48.

- ²⁸ F. Kazemzadeh. Russia and Britain in Persia, с. 259.
²⁹ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 4012, л. 45.
³⁰ См. Приложения, с. 165.
³¹ F. Kazemzadeh. Russia and Britain in Persia, с. 260.
³² АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 4012, л. 36.
³³ Там же.
³⁴ И. Сафан. Аснад-е снаси, с. 43—44.
³⁵ Там же, с. 13—14, 22—26.
³⁶ Более подробно о движении против табачной монополии см.: Л. В. Строева. Борьба иранского народа против английской табачной монополии в Иране в 1891—1892 гг., с. 170—175.
³⁷ Е. А. Дорошенко. Шитское духовенство в современном Иране. М., 1975, с. 17.
³⁸ См.: Е. А. Дорошенко. Иран. Мусульманские (шнитские) традиции и современность. — «Азия и Африка сегодня». 1980, № 8, с. 60.
³⁹ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 3869, л. 14—15.
⁴⁰ И. Раин. Хокук-е бегиран-е Энглис дар Иран. Техран, 1348, с. 97.
⁴¹ Назем оль-Эслам Кермани. Тарих-е бидари-йе иранийан. Изд. 2-е. Т. 1, 1953, с. 11.
⁴² И. Сафан. Аснад-е снаси, с. 10.
⁴³ А. К. S. Lambton. The Persian Ulāmā.— Le shi'isme imamite. P., 1970, с. 265.
⁴⁴ Е. А. Дорошенко. Иран. Мусульманские (шнитские) традиции и современность, с. 60.
⁴⁵ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 4012, л. 71.
⁴⁶ Там же, л. 78—79.
⁴⁷ E. A. Browne. The Persian Revolution of 1905—1909, с. 53.
⁴⁸ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 4012, л. 86—87.
⁴⁹ И. Теймури. Гарардад-е сал-е 1891 «Режи», с. 133.
⁵⁰ См. Приложения, с. 166.
⁵¹ И. Теймури. Гарардад-е сал-е 1891 «Режи», с. 135—137; И. Сафан. Аснад-е снаси, с. 54—55.
⁵² Назем оль-Эслам Кермани. Тарих-е бидари-йе иранийан, с. 12.
⁵³ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 4012, л. 98.
⁵⁴ И. Сафан. Аснад-е снаси, с. 28—29, 34—35.
⁵⁵ Там же.
⁵⁶ E. A. Browne. The Persian Revolution of 1905—1909, с. 56.
⁵⁷ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 4012, л. 136—141.
⁵⁸ F. Kazemzadeh. Russia and Britain in Persia, с. 268.
⁵⁹ Там же.
⁶⁰ После отмены табачной монополии многие в Иране надеялись, что Амин ос-Солтане, как главный инициатор этой концессии, будет отстранен от своего поста. Но он, раздав крупные взятки и назначив пенсии многим противникам, сумел сохранить свои позиции. «Большую роль в укреплении его положения сыграло то, что он наладил отношения с новым русским посланником Е. К. Бюцевым» (N. Keddie. The Assassination of the Amin as-Sultan, August 31, 1907.— «Iran and Islam», Edinburgh, 1971, с. 316).
⁶¹ F. Kazemzadeh. Russia and Britain in Persia, с. 268.
⁶² E. A. Browne. The Persian Revolution of 1905—1909, с. 45.
⁶³ N. R. Keddie. Religion and Rebellion in Iran. The Tobacco Protest of 1891—1892. L., 1966, с. 125.
⁶⁴ И. Теймури. Гарардад-е сал-е 1891 «Режи», с. 3.
⁶⁵ Там же.
⁶⁶ Назем оль-Эслам Кермани. Тарих-е бидари-йе иранийан, с. 14—15.
⁶⁷ См.: М. П. Павловнч. Восток в борьбе за независимость. М., 1980, с. 182.
⁶⁸ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 877, ч. 1, л. 296, 297.
⁶⁹ Там же.

- ⁷⁰ A. K. S. Lambton. The Persian Ulamā, с. 261.
⁷¹ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 877, ч. 1, л. 96.
⁷² Из тегеранского дневника полковника В. А. Косоговского. М., 1960, с. 169.
⁷³ История Ирана. М., 1977, с. 268.
⁷⁴ Там же.
⁷⁵ А. Миллер. Политическое значение Кермана и Персидского Белуджистана.— «Сборник материалов по Азии». Вып. 80. СПб., 1907, с. 83.

Глава 6

¹ F. Kazemzadeh. Russia and Britain in Persia. 1864—1914. A Study in Imperialism. New-Heaven — London, 1968, с. 294.

- ² Там же.
³ Там же, с. 295—296.
⁴ Г. Л. Бондаревский. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива. М., 1968, с. 646.
⁵ F. Kazemzadeh. Russia and Britain in Persia, с. 397.
⁶ Там же, с. 448.
⁷ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 2990, л. 213.
⁸ Там же, л. 215.
⁹ Там же, л. 213.
¹⁰ См.: Л. М. Кулагина. Экспансия иностранного империализма в Иран и превращение его в полуколонию.— Очерки новой истории Ирана. М., 1978, с. 149.

- ¹¹ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 2990, л. 213.
¹² «The Parliamentary Debates Series», t. 121, с. 1346.
¹³ F. Kazemzadeh. Russia and Britain in Persia, с. 400.
¹⁴ Там же, с. 401.
¹⁵ Там же, с. 400—403.
¹⁶ Там же, с. 404.
¹⁷ Там же, с. 407.
¹⁸ Там же.
¹⁹ Там же, с. 397.
²⁰ Подробнее о политике Англии в Персидском заливе см.: Г. Л. Бондаревский. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX — начало XX в.). М., 1968.
²¹ См.: Б. В. Ананьич. Российское самодержавие и вывоз капиталов 1895—1914 гг. Л., 1975, с. 83.
²² «Журнал Особого совещания по вопросу о финансово-экономической политике России в Персии, 7 июня 1904 г.» — «Красный архив». № 1(56). 1933, с. 50—51.
²³ Там же, с. 53.
²⁴ Подробнее см.: А. Ф. Остальцева. Англо-русское соглашение 1907 года. Саратов, 1977.

Приложения

- ¹ АВПР. Ф. «Миссия в Персии», 1888, д. 1813, л. 38—39.
² АВПР. Ф. «Миссия в Персии», 1888, д. 1813, л. 43.
³ АВПР. Ф. «Миссия в Персии», 1888, д. 1813, л. 67.
⁴ The Middle East and North Africa in World Politics. A Documentary Record. T. 1. European Expansion, 1535—1914. Comp., transl. and ed. by J. C. Hurewitz. New-Heaven — London, 1975, с. 458—460.
⁵ Diplomacy in the Near and Middle East. Ed. by J. C. Hurewitz. T. 1, N. Y., 1972, с. 249—250.
⁶ И. Теймури. Гарардад-е сал-е 1891 «Режи», с. 38—40. Тутун — табак для трубок и папирос, табаку — табак для кальяна. Текст концессии.
⁷ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 4012, л. 84—85.
⁸ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 4012, л. 30—33.
⁹ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 4012, л. 54.
¹⁰ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 4012, л. 296.
¹¹ И. Теймури. Гарардад-е сал-е 1891 «Режи», с. 135—136.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аббас 1. 83
 Аббас-Мирза 115
 Абдуллаев З. З. 5
 Абдуллаев Ю. Н. 4
 Аббот 91, 107
 Ага Мухаммад-шах 118
 Александр II 27
 Али Акбар Сеид 163
 Аллеон 32
 Амин од-Доуле Али-хан 39, 57, 63, 125, 133
 Амин ос-Солтане Али Асгар-хан 37, 39, 47, 67, 70, 123—126, 131—134, 136, 139—141, 144, 148, 165, 166
 Амин-Хозур 135
 Амир Кабир Таги-хан 115, 124
 Амир Незам 135, 136, 163, 165
 Ананьич Б. В. 4, 64
 Ануширван 164
 Аргиропуло К. М. 58, 67, 68, 71, 112
 Асквит Г. 9
 Ахмад И. 5
 Ачесон К. 13
 Аштиани Х. 140, 141, 166
 Багир Мохаммад 53
 Бадн Ш. М. 5
 Бальфур А. 9
 Баттенберг Л. 150
 Белл 44, 75
 Белова Н. К. 5
 Бенджамин С. 33
 Бенкендорф А. К. 151
 Берджн Ч. 69
 Березин И. Н. 108
 Бернс А. 11
 Бестужев И. В. 4
 Бехбехани Саид Абдолла 70
 Бинс М. 135
 Бисмарк 27, 33
 Бобынин Н. Н. 4, 57, 89, 92, 100, 104
 Бондаревский Г. Л. 4, 11, 69
 Бракенбур Г. В. 61
 Брежнев Л. И. 3
 Бродрик С. 149
 Броун Э. 5, 142
 Бутенев 36
 Бушев П. П. 4, 11
 Бисоув Е. К. 132, 133
 Вешоков М. И. 4
 Вильморен Л. 24
 Витте С. Ю. 17, 64
 Вольф Д. 38, 39, 47, 60, 61, 66, 128, 132—134, 142
 Гамильтон А. 67, 72
 Гамильтон Дж. 146
 Гардинг А. 54, 67, 69, 71, 90, 147—151
 Гардинг Ч. 128
 Гирс Н. К. 33
 Гладстон У. 9, 26
 Глен 50
 Глугодед В. С. 5
 Годлей А. 150
 Гольдсмит Ф. 74
 Грей Э. 9, 11, 95, 148
 Гривс Р. 5, 14, 30, 43
 Гринффин 16, 69
 Грулев М. В. 4
 Гурко-Кряжин В. А. 4
 Дабиджо 78
 Данешпур А. 5, 26, 52, 80
 Д'Арсн У. 3, 16, 66, 67, 71, 72, 159
 Дафферни 36
 Демни А. И. 5
 Дербн Э. 9, 32
 Джабар 29
 Джамаль-заде М. 5, 62, 100, 117
 Джамаль эд-Дин Сеид 131
 Джаханян 108
 Джевад-ага 135, 165
 Дженкинсон А. 82
 Джонс Х. 85, 98
 Дизраэли Б. 8, 9, 14
 Диксон Д. 91, 94, 105, 109
 Долгоруков Н. С. 47, 132
 Дюранд М. 112, 146, 147
 Емченко Р. М. 4
 Зарудный Н. А. 78
 Завич А. И. 4
 Зелли-Солтан Масуд 37, 117, 119, 126, 132, 137
 Иванов М. С. 5
 Иванова М. Н. 5

Игнатъев А. В. 4
Извольский А. П. 19
Иссави Ч. 86, 88, 104
Истягнн Л. Г. 5, 32

Иазди М. 53
Иет 114

Кавам од-Доуле Аббас-хан 36, 47, 60

Казем-заде Ф. 5, 132

Казеруни М. 56

Кассель 16

Кедди Н. 62, 142

Кеннеди Р. 134, 136

Керзон Дж. 10, 11, 15, 16, 21, 23—25, 42, 69, 73, 75, 77, 87, 93, 99, 105, 150, 151

Кермани Мохаммад Реза 131, 143

Кермани Назем оль-Эслам 5, 121, 122, 128, 138, 142

Кернл 50

Керим-хан Зеид 84

Китабджи-хан 66

Коковцев В. Н. 152

Косоговский В. А. 54, 63, 144

Котт Э. 26, 66

Кронборн 149

Кузнецова Н. А. 5

Куропаткин А. Н. 17

Ламздорф В. Н. 150

Лансдаун Г. 69, 79, 147, 150

Лассельс Ф. 140, 141

Ленин В. И. 3, 4, 6, 7, 17, 46, 81

Линч Г. 16, 44, 46

Литтон Е. 30

Ловетт 91

Лотфали 53

Лэмптон А. К. С. 143

Мак-Грегор Ч. 11

Маклин Г. 89, 97, 99

Макинл Дж. 11, 91

Малек от-Тоджар Мохаммад Казем 53

Малькольм Дж. 73, 84, 85

Мальком-хан 35, 36, 128, 130, 131

Маннанов Б. 4

Марриот А. 67

Матвеев А. М. 4

Махмуд Махмуд 5, 24

Мельников А. А. 33

Мизаль 29, 43

Миллз 50

Миллер А. 66

Мирошинков Л. И. 4

Мисль Рустем 126

Мозаффар эд-Дин-шах 62, 124, 125, 147, 148

Монн от-Тоджар Мохаммад 43

Морган Жак де 66

Мохаммед 112

Мохбер од-Доуле 22, 36

Мохсен-хан Монн оль-Мольк 25

Мошир од-Доуле Хосейн-хан 36, 38

Мухаммед 163

Надир-шах 83

Наиб ос-Солтане Камран-мирза 39, 126, 132, 139, 140, 162, 164, 166

Нарочницкий А. Л. 11

Наср эд-Дин-шах 25, 27, 30, 31, 37, 38, 60, 62, 119, 122—124, 126, 128, 131, 132, 137, 140—142, 163, 164, 166

Наус Ж. 90, 148

Неджави Ага 56, 71, 166

Непир Дж. 74

Низамутдинов И. 4

Никольсон А. 19, 33, 35, 36, 38

Никольсон У. 149, 150

Норсбрук 11

Олтеи Е. 150

Орнштейн Дж. 139, 140

Остальцева А. Ф. 4

Остерн 105

Остриков П. Н. 4

Павлович М. П. 4, 120

Пакье Ч. 11

Пейтон Р. 136

Пирс 70

Поджно 47

Попов А. Л. 4

Попов М. В. 11, 30

Поляков Л. С. 60, 141

Поляков Я. С. 60

Пратт Э. С. 33, 34

Рабино Дж. 47, 50, 141, 144, 148

Рейтер Ю. 18, 25—27, 33, 35, 47, 50, 60, 66, 156, 158, 159

Рейдолдс Дж. 71, 72

Рнттих П. А. 4

Робертсон У. 149

Рожкова М. К. 11

Росс Е. С. 37, 43, 91, 95, 96

Роулинсон Г. 11, 14

Сайкс П. 5, 74, 75, 77

Сандерсон Т. 150

Сассун Д. 16, 50, 95, 107

Сафай И. 39

Сейдов Р. А. 5, 59

Сенджаби М. 109

Сепехдар М. 45

Сефевн Р. 5, 22

Сименс 22

Смит М. 24, 35, 41

Снесарев А. Е. 4

Солсберн Р. 9, 11, 14, 30, 31, 35, 37, 38, 63, 69, 73, 136, 141, 142

Стивенс Г. 91

Стюарт 73

Сулейман-шах 83

Тагнева Ш. Э. 5

Тальбот Дж. 132, 133, 142, 162

Тахмасп I 82

Теймури И. 5, 133, 142

Темпл 114

Тимофеев А. А. 4

Толозон 32

Томара М. Л. 95, 108

Томсон Р. 31—33, 35

Торенс 34, 50

Тренч Ф. 11

Туманьянц 53, 108

Тьогендхэт К. 67, 72

Уальтон 65

Уатт А. 73

Уинстон М. 33

Уолтон 148

Уориер У. 150

Уэбб Уэри 76

Фарман-Фарма 126

Фатх-Али-шах 118

Фрезер Д. 5

Халфин Н. А. 4, 11

Хазаль 43

Хасан аль-Хусейн 162

Хэнвей Д. 83

Хидоятов Г. А. 4, 11, 32

Хикс-Бич 69

Хосейн Кули-хан 34

Хотц 107

Чемберлен Дж. 9

Черчилль Р. 91, 107

Черчилль У. 72

Шерлн 82

Ширази Хасан 138, 140, 165, 166

Шнгов Г. В. 4

Шоа ос-Солтане Малек Мансур 144

Штейнберг Е. Л. 4, 11

Шеглов 124, 127

Эдуард VII 16, 147

Экбаль А. 142

Эльтон Д. 83

Энгельс Ф. 7, 8

Эсфандиар-хан А. 45, 46

Этемад ос-Солтане 47, 132

Ожаков С. Н. 4

Яхья-хан Мошир од-Доуле 33, 44, 47, 59, 132

- Австралия 21, 66
 Австрия 133, 163
 Австро-Венгрия 33
 Азербайджан Иранский 52, 68, 98, 104, 135, 136, 165, 160
 Александровск 22
 Арабистан 79
 Аравийский п-в 13
 Ардебиль 122
 Астрабад 68, 86, 107, 160
 Астрахань 82, 122
 Афганистан 10, 11, 13, 28, 30, 53, 60, 73—75, 77, 89, 92, 148, 151, 152
 Афины 140
 Африка 12, 64
 Ахваз 16, 28, 32, 35, 39, 40, 42, 44—46, 51, 59, 113, 143, 156
 Ашхабад 53, 122
- Багдад 45, 46, 51, 71, 92, 93, 103
 Баку 122
 Балканы 18
 Басра 46, 51, 52, 71
 Бахрейн (о) 78
 Бахтиярия 79
 Белое море 82
 Белуджистан Иранский 11, 22, 73—77, 144
 Бендер-Аббас 16, 57, 78, 83, 92, 94—96, 101, 106, 108, 150
 Бендер-Кир 28
 Берлин 33, 48, 140, 156
 Бехбехан 45
 Бирма 17
 Бомбей 34, 51, 87, 93, 94, 96, 100, 108
 Боруджерд 44, 51, 58, 96, 99, 143
 Британская Индия 15, 21, 22, 24, 29, 37, 43, 73, 75, 86, 87, 89, 93—96, 99, 101—103, 106, 108, 144
 Бушир (Бендер-Бушир) 16, 22, 35, 44, 46, 51, 57, 58, 66, 78, 79, 84—86, 92—96, 98, 101, 102, 105, 106, 108, 113, 114, 143, 144, 150, 160
- Вашингтон 34, 140
 Великобритания 7—10, 14—16, 21, 22, 26, 27, 34, 36, 38, 40, 60, 63, 69, 73, 84, 93, 113, 128, 132, 134, 141, 146, 147, 149, 150
- Вена 48, 156
- Гаудан 53
 Гельменд 76
 Герат 11, 30, 73
 Германия 5, 12, 22, 27, 32—34, 49, 64, 133, 150, 163
 Гибралтар 14
 Гилян 68, 104, 121, 160
 Гонконг 108
- Джаск 22, 144
 Джульфа 69, 93
 Диз р. 28
 Дизфуль 45, 113
- Евфрат р. 16, 28, 29
 Египет 16, 78
- Зейтун с. 45
- Индия 9—12, 15, 16, 21, 23, 25, 26, 30, 36, 41, 46, 53, 66, 72, 73, 75, 77, 82—87, 89, 92, 99—101, 103, 104, 130, 146, 147, 149, 150
 Ирак 17, 45
 Исфахан 16, 28, 35, 37, 44, 46, 51, 52, 56, 58, 70—72, 94—96, 99, 105, 106, 108, 113, 117, 119, 126, 136—139, 143, 144, 149, 150, 152, 166
 Италия 104
 Йезд 16, 22, 51, 94, 95, 105, 106, 108, 117, 149, 152
- Казань 82, 83
 Казвин 51, 69, 92, 99
 Калькутта 100
 Кандагар 30
 Карун р. 27—32, 34—45, 47, 60, 96, 132, 143, 156
 Карачи 2
 Каспийское море 25, 63, 83, 105
 Касре-Ширин 152, 160
 Катар п-в 78
 Кашан 94, 99, 104, 107
 Кветта 75—78
 Келат 24, 74, 114
 Кербела 45, 162
 Керман 16, 22, 51, 74, 75, 77, 95, 104, 105, 149

- Керманшах 16, 46, 51, 57, 58, 86, 92, 99, 105, 106, 149, 160
 Кипр 17
 Китай 13, 46, 64, 89, 102, 103, 108
 Копенгаген 140
 Кохек 74
 Красное море 11, 28
 Кувейт 16, 78
 Кум 44, 56, 58
 Курдистан 79, 99, 104
 Кучан 53
- Ленге 92, 94, 96, 106, 112
 Лондон 7, 8, 25, 33, 36, 42, 43, 48, 54, 64, 66, 72, 93, 106, 130, 132, 136, 141, 147, 151, 156
 Лурестан 45, 79, 97, 113
- Мадрас 87
 Мадрид 140
 Мазандеран 68, 123, 160
 Малага 11
 Манчестер 91, 98, 100
 Маскат 22
 Машкил 74
 Мехран 143
 Мешхед 16, 51, 53, 71, 73, 77, 83, 86, 92, 95, 99, 104—106, 113, 114, 136, 139
 Москва 11
 Мохаммера (Хорремшехр) 16, 28, 29, 31, 32, 35, 39, 42, 46, 51, 57, 78, 92, 94, 96, 106, 150, 156
- Назирн 96
 Неджеф 71
 Неджефабад, село 113
 Нушки 75—77
- Одесса 22
 Оренбург 64
- Париж 25, 48, 66, 140, 150, 151, 156
 Пекин 11
 Пенджаб 11
 Персидский залив 11, 13—15, 21, 23, 25, 28—31, 36, 38, 39, 42, 45, 46, 57, 58, 60, 63, 65, 68, 69, 73, 78—84, 86, 87, 92—97, 99, 101, 103, 105, 107, 112, 141, 142, 144, 148—153, 159
 Персия (Иран) 10, 13, 15, 17, 23, 27, 30, 31, 34, 36, 38, 39, 41, 43, 54, 57, 61—64, 66, 67, 69, 70, 94, 97, 98, 99, 114, 123, 124, 126, 128, 136, 149, 150, 152, 155—160
 Португалия 83
 Пятиречь 11
- Решт 51, 71, 86
- Россия 11—14, 17—20, 22, 24, 26—28, 30—39, 47, 49, 55, 60—66, 68, 69, 71, 73, 80, 82—85, 89, 90, 92, 93, 98—101, 109, 114—116, 122, 125, 132, 134, 141, 146—153
- Самарра 138
 Санкт-Петербург 33, 38, 64, 156
 Сархад 76
 Сид 11
 Сиستان 11, 16, 30, 31, 51, 66, 69, 73—78, 99, 149, 150
 Стамбул (Константинополь) 107, 130
 Султанабад 41, 44, 51, 104—106
 Суэцкий канал 93
 США 7, 8, 33, 34, 49, 50, 64, 133, 163
- Ташкент 64, 122
 Тебриз 22, 51, 53, 69, 86, 91, 92, 97, 98, 104—108, 135, 136, 143, 144, 163
 Тегеран 14, 16, 22—27, 29, 31—33, 35, 36, 38, 44—48, 51—53, 57, 59—61, 67, 70, 86, 89, 92—94, 97—100, 105—107, 111—113, 124, 132—134, 136—138, 140, 144, 156, 157, 161, 166
 Тибет 13, 148, 151, 152
 Тигр, р. 16, 93
 Тифлис 22, 93, 109, 122
 Трабзон 92, 93, 97, 99, 105
 Туркестан 11
 Турция 13, 29, 31, 64, 82, 89
 Урмия 106
 Фарс 37, 65, 68, 69, 104, 126, 148
 Фирюзе, село 114
 Франция 8, 12, 32, 63—65, 84, 85, 104, 141, 149, 150
- Хамадан 16, 51, 92, 99, 113
 Ханекин 16, 22, 92
 Хорасан 55, 60, 68, 73, 77, 99, 113, 114, 136, 137, 160
 Хормоз 83
 Хузестан 29, 32, 39, 45, 72, 97, 156
- Чагай, Чагайский округ 75, 76
 Чаман 92
 Чехармехаль 28
 Шемаха 82
 Шатт-эль-Араб 28
 Шахруд-Бастамская, пров. 134
 Шираз 51, 71, 84, 86, 94, 95, 105, 106, 108, 134—137, 139, 144, 162
 Ширван 82
 Шуштер 28, 29, 35, 42, 44, 45, 60, 144, 160
 Эзелн 32, 39
 Эривань 122
- Япония 7, 19, 104, 148, 151

Введение	3
Глава 1. Особенности политики английского империализма в Иране в последней трети XIX — начале XX в.	6
Глава 2. Политическая и экономическая экспансия Англии в Иране. Основные концессии английского империализма	20
Глава 3. Торговая экспансия Англии в Иране	81
Глава 4. Основные черты социально-экономического и политического развития Ирана в конце XIX — начале XX в.	115
Глава 5. Борьба иранского народа против английских концессий и монополий	130
Глава 6. Подготовка к англо-русскому соглашению о разделе сфер влияния в Иране	146
Заключение	153
Приложения	155
Примечания	167
Указатель имен	185
Указатель географических названий	188

Людмила Михайловна Кулагина

ЭКСПАНСИЯ АНГЛИЙСКОГО
ИМПЕРИАЛИЗМА В ИРАНЕ В КОНЦЕ
XIX — НАЧАЛЕ XX в.

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор А. М. Козлова
Младший редактор Н. Н. Комарова
Художник Л. Э. Немировский
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор В. П. Стуковина
Корректор П. С. Шин

ИБ № 14150

Сдано в набор 19.12.80. Подписано к печати 16.06.81. А-08521. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 12,0. Усл. кр.-отт. 12,25. Уч.-изд. л. 13,93. Тираж 1900 экз. Изд. № 4950. Тип. зак. 887. Цена I р. 90 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

56.1

90 к.